

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 1

2019

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2019

Учредители

Алтайский государственный университет
Алтайский государственный педагогический университет
Алтайский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. В.М. Шукшина
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

А.А. Чувакин, д.ф.н., проф. (Барнаул, председатель), О.В. Александрова, д.ф.н., проф. (Москва), К.В. Анисимов, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Н. Басовская, д.ф.н., проф. (Москва), В.В. Красных, д.ф.н., проф. (Москва), Л.О. Бутакова, д.ф.н., проф. (Омск), Т.Д. Венедиктова, д.ф.н., проф. (Москва), О.М. Гончарова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Г. Елина, д.ф.н., проф. (Саратов), Е.Ю. Иванова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, PhD, проф. (Канада, Галифакс), О.Т. Молчанова, д.ф.н., проф. (Польша, Щецин), М.Ю. Сидорова, д.ф.н., проф. (Москва), И.В. Силантьев, д.ф.н., проф. (Новосибирск), К.Б. Уразаева, д.ф.н., проф. (Казахстан, Астана), И.Ф. Ухванова, д.ф.н., проф. (Белоруссия, Минск), Э. Хофман, Dr. Philol, доц. (Австрия, Вена), А.П. Чудинов, д.ф.н., проф. (Екатеринбург).

Главный редактор

Т.В. Чернышова

Редакционная коллегия

Е.А. Худенко (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), П.В. Алексеев, М.П. Гребнева, В.Н. Карпухина, И.Ю. Колесов, Г.В. Кукуева, А.И. Куляпин, Е.В. Лукашевич, В.Д. Мансурова, С.А. Осокина, Ю.В. Трубникова, А.Т. Тыбыкова, М.Г. Шкуропацкая

Секретариат

С.В. Доронина, Е.И. Клинк, М.П. Чочкина

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66;
Алтайский государственный университет, факультет массовых коммуникаций,
филологии и политологии, оф. 405а.

Тел./Факс: 8 (3852) 296617. E-mail: sovvet01@filo.asu.ru

Адрес на сайте АлтГУ: http://www.finc.asu.ru/philol_journal/

Адрес в системе РИНЦ: http://library.ru/title_about.asp?id=25826

Адрес в Open Journal System: <http://journal.asu.ru/pm/index>

ISSN 1992-7940

© Издательство Алтайского университета, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Е.Ю. Иванова. Подчинительный союз <i>da / da</i> в южнославянских языках.....	7
Д.С. Мухортов. Об особенностях исследования языковой личности политика на современном этапе.....	22
О.М. Литвишко. Дискурсивные маркеры в государственных политико-правовых документах (на материале Ежегодного послания Президента Федеральному собранию РФ и Ежегодного послания Президента США Конгрессу).....	30
А.В. Кремнева. Интертекстуальные включения как один из барьеров на пути интерпретации смысла текста	46
О.А. Киба. Парадигматика и синтагматика инженерного дискурса: лингводидактический подход	61
С.А. Осокина. Языковые особенности оформления договоров купли-продажи автомобиля на русском и английском языках: перевод и локализация	73
Т.В. Федосова, М.И. Абдыжапарова. Метафоры, которыми жили теории Эрика Берна (на материале книг Э. Берна «Games People Play» и «What Do You Say after You Say “Hello?”»)	86
И.Б. Ушакова. О <i>настоящем</i> и « <i>настоящности</i> »	96
Е.Г. Романова. Аккультурация как объект художественного исследования в ранней прозе Г. Гребенщикова	105
В.Я. Иванова. Структура художественного времени и пространства в пьесе А. Вампилова «Дом окнами в поле»	116
С.А. Ан, Я.П. Изотова. О вечном и временном: семантика заглавия романа Рут Озеки «Моя рыба будет жить»	127

Научные сообщения

О.А. Теуш. Лексическое воплощение идеограммы 'просека' в диалектах Европейского севера России.....	137
М.А. Головцова, А.А. Шунейко. «Восхищение» в разных культурных традициях	147
Чжао Сюе. Л. Улицкая в китайской русистике: причины популярности, аспекты изучения	155
Е.М. Караваяева. В поисках «Земли Обетованной»: герои Гиш Джен как представители гибридного поколения	163
Резюме	172
Наши авторы	186

CONTENTS

Articles

E.Yu. Ivanova. Subordinate Conjunction <i>da</i> in South Slavic Languages.....	7
D.S. Mukhortov. On the Research of the Politician's Linguistic Profile Today.....	22
O.M. Litvishko. Discourse Markers in State Political and Legal Documents (Based on the Annual Address of the President to the Federal Assembly of the RF and State of the Union Address of the USA President)	30
A.V. Kremneva. Intertextual Fragments as a Barrier on the Way to the Interpretation of the Text Meaning	46
O.A. Kiba. Paradigmatic and Syntagmatic Aspects of Engineering Discourse: Linguodidactic Approach.....	61
S.A. Osokina. Language Features of Vehicle Sales Agreement in the Russian and English Languages: Translation vs. Localization.....	73
T.V. Fedosova, M.I. Abdyzhaparova. Metaphors by which Eric Bern's Theories Lived (Based on the books by E. Bern <i>Games People Play</i> and <i>What Do You Say after You Say "Hello?"</i>).....	86
I.B. Ushakova. On the Semantics of the Russian Words <i>настоящий (nastoyashchij)</i> and « <i>настоящность</i> » (<i>nastoyashchnost'</i>).....	96
E.G. Romanova. Acculturation as an Object of Artistic Research in G. Grebenshchikov's Early Prose	105
V.Ya. Ivanova. Structure of Artistic Time and Space Continua in the Play of A. Vampilov <i>House Overlooking the Field</i>	116
S.A. An, Ya.P. Izotova. On the Eternal and Temporary: Semantics of the Title of the Novel by Ruth Ozeki <i>My Fish Will Live</i>	127

Scientific Reports

O.A. Teush. The Lexical Expression of Ideogram ‘Forest Clearing’ in the Dialects of the European North of Russia.....	137
M.A. Golovtsova, A.A. Shuneyko. Admiration in Different Cultural Traditions	147
Zhao Xue. L. Ulitskaya in Chinese Russian Studies: Reasons for Popularity, Aspects of the Study	155
E.M. Karavaeva. In Search of the Promised Land: Gish Jen’s Characters Representing the New Hybrid Generation.....	163
Summary	172
Our authors	186

СТАТЬИ

ПОДЧИНИТЕЛЬНЫЙ СОЮЗ *ДА* / *DA* В ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ¹

Е.Ю. Иванова

Ключевые слова: *да*-предложения, модальность, южнославянские языки, балканославянские языки.

Keywords: *da* clauses, modality, South Slavic languages, Balkan Slavic languages.

DOI 10.14258/filichel(2019)1-01

В современных южнославянских языках полностью утрачена функция союза *да* как средства сочинения двух предложений (как это было возможным в старославянском языке, ср. и рус. сочинительное *да*), но функции подчинительного союза не только сохранились, но и получили значительное расширение. Тем не менее, хотя экспансия данного союза в область сложноподчиненного предложения представлена во всех южнославянских языках, его синтаксические и семантические характеристики коренным образом отличаются в западной (языки сербохорватской территории и словенский язык) и восточной (болгарский и македонский языки) подгруппах².

Эти подгруппы демонстрируют два вектора развития старославянского *да* как подчинительного союза. В болгарском и македонском языках произошла грамматикализация *да* как

¹ Выражаю благодарность РГНФ/РФФИ за поддержку научного проекта № 16-04-50019 «Южнославянская *да*-конструкция и ее русские параллели», в рамках которого осуществляется это исследование. Благодарю Младена Ухлика за обсуждение черновика статьи и предоставленные материалы.

² Это деление, как известно, не является жестким: ряд сербских диалектов разделяет особенности болгаро-македонского континуума.

приглагольного элемента, в результате чего он приобрел функции конъюнктивоподобной частицы, в том числе выступая в связующей функции; этот процесс спровоцирован балканским языковым окружением (см. далее). Западные южнославянские языки, наоборот, иллюстрируют значительное укрепление и функциональное развитие *da / da* как подчинительного союза.

Указанные расхождения отражаются в грамматических и линейно-синтаксических свойствах данного элемента. Важно и то, что разный статус *da / da* в данных языках сказывается и на его семантике, на его способности / неспособности вводить реальные положения дел. В работе наибольшее внимание неизбежно будет уделено болгарскому и македонскому языкам – языкам балканославянским, поскольку именно в них представлены специфические свойства подчинительного *da*, не свойственные никаким другим славянским языкам и, вообще говоря, ставящие под вопрос «союзный» статус этого элемента. Особого внимания заслуживает и проблема существования особых синтаксических позиций, где «нефактивность» балканославянского *da* нейтрализована.

1. Союз *da / da* в западных южнославянских языках

В западных языках южнославянской группы развитие союза *da / da* шло по пути становления его как типичного функционального (асемантического) союза¹. В настоящее время на уровне сложного предложения *da / da* является подчинительным союзом с недифференцированным значением. Учитывая, что этот союз вводит придаточные самых разных типов, его функцию в западных южнославянских языках трудно описать иначе, чем «указание на подчинение»: «Везник *da* се, рецимо, јавља као знак везе свих, или скоро свих, зависних реченица с реченицама от којих зависе...» [Стевановић, 1964, с. 820] («Союз *da*, можно сказать, предстает как знак соединения всех или почти всех придаточных с предложениями, от которых они зависят...»)², см. также [Седлачек, 1970; Грицкат, 1975; Деянова, 1982; Ружић, 2006; Пипер, Клајн, 2015; Синтакса, 2018; Торговић, 1982, 2000; Silić, Pranjković, 2005; Ухлик, Желе, 2017 и др.].

Ср., например, разнообразные типы придаточных, присоединяемые *da / da* в сербском и словенском языках; словенские примеры взяты из [Ухлик, Желе, 2017, 2018]:

¹ О путях и причинах развития *da* в асемантический подчинительный союз имеется обширная литература, например, [Седлачек, 1970; Грицкат, 1975; Sedláček, 1982; Деянова, 1985, 1986; Грковић Мејор, 2004].

² Здесь и далее, если не указано иное, перевод с южнославянских языков мой. – Е.И.

(1) серб. а. *Kako da se суочим с тим да нас је тата напустио* ‘Как мне примириться с тем фактом, что папа нас покинул’.

б. *Чула сам да ускоро путујеш у Москву* ‘Я слышала, что ты скоро едешь в Москву’.

в. *Mисao да ће она отићи тешко га је погодила* ‘Мысль о том, что она уйдет, сразила его’.

(2) словен. а. *Povedal je, da ga je obiskala* ‘Он сказал, что она его навестила’.

б. *Želim si, da bi kolega čim prej napisal knjigo* ‘Я хочу, чтобы коллега как можно скорее написал книгу’.

в. *Govorila je tako jasno, da so jo vsi razumeli* ‘Она говорила так / настолько ясно, что все ее понимали’.

г. *Bilo je mrzlo, da se je ves tresel* ‘Было холодно, так что он весь дрожал’.

Важной характеристикой союза *da / da* в этих языках является то, что, будучи союзом с недифференцированным значением, он лишен семантического ограничения на фактивность зависимой предикации, что, как мы увидим далее, характерно для подчинительного *da* в языках балканославянских. Примеры выше, как и их русские переводы, демонстрируют, что сербский и словенский союз *da / da* не блокирует введение ситуаций, отражающих реальное положение дел. Он не накладывает и модально-темпоральных ограничений на последующее сказуемое. Требуемая выражения модальность выражается не союзом, а лексическими и грамматическими средствами, см. условное наклонение *bi napisal* в словенском примере (2б).

Эти же свойства *da / da* сохраняются при вхождении его в составные союзы, см. примеры (22)-(23) далее. Отметим также, что в языках этой подгруппы, в отличие от балканославянских, сохранен и инфинитив, в некоторых случаях составляющий зону конкуренции для *da*-предложений; эту тему, требующую отдельного рассмотрения, мы здесь не затрагиваем.

Что касается *da / da* в функции частицы, то в языках сербохорватской территории *da*-формы активно функционируют в оптативно-императивной парадигме [Грицкат, 1975; Пипер, Клајн, 2015], см. примеры (3). В словенском языке тоже сохранились, хоть и с некоторыми ограничениями, функции *da* как модальной частицы. Она активно употребляется как оптативная (4а), но частично вытеснена из императивной зоны частицей *naj* [Деянова, 1982, с. 325–327; Ухлик, Желе, 2018; Uhlik, 2018]. Особенно очевидно отличие словенского языка при «делиберативных» вопросах, где только в словенском языке

употребляется *naj* на фоне *da* в других южнославянских языках [Uhlík, 2018], см. (4в).

(3) серб. а. *Да узмемо још један колач* ‘Давай возьмем еще одно пирожное’.

б. *Да вам се све жеље испуне!* ‘Пусть сбудутся все ваши желания!’

(4) словен. а. *Samo da bi bilo zdravje!* ‘Лишь бы было здоровье!’ [Ухлик, Желе, 2018].

б. *Da mi hitro prineseš knjigo!* ‘Чтоб ты мне быстро принес мне книгу! / Принеси мне быстро книгу!’

в. *Kaj naj rečem?* ‘Что тут сказать? / Что тут скажешь!’ (ср. серб., хрв., босн. *Šta da kažem?*, болг. *Какво да (ти) кажа?*) [Uhlík, 2018].

2. Союз *da* / *da* в восточных южнославянских языках

Совершенно иная ситуация представлена в балканославянских языках, представляющих восточную группу южнославянских языков.

Балканская конструкция, представляющая собой сочетание личных форм глагола со служебной частицей (греч. *va*, рум. *să*, алб. *të*, слав. *da*) и обладающая набором грамматических и семантических характеристик (см. 2.1. и 2.2), фиксировалась еще в эпоху зарождения славянской письменности, но наиболее активное ее распространение в балканославянских языках связывается с процессами конвергенции на балканской языковой территории [Sedláček, 1982; Дограмаджиева, 1984; Деянова, 1985, 1986; Цыхун, 1981; Joseph, 1983; Асенова, 2002 и др.]. Именно под балканским влиянием стала происходить активная замена старославянского инфинитива, супина, некоторых видов причастий формами «*da* + PRES». Впоследствии состав темпоральных форм в ряде синтаксических позиций был расширен перфектом, плюсквамперфектом, более редким имперфектом.

2.1. Синтаксические позиции *da*-конструкции и функции частицы-союза *da*.

Da-конструкция в балканославянских языках имеет как независимое, так и зависимое употребление.

Поскольку **независимый тип** не входит в тематику данной статьи, отметим лишь впечатляющую многофункциональность частицы *da* в балканославянских языках. Это не только оптативная и императивная частица (5)-(6), но и вопросительная частица (7). *Da* входит также в состав эпистемически нагруженных показателей в обоих языках, в частности апрехенсивных частиц, маркирующих беспокойство говорящего по поводу возможности наступления нежелательной ситуации (8) [Иванова, Бужаровска, 2016]. Более подробно о функциях *da* в балканославянских языках см. [Асенова,

2002; Ницолова, 2008; Иванова, 2015; Иванова, Градинарова, 2015; Субјунктив, 2015 и др.].

(5) болг. а. *Аз да тръгвам вече* ‘Пойду-ка я’.

б. *Да беше му помогнал малко* ‘Помог бы ты ему’.

в. *Да не се отчайват* ‘Пусть они не отчаиваются’.

г. *Кракът ти да не е стъпил тук!* ‘Чтоб ноги твоей здесь не было!’

(6) а. мак. *Да ми дадеше малку пари.* ‘Дал бы ты мне немного денег’.

б. *Марија да не се враќа!* ‘Мария пусть не возвращается’.

в. *Да не си се јавувал веќе, разбра?!* ‘Чтоб больше не появлялся здесь, понял?!’

(7) а. болг. *Да имате хляб?* ‘А хлеб есть?’

б. мак. *Да не имате свежи печурки?* ‘У вас, случайно, нет свежих грибов?’

(8) а. болг. <*Шефката ми се разсърди*> *Да не би да ме уволни* ‘<Начальница на меня рассердилась> Как бы она меня не уволила! / Еще уволит!’

б. мак. *Да не одиш таму?* ‘Уж не собрался ли ты идти туда?’

В **зависимой позиции** *да*-конструкция прежде всего заменила инфинитив после глаголов намерения, желания и в целевых придаточных [Грамматика на старобългарския език 1991, с. 507-508; Асенова 2002, с. 141-201 и др.], распространившись и на другие типы сложноподчиненных предложений.

В сложном предложении балканославянское *да* функционирует как самостоятельный подчинительный союз или как элемент составных союзов. Так, в болгарском языке *да* в качестве самостоятельного союза вводит придаточные изъяснительные (9) и целевые (10). В ряде синтаксических позиций *да*-конструкция выступает в качестве аналога инфинитивных групп (11). Кроме того, подчинительный союз *да* употребляется в разговорных конструкциях, в традиционных классификациях относимых к придаточным причины (12), где *да*-предложение указывает на ситуацию, вызвавшую указанное в главной части состояние субъекта:

(9) болг. *Не вярвам да ме е излъгал* ‘Я не думаю, что (букв. ‘Не верю, чтобы’) он меня обманул’.

(10) *Обърнах се да го видя* ‘Я обернулся, чтобы его увидеть’.

(11) *Важното бе да стигне до София или до някоя гара близо до София* (Д. Димов) ‘Главным было добраться до Софии или до ближайшей к ней станции’.

(12) а. *Заболя го главата да слуша* ‘У него разболелась голова слушать’.

б. *Избихме си краката да тичаме*, букв. ‘Мы стерли ноги бежать’.

Диахронически более поздним явлением, по сравнению со становлением *да* как самостоятельного союза в целевых и изъяснительных предложениях, предстает вхождение *да* в составные союзы. Основная их часть сформировалась по общебалканской модели связыванием предлогов (реже – союзов и частиц) с *да*-конструкцией. Так в болгарском языке образовались семантически специализированные сложные союзы *освен да* ‘кроме [того] чтобы’, *вместо да* ‘вместо [того] чтобы’, *без да* ‘без [того] чтобы’, *макар (и) да* ‘хотя (и)’, *преди да* ‘прежде чем’ и др. Процесс становления этих союзов, начавшийся в период усиленных балканских контактов, впоследствии активизировался, поскольку стал соответствовать потребности в интеллектуализации речи, возникшей на начальном этапе формирования национальных литературных языков [Асенова, 2002, с. 180].

Как элемент составного союза балканославянское *да* участвует во многих типах обстоятельственных предложений, ср. придаточные ограничительные (13), заместительные (14), образа действия (15), уступительные (16), временного предшествования (17), а также несколько семантических вариантов целевых придаточных, например, (18) с основным целевым союзом *за да* ‘чтобы’ и с союзом формально осуществляемого действия *колкото да* ‘лишь бы’:

(13) болг. *Какво можеше да каже утре на майката, освен да разстрои и нея?* (П. Вежинов) ‘Что он мог сказать завтра матери, кроме как расстроить и ее?’

(14) мак. *Наместо да ја излие водата, почна да ја пие* ‘Вместо того чтобы вылить воду, он начал ее пить’.

(15) болг. *Нацупила се — върви напред, почти без да говори с него* (Д. Пеев) ‘Ну вот, надулась: идет вперед, почти не разговаривая с ним, букв. почти без [того] чтобы говорить с ним’.

(16) болг. *Аз винаги се настивам, когато и да си легна* (Н. Петков) ‘Я всегда высыпаюсь, когда бы ни лег’.

(17) мак. *Треба да го фатиме пред да убие уште некој* ‘Нужно поймать его, прежде чем он убьет еще кого-нибудь’.

(18) болг. а. *Пийте повече течности и мийте ръцете си след всяко здрависване, за да не пипнете грип в офиса* ‘Пейте больше жидкости и мойте руки после каждого рукопожатия, чтобы не подхватить грипп в офисе’.

б. *Вкус, какво да се прави... – промърморвам, **колкото да** запълня паузата* (Б. Райнов) ‘*Вкус, ничего не поделаеш ... – бормочу я, лишь бы заполнить паузу*’ (пер. А. Собковича).

Во всех перечисленных употреблениях (также как и в независимой позиции), *да*-конструкция характеризуется обязательной контактностью элемента *да* с глаголом. Между ними допускаются только энклитики (местоименные и глагольные), а также отрицание *не*, см. примеры выше: (9а), (10), (14), (16), (18а).

Требование контактности *да* с глаголом приводит к тому, что перед компонентом *да* могут находиться в инверсированной позиции подлежащее, дополнение или обстоятельственные элементы подчиненной предикации. Это значит, что придаточное предложение в случае самостоятельного союза *да* будет начинаться не с союза, а с инверсированных частей придаточного, далее подчеркнутых, см. (19), а в случае составных союзов инверсированные части будут разрывать составной союз: выдвинутые вперед элементы подчиненной предикации расположатся между первым элементом союза, который обязан начинать подчиненную клаузу, и элементом *да*, который сдвигается вправо, обеспечивая себе контактность со сказуемым (20)-(21).

(19) болг. *Сега най-важното е тя да не разбере нищо — мислеше уплашено той* (П. Вежинов) ‘Сейчас самое главное, чтобы она (букв. она чтобы) ничего не узнала – испуганно думал он’.

(20) болг. *В полутъмното напипах празнина, колкото ребром да се промъкне човек* (Н. Райнов) ‘В полутьме я нащупал пустое пространство – только чтоб боком протиснуться’.

(21) мак. *Секој таков случај треба да се пријави за ние да преземеме мерки* ‘Каждый такой случай должен быть сообщен, чтобы мы приняли меры’.

Единственным исключением является болгарский союз *за да*, не допускающий, в отличие от других союзов с *да* и даже от македонского *за да* (21), разрыва союзных компонентов *за* и *да*. Впрочем, и у него строго соблюдается требование контактности *да* с последующим глаголом, см. пример (18а), так что инверсия частей придаточного при этом союзе невозможна.

Сравнение с составными союзами сербского и словенского языков делает еще более очевидными указанные особенности балканославянских языков. Так, в сербском и словенском примерах ниже можно наблюдать такие свойства союзов, включающих компонент *да / da*, которые невозможны для болгарских и македонских. В обоих придаточных сообщается о реальном

положении дел¹. Союз *тако да* в примере (22) отделен от сказуемого (точнее, причастной формы *завршила*), помимо возвратной энклитики *се*, двумя ортотоническими словами, составляющими группу подлежащего *сједница Савјета*. Разрывы союзов в данных языках недопустимы.

(22) серб. *Данас је дневни ред био врло кратак, тако да се сједница Савјета завршила брзо* ‘Сегодня повестка дня была очень короткой, так что заседание Совета закончилось быстро’ [Синтакса, 2018, с. 450].

(23) словен. *Kljub temu da je konkurenca zelo močna, je podružnica naše banke zelo uspešna* ‘Вопреки тому, что конкуренция очень высока, у филиала нашего банка дела идут хорошо’.

Рассмотренные линейно-синтаксические свойства болгарских и македонских составных союзов с *да* свидетельствуют о том, что они так и не стали типичными (синтаксическими) союзами, что является следствием процесса с прямо противоположным структурным эффектом, а именно тенденции к грамматикализации *да* как конъюнктивоподобной приглагольной частицы (см. обзор болгаристической литературы по этой теме в [Иванова, 2015]). Процесс грамматикализации *да*, начавшийся раньше, чем становление указанных союзов, оказался препятствием на пути слияния компонентов составных союзов и обретения ими обычных синтаксических союзных характеристик.

2.2. Семантика балканославянского подчинительного *да*

Функциональное разнообразие балканославянской *да*-конструкции затрудняет выявление ее инвариантного значения. Предлагается считать, что для независимой *да*-конструкции во всех разнообразных употреблениях в современных балканизированных славянских языках семантическим инвариантом является значение нефактивности [Ницолова, 2008, с. 328; Бужаровска, 1999; Аппан, Ашвега, 2004]. Это же значение с некоторыми оговорками распространяется и на зависимые употребления.

Упомянутые оговорки касаются группы предложений с союзами, вводящими условные и уступительные придаточные, ср. болг. *да, стига да* ‘(вот) если бы’, ‘вот только бы’, *макар (и) да* ‘хотя (и)’, *дори да* ‘даже пусть и’, *и да* ‘пусть и’, *който и да* ‘кто бы ни’, *когато и да* ‘когда бы ни’ и др. В этих предложениях почти нет модально-темпоральных ограничений, характерных для *да*-

¹ Впрочем, в сербском языке иногда отмечаются случаи предпочтения составных союзов с элементом *да* к выражению гипотетических ситуаций, см. [Синтакса, 2018, с. 397].

конструкции. В группе уступительных предложений допускается введение реальных положений дел, несмотря на наличие *да*, например, (24), (30а):

(24) болг. *И колкото да беше свикнал с това, беше му противно* (П. Константинов) ‘Хоть он и привык к этому (букв. Как бы он ни привык к этому), ему было противно’.

Эта особая семантическая свобода объясняется иной историей *да*, которое появилось здесь не на инфинитивных позициях: старославянская частица *да*, сопровождавшая условные и условно-уступительные союзы, постепенно обрела союзные функции, стала сама вводить условное предложение, и позже вошла в состав уступительных союзов [Дограмаджиева, 1984, с. 194, 210]. Несмотря на снятие семантических ограничений, данные союзы разделяют общие линейно-синтаксические характеристики *да*-форм, о которых шла речь в п. 2.1.

Во всех остальных типах придаточных, вводимых *да*, имеются ограничения на темпоральные формы сказуемых, в большей или меньшей степени жесткие (обычно – только настоящее время, также перфектные времена, реже – имперфект) [Иванова, 2018], обусловленные гипотетическим характером действия. Модальные ограничения касаются условного и повелительного наклонений, но формы пересказа в болгарском языке вполне возможны, так как они не являются наклонением, а представляют собой разновидность ренарратива, см. пример из [Мосинец, 2017, с. 415]:

(25) болг. *На другия ден лея им насила я заведе на Шипка — да видела паметника* (П. Вежинов) ‘На следующий день тетя затащила ее на Шипку — мол, посмотреть на памятник’.

В целом, *да* предстает как конъюнктивоподобный элемент в союзной функции, диктующий нефактивность последующей предикации или вводящий ситуацию, не охарактеризованную во временном и модальном отношении.

Действительно, основная масса зависимых предложений с *да* сообщает о гипотетических ситуациях (как, например, предложения с целевым значением, см. примеры (18), (20), (21)), другие же обозначают действие безотносительно времени его реализации. Так, в предложениях с семантикой замещения выбирается настоящее время независимо от того, является ли замещаемая ситуация реальной, уже произошедшей или же гипотетической. Так, в примере (26) можно предполагать либо реальное, либо хабитуальное действие в придаточном: ‘Х уже писал в сети’ либо ‘Х регулярно пишет в сети’,

но независимо от этого выбирается настоящее время сказуемого придаточного предложения.

(26) *И вместо да пишеши в социалните мрежи истерично „Имам най-страхотния син! Обичам дъщеря си!“*, иди и им го кажи в другата стая (Интернет) ‘И вместо того чтобы истерично писать в социальных сетях «У меня самый потрясающий сын! Я люблю свою дочь!», походи в соседнюю комнату и скажи им это’.

2.3. Балканославянский союз *да* в противопоставлении к «фактивным» союзам

Поскольку союз *да* обычно указывает на ирреальные ситуации, в болгарском и македонском языках он противопоставлен союзам болг. *че*, мак. *дека*, *што*, которые способны вводить реальные ситуации (ср. близкое противопоставление русских союзов *чтобы* и *что*), как в примерах (27), где союз *да* употребить невозможно:

(27) а. болг. *Радвам се, че дойдохте* ‘Я рад, что вы пришли’.

б. мак. *Благодарна сум што дојдовте* ‘Я благодарна вам за то, что вы пришли’.

Ср. различающиеся по фактивности пары болгарских изъяснительных предложений с *да* и *че*. В этих предложениях именно союзы вносят вклад в трактовку придаточных, в (а) – как сообщающих о гипотетическом положении дел, в (б) – о реальных ситуациях.

(28) а. *Важно е ти да си тук* ‘Важно, чтобы ты был здесь’.

б. *Важно е, че ти си тук* ‘Важно, что ты здесь’.

(29) а. *Мисълта да е сама с непознат мъж, я ужаси* ‘Мысль о том, чтобы быть наедине с незнакомым мужчиной, ужаснула ее’.

б. *Мисълта, че е сама с непознат мъж, я ужаси* ‘Мысль, что она одна с незнакомым мужчиной, ужаснула ее’ (пример предоставлен Г. Петровой в устной беседе).

2.4. Нейтрализация оппозиции между союзами *да* и *че* в болгарском языке

В македонском языке рассмотренное в п. 2.3 противопоставление союзов по фактивности (*да* в оппозиции к *дека*, *што*) соблюдается последовательно. В болгарском языке существуют, однако, две области, где оппозиция между нефактивным *да* и фактивным *че* не имеет места. Первый случай – это упомянутые выше уступительные союзы, при которых *да* имеет иное происхождение. При наличии двух синонимичных уступительных союзов *макар да* и *макар че* отсутствуют ограничения на выражение реальных положений, ср. введение реальных ситуаций при обоих союзах:

(30) а. *Бях чувал името, макар да не го познавах* ‘Я слышал его имя, хотя и не был знаком с ним’.

б. *Потеше се обилно, макар че не беше с палто* ‘Он истекал потом, хотя был не в пальто’.

Второй, гораздо более проблемной областью, где указанная оппозиция нейтрализуется, является группа *да*-придаточных после глаголов перцепции, см. обсуждение этого вопроса в болгаристических работах [Alexova, Tisheva 2000; Ласкова, 2009; Петрова, 2015 и др.]. Семантическая группа перцептивных предикатов, способных вводить реальные положения дел, может присоединять придаточное не только с союзом *че*, но и с *да* (ср., невозможность рус. *чтобы* после положительных глаголов перцепции: **Я видел, чтобы...*):

(31) а. *Аз видях да плаче котка* (Интернет). ‘Я видел, как (букв. чтобы) кошка плачет’.

б. *Вчера те видях да говориш с него* ‘Я вчера [тебя] видел, как (букв. чтобы) ты с ним разговариваешь’.

в. *Веднъж я чух да говори с баща ми* ‘Однажды я [ее] услышал, что / как (букв. чтобы) она разговаривает с моим отцом’.

Возможность употребления *да* после перцептивных глаголов является для многих болгаристов основанием для того, чтобы признать маркированным по фактивности членом оппозиции союз *че*, а немаркированным – союз *да*. Впрочем, этот особый случай можно отнести к «реликтовым состояниям» (и потому считать исключением): причины синонимии болгарских союзов *да* и *че* в указанных позициях кроются в истории болгарского языка. С одной стороны, реально-фактическое значение *да* развилось позже других, ср. убедительные примеры употребления *да* после глаголов перцепции в положительной форме лишь начиная с XVII века, например, с хабитуальным значением: *любъше да гледа да се бѣтъ людѣ* (Троян 89) [Деянова, 1986, с. 494]. С другой стороны, *че* является довольно молодым союзом (он стал активен лишь с XV века [Мирчев, 1978, с. 259]) и потому в этот ранний новоболгарский период еще не имел той семантической ниши, которую он имеет в современном языке. Употребление *да* в позиции после глаголов перцепции является, по-видимому, реликтом этого переходного состояния в употреблении двух противопоставленных изъяснительных союзов.

Заключение

Таким образом, южнославянские языки, несмотря на генетическую близость, демонстрируют различное направление

развития важного участка синтаксической системы – сложноподчиненных предложений с союзом *да*. Такие языки, как сербский, хорватский, словенский (западные языки южнославянской группы), обладают асемантическим подчинительным союзом *да / da* с широкой сферой действия. В балканославянских языках (болгарский и македонский) проявляются грамматические и семантические особенности *да* как элемента общебалканской конструкции с личной формой глагола. Это определяет не только особую структуру сложноподчиненного предложения с данным союзом, но и ограничения на типы ситуаций, вводимых данным союзом.

В статье мы не касались важного вопроса о том, как сказывается различие южнославянских языков в статусе *да*-форм на всей сфере модальных значений каждого языка. Несомненно, что в языках балканославянских, где *да*-конструкция взяла на себя часть модальных функций, средства выражения ирреальных значений особым образом перераспределены. Частично этот вопрос затронут в [Иванова, 2015, 2018], см. там же и предшествующую литературу. Однако проблема все еще нуждается в дальнейшем изучении, с учетом, с одной стороны, разной представленности инфинитива в южнославянских языках и, с другой, – смещений в области функций условного наклонения в каждом отдельном южнославянском языке, см., например, новейшие исследования на словенском материале [Ухлик, Желе, 2017, 2018; Плотникова, 2018] или же двуязычные сопоставления в статьях сборника [Статусот на модалната морфема БИ, 2018].

Литература

- Асенова П. Балканско езикознание: Основни проблеми на балканския езиков съюз. Велико Търново, 2002.
- Бужаровска Е. Независните *да*-конструкции во македонскиот јазик и нивните корелати во грчкиот јазик // Македонски јазик. 1999. № 51–52.
- Грамматика на старобългарския език. Фонетика. Морфология. Синтаксис. София, 1991.
- Грицкат И. Студије из историје српскохрватског језика. Београд, 1975.
- Грковић Мејџор Ј. Развој хипотактичког *да* у старосрпском језику // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. 2004. № 47 (1–2).
- Деянова М. За функциите на служебната дума *да* в словенския книжовен език (в сравнение с български) // Български език. 1982. № 4.
- Деянова М. Подчинени изречения със съюз *да* в съвременния словенски книжовен език. София, 1985.
- Деянова М. Из историята на *да*-конструкцияте в български език // Български език. 1986. № 6.

Дограмаджиева Е. Обстоятелствените изречения в книжовния старобългарски език. София, 1984.

Иванова Е.Ю. Русские параллели болгарской *да*-конструкции // Субјунктив со посебен осврт на македонските *да*-конструкции. Скопје, 2015.

Иванова Е.Ю. *Да*-конструкция как фактор синтаксической дифференциации славянских языков // Славянское языкознание. М., 2018.

Иванова Е.Ю., Бужаровска Э. Эпистемические вопросительные частицы *да не* в македонском и *да не би* в болгарском языках // Типология морфосинтаксических параметров. Вып. 3. М., 2016.

Иванова Е.Ю., Градинарова А.А. Синтаксическая система болгарского языка на фоне русского. М., 2015.

Ласкова Л. Имперфект и плусквамперфект в подчинени *да*-изречения след глаголи за възприятие // Български език. 2009. Приложение.

Мирчев К. Историческа граматика на българския език. София, 1978.

Мосинец А.Г. Становление целевых союзов в болгарском языке: от древнеболгарского до современного состояния. Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2017. Том 14. Вып. 3.

Ницолова Р. Българска граматика: Морфология. София, 2008.

Петрова Г. Сложни изречения с *да*-комплемент за изразяване на контрахипотетичност // Да (пре)откриваш думите. Пловдив, 2015.

Пипер П., Клајн И. Нормативна граматика српског језика. Нови Сад, 2015.

Плотникова О.С. Сослагательное наклонение в современном словенском литературном языке // Славянский мир: язык, литература, культура, Москва, 2018.

Ружић В. Допунске реченице у савременом српском језику. II // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. Кн. XLIX. 2006. Св. 2.

Седлачек Ј. Српскохрватске потврде о развоју реченице са *да* у јужним словенским језицима // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. Кн. XII. 1970. Св. 2.

Синтакса сложене реченице у савременом српском језику. Београд, 2018.

Статусот на модалната морфема БИ во македонскиот јазик и нејзините функционални еквиваленти во другите словенски и несловенски јазици: Морфосинтаксички студии IV. Скопје, 2018.

Стевановић М. Савремени српскохрватски језик. Београд, 1964.

Субјунктив со посебен осврт на македонските *да*-конструкции. Морфосинтаксички студии III. Скопје, 2015.

Ухлик М., Желе А. Семантичките и синтаксичките особености глаголов *bati se* 'бояться' и *upati (se/si)* 'надеятыя; отваживагыся' в словенском предложении // Slovenski jezik. Slovene Linguistic Studies. 11. 2017.

Ухлик М., Желе А. *Да*-предложения при глаголах желания и побуждения в словенском языке // Вопросы языкознания. 2018. № 5.

Цыхун Г.А. Типологические проблемы балкано-славянского языкового ареала. Минск, 1981.

Alexova Kr., Tisheva Y. Bulgarian *da*- and *che*-clauses after verbs of perception // Papers from 3rd Conference «Formal Approaches to South Slavic and Balkan Languages», Plovdiv, September 1999. University of Throdheim. 2000. 34.

Amman A., van der Auwera J. Complementizer headed main clauses for volitional mood in the languages of South-Eastern Europe – a Balkanism? // Balkan Syntax and Semantics. Amsterdam, 2004.

Joseph B.D. The Synchrony and diachrony of the Balkan infinitive // A study in areal, general and historic linguistics. Cambridge, 1983.

- Sedláček J. Modální perifráze *da*+indikativ v jižní slovanštině // *Slavia*. 1982. № 51.
- Silić J., Pranjković I. Gramatika hrvatskoga jezika (za gimnazije i visoka učilišta). Zagreb. 2005.
- Toporišič J. Nova slovenska skladnja. Ljubljana, 1982.
- Toporišič J. Slovenska slovnica. Maribor, 2000.
- Uhlik M. O *naj* in *pust'* v slovensko-ruski sopostavitvi // *Slavistična revija*. 2018. 66/4.

References

- Asenova P. *Balkansko ezikoznanie: Osnovni problemi na balkanskija ezikov sŭjuz* [Balkan Linguistics: Main Issues of the Balkan Sprachbund]. Veliko Tŭrnovo, 2002.
- Buzharovska E. *Nezavisnite da-konstrukcii vo makedonskiot jazik i nivnite korelati vo grehkiot jazik* [Independent *da*-Constructions in Macedonian and Their Correlates in Greek]. *Makedonski jazik* [Macedonian Language]. 1999. No. 51–52.
- Grickat I. *Studije iz istorije srpskohrvatskog jezika* [Studies from the History of the Serbo-Croatian Language]. Beograd, 1975.
- Grković Mejđzor J. *Razvoj hipotaktičkog da u starosrpskom jeziku* [Evolution of Hypotactic *da* in Old Serbian]. *Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku* [Collected Papers of Matica Srpska in Philology and Linguistics]. 2004. No. 47 (1–2).
- Gramatika na starobŭlgarskija ezik. Fonetika. Morfologija. Sintaksis* [Grammar of Old Bulgarian. Phonetics. Morphology. Syntax]. Sofija, 1991.
- Dejanova M. *Za funkciite na služebnata дума da v slovenskija knižhoven ezik (v sravnenie s bŭlgarski)* [On Functions of the Auxiliary *da* in Literary Slovenian (as Compared to Bulgarian)]. *Bŭlgarski ezik* [Bulgarian Language]. 1982. No. 4.
- Dejanova M. *Podchineni izrechenija sŭs sŭjuz da v sŭvremennija slovenski knižhoven ezik* [Subordinate Clauses with the Conjunction *da* in Modern Literary Slovenian]. Sofija, 1985.
- Dejanova M. *Iz istorijata na da-konstrukciite v bŭlgarski ezik* [From the History of *da* Constructions in Bulgarian]. *Bŭlgarski ezik* [Bulgarian Language]. 1986. No. 6.
- Dogramadzhieva E. *Obstoitelstvenite izrechenija v knižhovnija starobŭlgarski ezik* [Adverbial Clauses in Literary Old Bulgarian]. Sofija, 1984.
- Ivanova E.Yu. *Russkie paralleli bolgarskoj da-konstrukcii* [Russian Parallels of Bulgarian *da*-Construction]. *Subjunktiv so poseben osvrt na makedonskite da-konstrukcii* [Subjunctive with Special Emphasis on Macedonian *da*-Constructions]. Skopje, 2015.
- Ivanova E.Yu. *Da-konstrukcija kak faktor sintaksicheskoi differenciacii slavyanskih yazykov* [Da-Constructions as a factor of Slavonic Languages' Syntactic Differentiation] *Doklady rossijskoj delegacii*. Moscow, 2018.
- Ivanova E.Yu., Buzharovska E. *Epistemicheskie voprositel'nye chasticy da ne v makedonskom i da ne bi v bolgarskom jazykah* [Epistemic Interrogative Particles *da ne* in Macedonian and *da ne bi* in Bulgarian]. *Tipologija morfosintaksicheskikh parametrov* [Typology of morphosyntactic parameters]. Iss. 3. Moscow, 2016.
- Ivanova E.Yu., Gradinarova A.A. *Sintaksicheskaja sistema bolgarskogo jazyka na fone russkogo* [Syntactic System of Bulgarian as Contrasted with Russian]. Moscow, 2015.
- Laskova L. *Imperfekt i pluskvamperfekt v podchineni da-izrechenija sled glagoli za vŭzprijatie* [Imperfect and Pluperfect in Subordinate *da* Clauses Following Verbs of Perception]. *Bŭlgarski ezik* [Bulgarian Language]. 2009. Supplement.
- Mirchev K. *Istoricheska gramatika na bŭlgarskija ezik* [Historical Grammar of Bulgarian]. Sofija, 1978.

Mosinec A.G. *Stanovlenie celevykh sojuzov v bolgarskom jazyke: ot drevnebolgarskogo do sovremennogo sostojanija* [Emergence of Conjunctions of Purpose in Bulgarian: from Old Bulgarian to the Modern State]. *Vestnik SPbGU. Serija 9. Filologija. Vostokovedenie. Zhurnalistika* [Newsletter of St. Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental Studies. Journalism]. 2017. Vol. 14. Iss. 3.

Nicolova R. *Bŭlgarska gramatika: Morfologija* [Bulgarian Grammar: Morphology]. Sofija, 2008.

Petrova G. *Slozhni izrechenija s da-komplement za izrazjavane na kontrahipotetichnost* [Compound Sentences with *da* Complement Expressing Counter-Hypotheticality] *Da (pre)otkrivash dumite* [(Re)discovering Words]. Plovdiv, 2015.

Piper P., Klajn I. *Normativna gramatika srpskog jezika* [Standard Grammar of Serbian]. Novi Sad, 2015.

Plotnikova O.S. *Slozlagatel'noe naklonenie v sovremenom slovenskom literaturnom jazyke* [Subjunctive Mood in Modern Literary Slovenian]. *Slavjanskij mir: jazyk, literatura, kul'tura* [Slavic World: language, literature, culture]. Moscow, 2018.

Ružić V. *Dopunske rečenice u savremenom srpskom jeziku. II* [Complement Clauses in Modern Serbian] *Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku* [Collected Papers of Matica Srpska in Philology and Linguistics]. Vol. XLIX. 2006. Iss. 2.

Sedláček J. *Srpskohrvatske potvrde o razvitku rečenice sa da u južnim slovenskim jezicima* [Serbo-Croatian Evidence for Evolution of Sentences with *da* in South Slavic Languages]. *Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku* [Collected Papers of Matica Srpska in Philology and Linguistics]. Kn. XII. 1970. Sv. 2.

Sintaksa složene rečenice u savremenom srpskom jeziku [Syntax of Compound Sentence in Modern Serbian]. Beograd, 2018

Statusot na modalnata morfema BI vo makedonskiot jazik i nejdinite funkcionalni ekvivalenti vo drugite slovenski i neslovenski jazici: Morfosintaksichki studii IV [Status of Modal Morpheme *bi* in Macedonian and its Functional Equivalents in Other Slavic and non-Slavic Languages]. Skopje, 2018.

Stevanović M. *Savremeni srpskohrvatski jezik* [Modern Serbo-Croatian]. Beograd, 1964.

Subjunktiv so poseben osvrt na makedonskite da-konstrukcii. Morfosintaksichki studii III [Subjunctive with Special Emphasis on Macedonian *da*-Constructions. Morphosyntactic Studies III]. Skopje, 2015.

Uhlik M., Žele A. *Semanticheskie i sintaksicheskie osobennosti glagolov bati se 'bojat'sja' i upati (se/si) 'nadejat'sja; otvazhivat'sja' v slovenskom predlozhenii* [Semantic and Syntactic Peculiarities of the Verbs *bati se* 'to be afraid' and *upati (se/si)* 'to hope; dare' in Slovenian Sentence]. *Slovenski jezik – Slovene Linguistic Studies* [Slovenian Language – Slovene Linguistic Studies]. 11. 2017.

Uhlik M., Žele A. *Da-predlozhenija pri glagolah zhelanija i pobuzhdenija v slovenskom jazyke* [*Da*-Clauses as Complements of Desiderative and Manipulative Verbs] *Voprosy jazykoznanija* [Issues in Linguistics]. 2018. No. 5.

Cyhan G.A. *Tipologicheskie problemy balkano-slavjanskogo jazykovogo areala* [Typological Issues of Balkan Slavic Language Area]. Minsk, 1981.

Alexova Kr., Tisheva Y. *Bulgarian da- and che-clauses after verbs of perception . Papers from 3rd Conference "Formal Approaches to South Slavic and Balkan Languages"*. Plovdiv, September 1999. University of Thronheim. 2000. No. 34.

Amman A., van der Auwera J. *Complementizer headed main clauses for volitional mood in the languages of South-Eastern Europe – a Balkanism? Balkan Syntax and Semantics*. Amsterdam, 2004.

Joseph B.D. *The synchrony and diachrony of the Balkan infinitive. A study in areal, general and historic linguistics*. Cambridge, 1983.

Sedláček J. *Modální perifráze da+indikativ v jižní slovanštině* [Modal Periphrases *da+indicative* in South Slavic Languages]. *Slavia*. 1982. No. 51.

Silić J., Pranjković I. *Gramatika hrvatskoga jezika (za gimnazije i visoka učilišta)* [Grammar of Croatian (for preparatory schools and universities)]. Zagreb, 2005.

Toporišič J. *Nova slovenska skladnja* [New Slovenian Syntax]. Ljubljana, 1982.

Toporišič J. *Slovenska slovnica* [Slovenian Grammar]. Maribor, 2000.

Uhlik M. *O naj in pust' v slovensko-ruski sopostavitvi* [On *naj* and *pust'* in Slovenian vs. Russian Parallels]. *Slavistična revija* [Slavistic Review]. 2018. 66/4.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПОЛИТИКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Д.С. Мухортов

Ключевые слова: языковая личность политика, прагмалингвистика, междисциплинарный подход, количественный и качественный метод анализа, программы контент-анализа.

Keywords: politician's linguistic profile, pragmalinguistics, cross-disciplinary approach, qualitative and quantitative methods of research, content-analysis programs.

DOI 10.14258/filichel(2019)1-02

Введение

Изучение языковой личности политика остается одной из наиболее популярных тем среди отечественных и зарубежных исследователей. Изучение этого социально-статусного типа языковой личности [Бакумова, 2002; Мухортов, 2014] требует особых методов и способов интерпретации результатов. При этом цели и задачи обозначенных двух групп ученых отличаются.

Российская традиция в основном опирается на подход, который хорошо представлен в трудах Ю.Н. Караулова, Г.И. Богина, В.И. Карасика, И.В. Сентенберг и развит многими учеными, среди которых можно выделить К.Ф. Седова, С.Г. Воркачева, Т.Б. Соколовскую, Д.В. Шапочкина, О.А. Кадилину, О.И. Асташову. Его суть сводится к описанию лексико-семантического и прагмастилистического уровней языка конкретной личности и выделению в них ключевых слов, концептов, идеологем, эвфемизмов или дисфемизмов, тактик и стратегий,

другими словами, он носит дескриптивный характер и характеризуется сильной лингвистической составляющей.

Для иностранных ученых языковая личность политика не столько представляет предмет для описания лингвистических особенностей речи политической личности, сколько является механизмом к пониманию действий этой личности в определенный период времени по отношению к другим социально-значимым языковым личностям или группам граждан. Подход зарубежных коллег является междисциплинарным. Им свойственно использовать ресурсы лингвистики и филологии для реализации амбициозных планов, проведения масштабных экспериментов, результаты которых могут привлечь внимание серьезных государственных структур, организаций и ведомств. Объектом исследования при таком подходе является не просто языковая личность, а политическая фигура, от действий которой могут зависеть судьбы миллионов, и значит, вовремя выявленная закономерность в моделях поведения конкретного человека или отмеченная взаимосвязь между языком и мышлением этой личности могут оказаться действенными в процессе диагностирования ее шагов в политических событиях и предотвращения ошибочных действий.

Некоторые методы исследования языковой личности политика

Продуктивными областями человеческого знания на службе исследователя языковой личности политика могут быть психология и отчасти политология. Доказательством данного тезиса могут быть многочисленные программы контент-анализа, которые разрабатываются с учетом междисциплинарного подхода.

Например, на основе анализа вербальных данных программа *Diction* [Hart, et.al., 2005, цит. по Chung, Pennebaker, 2007] позволяет установить присутствие у говорящего таких качеств, как оптимизм, уверенность в себе, позитивное мышление, умение изъясняться простым языком и другие. Данная программа является инструментом для социолингвистических исследований гендерных, личностных и языковых характеристик человека [Abdel Latiff, 2010]. Закономерно ее использование для анализа речи политиков [Hsu, 2012].

Другие возможности раскрывает перед исследователем программа *Latent Semantic Analysis* (LSA). На базе корпусных массивов текстов с ее помощью выделяются контекстные употребления значений слов [Landauer, et al., 1998], следовательно, она становится подспорьем для когнитивных лингвистов, поскольку наличие контекстных словоупотреблений способствует формированию максимально полной концептосферы конкретной личности. Так, например, преобразование

контекстных значений слов в составные части фреймов и слотов может указывать на векторность в логико-понятийной картине мира политика и, значит, позволяет улавливать идеологические составляющие его риторики. Данная программа активно используется учеными и исследователями для исследования изменений в психике человека [Wolfe, Goldman, 2003], для анализа соблюдения принципов когерентности в тексте [Foltz, et al., 1998] и ряда других задач.

Примером удобной программы для повседневного использования, на наш взгляд, является программа *Linguistic Inquiry and Word Count* или *LIWC*, для краткости, разработанная в техасском университете Джеймсом Пеннебейкером [Chung, Pennebaker, 2007]. Функционирование данной программы основывается на распределении лексических средств по категориям и вычислении процентного соотношения содержания единиц каждой категории в анализируемом тексте.

Дж. Пеннебейкер отмечает, что первоначальной целью создания этого механизма было понимание того, как люди используют речь, когда они описывают эмоциональные потрясения. В 1980-е годы Пеннебейкер и его команда в результате исследований пришли к выводу о том, что, когда люди пишут о своих травмах на протяжении трех-четырёх дней хотя бы по 15-30 минут, состояние их здоровья улучшается [Chung, Pennebaker, 2007]. Таким образом, *LIWC* позволил исследователям определить, какие категории слов соотносятся с изменениями здоровья. После таких результатов ученые стали получать письма и эссе от людей со всего мира. А с развитием интернета текстовый архив стал увеличиваться в геометрической прогрессии [Chung, Pennebaker, 2007].

Одним из исследований, проведенных на основе результатов *LIWC*, стало изучение языковой личности бывшего мэра Нью-Йорка Рудольфа Джулиани [Пеннебейкер, 2011]. Поводом к анализу послужила статья в газете *The New York Times*, в которой сообщалось о явных переменах в состоянии личности мэра. Дж. Пеннебейкер, будучи убежденным в том, что личностные характеристики человека подвержены изменениям лишь в самых крайних случаях, стал препарировать ситуацию, отслеживая изменения в состоянии Джулиани. Политик устраивал пресс-конференции, и материал его выступлений стал базисом для убедительных выводов исследователя.

На протяжении восьми лет, в течение которых Джулиани занимал пост мэра Нью-Йорка, его личность крайне противоречиво освещалась средствами массовой информации: подчас одни и те же СМИ говорили о нем то как о «бесчувственном, вспыльчивом и самоуверенном задире», то как о «бездонном источнике сострадания, тепла и обаяния». Но одна

характеристика оставалась неизменной – его всегда признавали очень эффективным мэром.

Благодаря своей успешной деятельности на своем посту Джулиани решился на участие в кампании против Хилари Клинтон за место в сенате. Однако неожиданно, всего за две недели, произошли три неприятных события: у политика была выявлена онкология, он объявил во всеуслышание о разводе, и последнее, он отозвал свою кандидатуру из предвыборной сенатской кампании. После всех этих событий, как отмечали его друзья, недруги и знакомые, он стал более искренним, скромным и чувственным в общении. Эти экстралингвистические данные были сопоставлены с числовыми показателями, полученными при анализе набора текстов программой LIWC. Дж. Пеннебейкер пишет о том, что по сравнению с первыми годами деятельности Джулиани в качестве мэра, когда он был качественно другим человеком, в тот кризисный момент наблюдалось резкое увеличение использования форм личного местоимения *I*, уменьшение – многосложных слов и появление большего количества эмоционально заряженных слов. Из речи практически исчезли формы личного местоимения множественного числа *we*. Эти данные свидетельствуют о том, что человек перестал быть холодным и отстраненным, а, следовательно, изменилась параметрия языковой личности Джулиани.

Весьма примечательной, на наш взгляд, является параллель, проведенная Дж. Пеннебейкером между Джулиани и Королем Лиром. Как мы знаем, в начале пьесы Лир предстает перед нами как самонадеянный и высокомерный правитель, а затем, пройдя множество испытаний, внутренне переродившись, он становится более теплым в общении, более гуманным. Такое изменение состояния личности Лира находит свое подтверждение в кардинальном сдвиге в использовании языковых средств [Pennebaker, 2011]. Ряд аналогий можно было бы продолжить, и в качестве примера предложить Шейлока из «Венецианского кучка». В начале он – неистовый и жаждущий мести, но в конце – побежденный и покорный.

Предвыборные кампании, на наш взгляд, являются яркими иллюстрациями как изменений, которые претерпевает языковая личность политика, так и прагмалингвистических закономерностей, которые этой личности присущи и остаются величиной неизменной при любых обстоятельствах.

Дебаты кандидатов на пост премьер-министра Великобритании в 2010 году – Гордона Брауна, Ника Клегга и Дэвида Кэмерона – доказали это в полной мере. Результаты анализа трех туров [Pennebaker, Persaud, 2010] показали, что, например, Клегг начал благополучно, но кончил плачевно. У него были определенные шансы стать лидером, но, судя по

вербальным маркером, ему не хватило позитивного мышления и оптимизма, и к финалу гонки у него была исчерпана уверенность в своих силах сделать будущее светлым. Браун все время оставался эмоционально отстраненным, местами снобистским, таким, каким его избирателям знал всегда. Определить вербальное поведение Кэмерона было непросто, так непредсказуемо подчас вел себя политик. Однако ему удалось обойти своего главного оппонента – Клегга – по категориям «оптимистичность» и «спонтанность» речи. Главным, на наш взгляд, оказалось то, что в его речи было наименьшее количество слов с отрицательными коннотациями. Он смог перенять стратегию Клегга и сделать ее своим достоянием.

Попутно следует отметить, что, по данным американских ученых, оптимистичность проявляется тогда, когда в речи человека появляется большое количество а) глаголов настоящего и будущего времени, б) форм личного местоимения множественного числа *we*, в) немногосложных слов, г) слов с позитивной коннотацией.

Дж. Пеннебекер справедливо отмечает, что исследовательский интерес к языку и стилю кандидатов составляют не только лексико-семантические и коммуникативные особенности каждого из участников, но и способности каждого из них влиять на точку зрения избирателей и их умение адаптироваться к друг другу (ср. «it's not only the differences between the candidates that lends itself to linguistic and psychological analysis, but also how they adapt to polling reaction and each other» [Pennebaker, Persaud, 2010]).

Самым неожиданным выводом из анализа премьерских дебатов Кэмерона, Клегга и Брауна является то, что британский избиратель в 2010 году отдал предпочтение Кэмерону, у которого были высокие показатели по категории оптимизма, но низкие – по категории честности. Тогда как у Брауна с честностью было лучше всех кандидатов вместе взятых. Как видится, нынешний избиратель предпочитает состояние эйфории неприятным потрясениям, которые вскрывает правда.

Без преувеличения можно сказать, что определение признаков честности или лживости в речи политика должно являться одной из приоритетных задач исследователей.

Небезынтересным является то, как без использования детектора лжи, всего лишь с помощью используемых человеком слов, ученые смогли установить набор лингвистических характеристик этой категории. Так, в 1990-х годах Мелани Гринберг, Артур Стоун и Камилль Вортман проводили исследование с целью определить, может ли здоровье человека улучшиться, если он будет писать не о пережитых им, но о воображаемых травмах. Для проведения научного эксперимента

исследователи привлекли около семидесяти человек, имеющих серьезные травмы в прошлом. Одна половина испытуемых описывала то, что людям пришлось пережить, участники второй группы должны были написать придуманные истории о травмах других людей, причем описать их травматический опыт так, как будто они сами его перенесли. В результате данного эксперимента [цит. по: Pennebaker 2011, pp. 143-144] ученые установили, что придумывать истории так же полезно, как и описывать свой собственный травматический опыт, – это положительно сказывается на здоровье. Джеймс Пеннебейкер, в свою очередь, взглянул на полученные результаты по-другому. Его команда смогла увидеть, чем ложь, или вымысел, отличается от правды, или от реально произошедших событий и по-настоящему испытанных эмоций и чувств.

Как убедительно доказывают ученые, когда человек честен, его речь характеризуется рядом показательных сигналов.

Во-первых, количеством слов, детализацией описываемого события, использованием числовых показателей. Для испытывавшего трудности и потрясения человека не составляет труда описать ситуацию или свои переживания по поводу происшедшего самым подробным образом.

Во-вторых, использование меньшего количества эмоционально нагруженных слов и слов, преимущественно глаголов, указывающих на то, что говорящий размышляет. Человек, перенесший травму, не будет описывать свой опыт в ярких красках и эмоциях – для него это очевидно. Как пишет Дж. Пеннебейкер, он просто скажет: «and I was really sad» («это меня очень сильно расстроило»). Более того, неискренний человек, который придумывает историю, вынужден использовать так называемые когнитивные механизмы, которые предполагают использование таких фраз, как *I think, I realise, that is why, because*.

В-третьих, использование меньшего количества глаголов. Это объясняется тем, что, придумывая историю, человек должен прожить ее на словах, а, следовательно, он вынужден употреблять множество глаголов, чтобы описать ее в развитии.

В-четвертых, минимальное употребление модальных глаголов, обозначающих возможность происхождения факта, или же использование сослагательного наклонения во всех его видах. В первую очередь, речь идет о глаголах *would, should, could, and ought*. Их появление будет наиболее вероятным в процессе описания выдуманной истории.

В-пятых, максимальное использование формы личного местоимения *I*. Люди, пережившие травму, обычно концентрируются на

самих себе, на своих чувствах и эмоциях, на своем внутреннем состоянии.

Маркерами неправды, по мнению Дж. Пеннебейкера [Pennebaker, 2011, pp. 205-207], являются следующие:

- а) активное использование пассивного залога, то есть желание снять с себя или с кого-то ответственность за описываемые события;
- б) желание уйти от прямого ответа на поставленный вопрос;
- в) частотное появление перформативов.

Кроме того, Дж. Пеннебейкер пишет о том, что, когда мы говорим правду, мы стараемся как бы «владеть» (to «own») словами, которые мы произносим, поэтому используем больше местоимений I and my. Когда же мы говорим ложь, то склонны «отдалять» от себя слова и подразумеваемые под ними понятия соответственно.

Например, Билл Клинтон, который утверждал, что у него не было никаких отношений интимного характера «with that woman», оказывается ярким примером того, как человек дистанцирует себя от предмета разговора, тем самым обличая ложь.

Выводы

В заключение следует признать, что программы контент-анализа не являются идеальным средством для проведения всеобъемлющего, многостороннего анализа языковой личности. Для достижения этого важного условия требуется прибегать к рассмотрению целого ряда лингвистических и экстралингвистических факторов, в том числе просодических параметров речи и ситуативно обусловленных особенностей невербального языка. При этом необходимо указать на то, что использование данных, получаемых с помощью программ, подобных LIWC, является большим подспорьем для филологов и лингвистов и становится еще одним доказательством существования серьезных прагмалингвистических оснований для исследования языковой личности политика.

Литература

- Бакумова Е.В. Ролевая структура политического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002.
- Мухортов Д.С. Об общем и частном в понятиях «языковая личность», «речевой портрет», «идиостиль» и «идиолект» (на примере вербального поведения современных политических деятелей) // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления. Екатеринбург, 2014.
- Abdel Latiff M. Corpus-based Study of Gender, Identity, and Language Used in Online Social Networking Communities. University Tun Hussien Onn Malasia, 2010.
- Chung C.K., Pennebaker J.W. The Psychological Functions of Function Words. Social Communication. 2007.

Foltz P.W., Kintsch W., Landauer T.K. The Measurement of Textual Coherence with Latent Semantic Analysis. *Discourse Processes*. 1998. No. 25.

Hsu S.P. *Inaugural Speech Made by the President of the United States Focused on Sexuality and Value-oriented Metaphors: Thomas Jefferson to Barack Obama*. Institute of Social Sciences, Ewha Womans University, 2012.

Landauer T.K., Foltz P.W., Laham D. Introduction to Latent Semantic Analysis. *Discourse Processes*. 1998. No. 25.

Pennebaker J.W. *The Secret Life of Pronouns: What Our Words Say about Us*. New York, 2011.

Pennebaker J.W., Persaud R. The 2010 UK Election: The Second Debate. Is David Cameron This Week's New Heartthrob? (2010). [Электронный ресурс]. URL: <https://wordwatchers.wordpress.com/2010/04/23/the-2010-uk-election-the-second-debate>.

Wolfe B.W.M., Goldman R.S. Use of Latent Semantic Analysis for Predicting Psychological Phenomena: Two Issues and Proposed Solutions. *Behaviour Research Methods*. 2003. No. 35.

References

Bakumova E.V. *Rolevaya struktura politicheskogo diskursa* [A Role Structure of Political Discourse]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Volgograd, 2002.

Muhorotov D.S. *Ob obshchem i chastnom v ponyatiyah «yazykovaya lichnost'», «rechevoj portret», «idiostil'» i «idiolekt» (na primere verbal'nogo povedeniya sovremennykh politicheskikh deyatelej)* [‘Yazykovaya Lichnost’, ‘Rechevoy Portret’, ‘Idiostil’, ‘Idiolect’: the Notions of Russian Scholars in Contrast. What is Required to Study the Stylistic Behaviour of the Politician?]. *Politicheskaya Kommunikatsiya: perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya* [Political Communication: Prospects of Development of the Scientific Sphere]. Ekaterinburg, 2014.

Abdel Latiff M. *Corpus-based Study of Gender, Identity, and Language Used in Online Social Networking Communities*. University Tun Hussien Onn Malasia, 2010.

Chung C.K., Pennebaker J.W. The Psychological Functions of Function Words. *Social Communication*, 2007.

Foltz P.W., Kintsch W., Landauer T.K. The Measurement of Textual Coherence with Latent Semantic Analysis. *Discourse Processes*, 1998. No. 25.

Hsu S.P. *Inaugural speech made by the President of the United States focused on sexuality and value-oriented metaphors: Thomas Jefferson to Barack Obama*. Institute of Social Sciences, Ewha Womans University, 2012.

Landauer T.K., Foltz P.W., Laham D. Introduction to Latent Semantic Analysis. *Discourse Processes*, 1998. No. 25.

Pennebaker J.W. *The Secret Life of Pronouns: What Our Words Say about Us*. New York, 2011.

Pennebaker J.W., Persaud R. *The 2010 UK Election: The second debate. Is David Cameron this week's new heartthrob?* (2010). URL: <https://wordwatchers.wordpress.com/2010/04/23/the-2010-uk-election-the-second-debate> (accessed 02.07.2017).

Wolfe B.W.M., Goldman R.S. Use of Latent Semantic Analysis for Predicting Psychological Phenomena: Two Issues and Proposed Solutions. *Behaviour Research Methods*, 2003. No. 35.

ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ДОКУМЕНТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ЕЖЕГОДНОГО ПОСЛАНИЯ ПРЕЗИДЕНТА ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ РФ И ЕЖЕГОДНОГО ПОСЛАНИЯ ПРЕЗИДЕНТА США КОНГРЕССУ)

О.М. Литвишко

Ключевые слова: дискурсивный маркер, послание президента, документ, текст, идиостиль политика.

Keywords: discursive marker, presidential address, document, text, individual style of a politician.

DOI 10.14258/filichel(2019)1-03

В политической жизни каждого государства существует традиция ежегодного обращения лидера страны к парламенту или народу. Так, в Германии глава республики произносит ежегодное Новогоднее обращение к народу (Neujahrsansprache von Bundeskanzler). Во Франции президент обращается к нации после традиционного военного парада в День взятия Бастилии. В Великобритании королева выступает с тронной речью (Speech from the Throne) в Палате Лордов во время церемонии открытия Парламента. В США президент обращается к обеим палатам Конгресса с докладом «О положении страны» (State of the Union Address). В России президент выступает с ежегодным посланием Федеральному Собранию Российской Федерации.

Данное обращение играет особую роль для политического сообщества страны, так как в нем излагаются законодательная повестка дня и национальные приоритеты, что делает их «политико-правовыми документами стратегического характера» [Кузнецов, 2014, с. 95]. Как справедливо в данной связи отмечает А.П. Чудинов, политический язык предназначен для пропаганды тех или иных идей, эмотивного воздействия на граждан страны и побуждения их к политическим действиям [Чудинов, 2001]. Выражая схожую позицию, Д.Р. Аكوпова подчеркивает, что одной из важнейших характеристик политического языка является персуазивность, обладающая манипулятивным потенциалом, который выражается «в оказании речевого воздействия на адресата с целью внести когнитивные изменения в его картину мира, которые повлекут за собой регуляцию диспозиций в деятельности адресата в пользу реципиента» [Акопова,

2013, с. 403]. Соответственно, речь политика обладает ярко выраженной прагматической ориентацией, то есть определенными стратегическими и тактическими особенностями, воздействующей силой [Герасименко, 2013], что позволяет убедить адресата или побудить его к действию в процессе коммуникации.

Полагаем, что, будучи значимым политическим программным документом, адресованным не только парламенту и законодательным органам, а всему обществу в целом, послание в своем прагматическом значении имеет элементы нормативной и перформативной функций, что присуще юридическому языку. Считаем необходимым отметить, что послание также имеет характеристики политического акта и является нормативно-политической формой деятельности главы государства, что дает нам основания рассматривать данный вид текста в качестве государственного политико-правового документа.

Вполне закономерно, что политико-правовой статус данного вида документа, его нормативно-политическая сущность вызвали интерес научного сообщества в России и за рубежом [Дегтев, 2006; Зорькин, 2011; Окуньков, 2001; Чиркин, 2014; Campbell, 1990; Hoffman, Howard, 2006; Teten, 2003]. Особенности политической коммуникации, политического консалтинга и спичрайтинга, проблемы теории управления и принятия политических решений стали предметом исследований посланий президента с точки зрения политической теории [Науменко, 2005; Сосунов, 2010; Стексова, 2012].

Особый интерес представляют исследования, выполненные с использованием инструментария филологических наук. Так, лингвокогнитивному анализу текстов посланий Федеральному Собранию РФ посвящены работы М.В. Гавриловой [Гаврилова, 2005]. Дискурсивные особенности речи политиков являются предметом исследований А.П. Чудинова и Э.В. Будаева [Чудинов, 2012; Будаев, Чудинов, 2008]. Стратегии и тактики речевого поведения российских политиков исследуются в работах О.Н. Паршиной [Паршина, 2005]. Когнитивный анализ метафор в речи политиков методом критического метафорического анализа и критического дискурс-анализа представлен в исследованиях Дж. Чартерис-Блэка [Charteris-Black, 2011, 2014]. Языковые особенности речи Федерального канцлера Германии проанализированы в работах В.Б. Меркурьевой [Меркурьева, 2016].

Тем не менее, несмотря на широкую тематику проведенных лингвистических исследований политической речи глав государств, в число наиболее актуальных тем не вошли компаративные и квантитативные исследования дискурсивных маркеров в речи политиков, направленные не только на сравнительный анализ их

признаков и функций, но также на определение количественных характеристик маркеров в исследуемых текстах. Таким образом, основной целью и задачами проводимого нами исследования являются выявление, количественный анализ, классификация различных групп дискурсивных маркеров в текстах посланий двух глав государств, интерпретация выявленных различий, определение стратегических установок президентов двух стран, обусловленных, на наш взгляд, мировоззренческими, аксиологическими и социокультурными различиями между народами России и США.

Полагаем, что в соответствии с новой методологической парадигмой лингвистических исследований, в основе которой лежат междисциплинарные и внутридисциплинарные связи, возникает необходимость проведения анализа текстов посланий президентов РФ и США с применением методологического инструментария нескольких областей лингвистики – политической лингвистики, компаративной лингвистики, квантитативной лингвистики с элементами корпусной лингвистики. Ввиду этого, методами, наиболее соответствующими целям исследования, являются контент-анализ, автоматическая обработка текста, диверсифицированный поиск, подсчет частотности употребления, составление и анализ статистических данных.

Использование данных методов позволяет дополнить существующие исследования вероятностным компонентом, то есть проанализировать частотные модели использования дискурсивных маркеров, выявить сходства и различия прагматического значения дискурсивных маркеров в русском и английском тексте, что открывает широкие перспективы для дальнейших исследований в данной области, в том числе с применением сервисов автоматической обработки текстов.

В научной литературе сегодня существует несколько подходов к изучению и определению дискурсивных маркеров, в связи с чем данный термин не получил однозначного толкования ни в отечественной, ни в зарубежной лингвистике. Ряд исследователей прибегают к использованию разнообразных обозначений для рассматриваемой единицы дискурса: прагматические частицы, прагматические маркеры, дискурсивные коннекторы, дискурсивные маркеры, дискурсивные частицы, метатекстовые маркеры, соединительные единицы (рис. 1, 2, 3, 4).

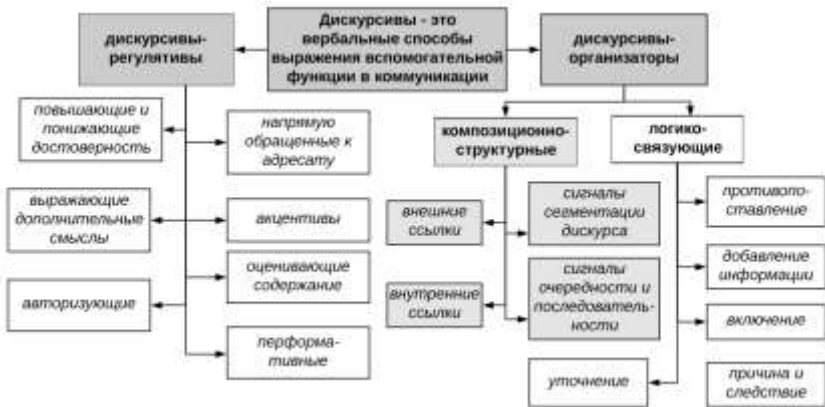

Рис. 1. Классификация дискурсивных маркеров Е.Ю. Викторовой.

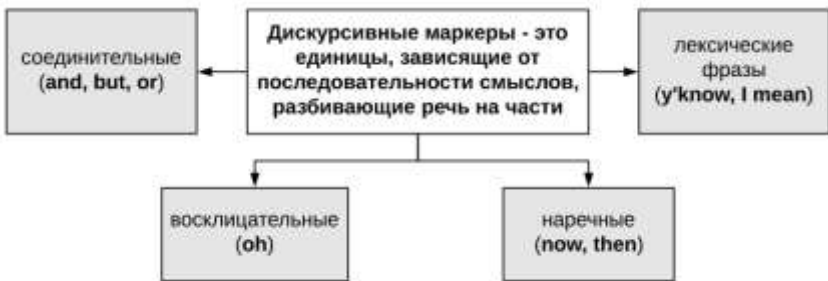

Рис. 2. Классификация дискурсивных маркеров Д. Шиффрин.

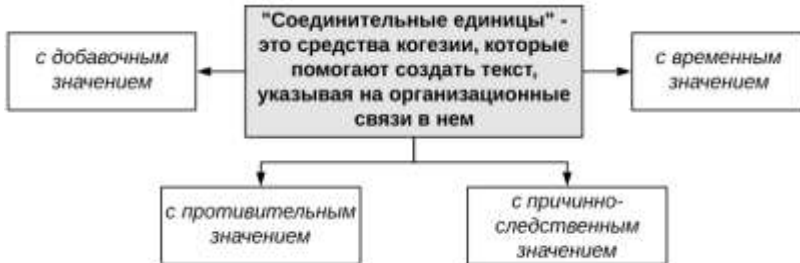

Рис. 3. Классификация «соединительных единиц» М.А.К. Халлидея и Р. Хасан.

Рис. 4. Классификация прагматических маркеров Б. Фрейзера.

Приводимые нами классификации отражают различные подходы к категоризации дискурсивных маркеров на основе тех или иных характеристик дискурсивов. Так, Е.Ю. Викторова подразделяет дискурсивные маркеры на две основные группы в зависимости от выполняемых ими функций. В классификации Д. Шиффрин представлен результат анализа устного дискурса, при этом дискурс и маркеры находятся в тесной взаимосвязи и взаимозависимости. В основе подхода М.А.К. Халлидея и Р. Хасан лежит проблема связности письменного текста и средств, с помощью которых достигается смысловое единство текста. Классификация Б. Фрейзера базируется на выявлении типа связи между высказываниями.

Несмотря на различие определений и подходов, научное сообщество лингвистов выделяет данные единицы в отдельный класс слов, так как они имеют общие характеристики, признаки и функции: они обеспечивают связность речи, указывают на взаимоотношения между говорящим и слушающим, передают отношение говорящего к сказанному [Хачатурян, 2003]. Их признаки включают: отсутствие денотата, установление отношений между двумя составляющими дискурса; отражение процесса взаимодействия говорящего и слушающего; выражение этической оценки, мнения, логических связей, пресуппозиций, эмоциональных отношений, отношения фрагмента речи к общей последовательности мыслей, оценки способа выражения; сопоставление и противопоставление разных утверждений говорящего или говорящих друг с другом [Киселева, Пайяр, 2003; Малов, 2007; Хачатурян, 2003].

Вне зависимости от выбранной парадигмы исследования¹, большинство лингвистов придерживаются единого мнения о том, что дискурсивные маркеры, являясь служебными словами, не выполняют номинативной функции, а играют оперативную роль. В них не содержится фактуальная информация, так как они «не являются частью пропозиционального содержания высказывания» [Мурашковская, 2014, с. 54]. Тем не менее, их значимость состоит в выражении дискурсивной информации, то есть в поддержании связности дискурса путем обеспечения когезии и когерентности, что дает основания утверждать, что «принципиально важным свойством маркеров является их непосредственная связь с функционированием дискурса, что <...> выражается в обеспечении формально-грамматического и смыслового единства его частей» [Боженкова и др., 2013, с. 142].

Итак, проанализировав ряд подходов к анализу дискурсивных маркеров в рамках существующих исследований, мы, разделяя мнение И.П. Массалиной, предлагаем рассматривать дискурсивные маркеры в качестве функционально-обусловленного класса единиц, относящихся к различным частям речи, но выполняющих общую функцию, связанную с регулированием и организацией процесса коммуникации [Викторова, 2014, с. 18]. Как справедливо отмечает Е.Ю. Викторова, «дискурсивы очень разнообразны – и по структуре, и по значению <...> К дискурсивам в широком понимании этого термина исследователи относят не только отдельные слова различных частей речи (наречия (*соответственно*), частицы (*только, именно, как бы, лишь*), союзы и союзные слова (*потому что, хотя*), модальные слова (*безусловно, возможно, наверно, конечно*), но и словосочетания и выражения (*выше приводился, в том числе, таким образом, можно сказать*) и целые предложения (*разрешите напомнить следующие положения, речь идет о ситуации*)» [Викторова, 2013, с. 37].

В рамках настоящего исследования нами были проанализированы тексты ежегодного Послания Президента В.В. Путина Федеральному Собранию на 2018 и 2017 годы, тексты ежегодного послания президента США Д. Трампа Конгрессу за 2018 год и ежегодного послания бывшего президента США Б. Обамы за 2016 год. Исследуемый корпус включает 4 текста общим объемом 30942 слов, из

¹ Как отмечает Е.М. Мурашковская, в исследовании дискурсивных единиц существует два основных подхода – coherence-based (Фрейзер, Шиффрин, Халлидей, Хасан) и relevance-based (Блэкмор, Бласс, Уилсон, Шпербер). В рамках первого подхода большее внимание уделяется связям в дискурсе (текстуальное развитие дискурса), тогда как в рамках второго подхода дискурс рассматривается с точки зрения пропозиций и вызываемых им мыслей (когнитивное развитие дискурса) [Мурашковская, 2014, с. 55].

них – 2 текста на русском языке объемом 18893 слов и 2 текста на английском языке объемом 12049 слов.

К характерным единицам, наиболее часто употребляющимся (20 самых частых) в проанализированных текстах послания Президента России В.В. Путина, можно отнести следующие (табл. 1).

Дискурсивный маркер	Текст послания на 2017 год (7356 слов)	Текст послания на 2018 год (11537 слова)
<i>и</i>	259	381
<i>это</i>	78	118
<i>что</i>	84	93
<i>который (-ая, -ое -ые)</i>	43	73
<i>а</i>	31	50
<i>нужно</i>	29	66
<i>но</i>	33	55
<i>конечно</i>	19	22
<i>чтобы</i>	17	32
<i>даже</i>	15	15
<i>при этом</i>	15	14
<i>также</i>	9	24
<i>если</i>	11	11
<i>надо</i>	10	7
<i>в том числе</i>	7	19
<i>именно</i>	7	17
<i>считаю (что)</i>	7	9
<i>в целом</i>	8	8
<i>или</i>	6	10
<i>прежде всего</i>	7	7
<i>безусловно</i>	8	6
Общее кол-во маркеров	703	1037
% от общего кол-ва слов	9,5	8,9

Табл. 1. Дискурсивные маркеры в текстах ежегодного Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ

Представляется возможным распределить выявленные в текстах послания В.В. Путина дискурсивные маркеры на несколько групп в соответствии с приведенными выше классификациями, основываясь на

принципе их прагматического значения. Так, предлагаем выделить следующие группы дискурсивных маркеров:

Соединительные – *и, а, или*:

Цель весьма амбициозная, но также абсолютно реалистичная, если иметь в виду и новые технологии, и опыт, который появился у наших строительных компаний, и новые материалы (2018);

Наша экономика показала свою устойчивость, а достигнутая стабильная макроэкономическая ситуация открывает новые возможности для прорывного развития, для долгосрочного роста (2018);

Отмечу, в нашей военной доктрине Россия оставляет за собой право использовать ядерное оружие только в ответ на применение против нее или ее союзников ядерных и других видов оружия массового поражения или в случае агрессии против нас с применением обычного вооружения, когда под угрозу поставлено само существование государства [2018].

Добавочные – *что, который (-ая, -ое -ые), если, также, даже, это*:

Нужно также учитывать, что в цифровых технологиях, например, кроются и риски, конечно (2017).

Противительные – *но, а*:

Однако устойчивость – это основа, но не гарантия дальнейшего развития (2017);

Именно так, а не иначе обстоит дело (2018).

Причинно-следственные – *что, чтобы*:

Нам нужно обеспечить такую созидательную мощь, такую динамику развития, чтобы никакие преграды не помешали нам уверенно, самостоятельно идти вперед (2018).

Наречные – *конечно, именно, надо, нужно, вот*:

И конечно, деятельность научных центров должна быть тесно интегрирована с системой образования, экономикой, высокотехнологичными компаниями (2017);

Именно отставание – вот главная угроза и вот наш враг (2018).

Лексические фразы – *считаю (что), безусловно, прежде всего, в том числе, в целом, при этом*:

И тогда предстоящее десятилетие, весь XXI век, безусловно, станут временем наших ярких побед, нашего общего успеха (2018).

Анализ текстов ежегодного послания президента США Конгрессу показал, что в речи американского президента в достаточно большом количестве присутствуют схожие по функциональным и прагматическим характеристикам дискурсивные маркеры. При этом

принципиальным отличием является частое использование различных наречий и наречных конструкций с временным значением и использование вспомогательного глагола простого будущего времени *will* и модального глагола *should* в функции перформативов.

Дискурсивный маркер	Ежегодное послание бывшего президента США Б. Обамы за 2016 год. (6174 слова)	Ежегодное послание президента США Д. Трампа Конгрессу за 2018 год. (5875 слов)
<i>and</i>	184	239
<i>that</i>	119	69
<i>this</i>	38	41
<i>will ('ll)</i>	34	41
<i>but</i>	42	23
<i>as</i>	34	23
<i>that is (that's)</i>	48	9
<i>all</i>	19	24
<i>when</i>	24	7
<i>so</i>	18	19
<i>if</i>	21	10
<i>just</i>	26	16
<i>because</i>	17	5
<i>more than</i>	14	7
<i>now</i>	17	13
<i>should</i>	19	7
<i>also</i>	8	16
<i>tonight</i>	6	23
<i>together</i>	9	13
<i>today</i>	4	3
Общее кол-во маркеров	701	608
% от общего кол-ва слов	11,3	10,3

Табл. 2. Дискурсивные маркеры в текстах ежегодного послания президента Конгрессу США

Выявленные отличия дают нам основания выделить иные группы дискурсивных маркеров, характерные для государственного политико-правового документа на английском языке. В данной связи предлагаем различать следующие группы маркеров:

Соединительные – *and*:

And in tight-knit communities across America, fathers and mothers will tuck in their kids, put an arm around their spouse, remember fallen comrades, and give thanks for being home from a war that, after twelve long years, is finally coming to an end (Obama).

Past experience has taught us that complacency and concessions only invite aggression and provocation (Trump).

С временным значением – *now, tonight, just, today, when*:

Tonight, I want to talk about what kind of future we're going to have, and what kind of a nation we're going to be (Trump);

And that brings me to the fourth, and maybe most important thing, that I want to say tonight (Obama);

Perhaps someday in the future, there will be a magical moment when the countries of the world will get together to eliminate their nuclear weapons (Trump);

We need the same level of commitment when it comes to developing clean energy sources (Obama).

Перформативные – *will ('ll), should*:

But it will only happen if we work together. It will only happen if we can have rational, constructive debates. It will only happen if we fix our politics (Obama);

So let's come together, set politics aside, and finally get the job done (Trump).

Причинно-следственные – *so, as, because*:

And because we did, because we saw opportunity where there – where others saw peril, we emerged stronger and better than before (Obama);

So let's begin tonight by recognizing that the state of our Union is strong because our people are strong (Trump).

Наречные – *together, more than*:

Or will we face the future with confidence in who we are, in what we stand for, and the incredible things that we can do together? (Obama);

All of us, together, as one team, one people, and one American family can do anything (Trump).

Противительные – *but*:

It says America will always act, alone if necessary, to protect our people and our allies; but on issues of global concern, we will mobilize the world to work with us – and make sure other countries pull their own weight (Obama);

Our nation has lost its wealth, but we're getting it back so fast (Trump).

Добавочные – *also, if*:

As we strengthen friendships all around the world, we are also restoring clarity about our adversaries (Trump);

We also need benefits and protections that provide a basic measure of security (Obama).

Акцентивные – *this, that, all, that is (that's):*

That's the way we make the new economy work better for everybody (Obama);

That is what our country has always been about. That is what Americans have always stood for, always strived for, and always done (Trump).

Как показывают количественные данные, представленные в таблицах 1, 2, тексты ежегодного послания президента на русском и английском языках имеют определенные сходства и различия. Прежде всего, полагаем необходимым отметить, что содержание дискурсивных маркеров в текстах на русском языке в процентном отношении ниже на одну единицу, чем в текстах на английском языке, при этом количество слов в текстах на русском языке в полтора раза больше, чем в текстах на английском языке. В текстах на русском языке наблюдается бóльшая однородность в использовании дискурсивных маркеров, так как они были представлены одним и тем же человеком, что, по нашему мнению, может быть свидетельством существования особенного идеостилия Президента России. В текстах на английском языке нами было выявлено бóльшее разнообразие типов дискурсивных маркеров, при этом наблюдается ситуация, когда более частотные маркеры в речи Б. Обамы не являются часто встречающимися в речи Д. Трампа. Полагаем, что данное обстоятельство подчеркивает тот факт, что, несмотря на принадлежность к одному и тому же жанру государственного документа, особую важность в процессе политической коммуникации приобретает языковая личность президента и его риторический стиль.

В текстах на русском языке нами было выделено 6 групп дискурсивных маркеров: соединительные, добавочные, противительные, причинно-следственные, наречные, лексические фразы. Наиболее типичными для текста ежегодного послания президента на русском языке являются такие маркеры, как «и», «что», «это», относящиеся к группам соединительных, добавочных и причинно-следственных дискурсивных маркеров, которые составляют 58,5% (2017 – 60%, 2018 – 57%) наиболее частотных дискурсивных единиц, что может объясняться особой стратегической установкой Президента России соединить воедино большие потоки информации,

прояснить перспективы и указать на причину общественных и политико-правовых событий, происходящих в стране.

В текстах на английском языке мы предлагаем различать 8 групп дискурсивных маркеров: соединительные, с временным значением, перформативные, причинно-следственные, наречные, противительные, добавочные и акцентивные. Наиболее частотными дискурсивными маркерами являются «and», «that», «this», которые мы отнесли к группам соединительных и акцентивных маркеров, составляя 52,5% (Б. Обама – 48%, Д. Трамп – 57%) всех используемых дискурсивных маркеров.

Отличительной особенностью исследуемых текстов на английском языке является присутствие в речи президентов США дискурсивов-перформативов. Полагаем, что использование перформативов в англоязычных текстах подтверждает наличие существенных различий в формулировании национальной стратегии. Использование простого будущего времени в сочетании с глаголом действия (*And I will not stop until ...; I will not repeat the mistakes of past Administrations ...*) выражает обещание выполнить конкретные действия не только в качестве простого гражданина страны, но и как государственного деятеля.

Определенный интерес представляет также присутствие в речи президентов США ряда дискурсивных маркеров с временным значением. Полагаем, что использование подобных маркеров в англоязычных текстах и их отсутствие в текстах на русском языке ярко демонстрирует наличие существенных социокультурных различий между Россией и США. Так, в исследованиях Э. Холла на основании особенностей использования времени и пространства культуры разделяются на высококонтекстные и низкоконтекстные, с преобладающим монохромным или полихромным использованием времени [Hall, 1966, 1976]. По мнению автора данной классификации, Россия и США принадлежат к разным культурам: Россия относится к высококонтекстным полихромным культурам, для которых характерно менее строгое, свободное отношение ко времени, при этом представляется возможным сочетать выполнение нескольких задач в данный момент. В таких культурах существенной важностью обладает неязыковой контекст, а языковой контекст характеризуется использованием намеков, фигуральных выражений, скрытых значений. США, в свою очередь, принадлежат к группе низкоконтекстных монохромных культур, отличающихся прямым и открытым стилем общения, стремлением к детализации информации, открытому выражению желаний и намерений, время при этом помогает

организовать порядок в жизни человека – важными являются последовательность и концентрация на одном деле в каждый данный момент. Полагаем, что наличие дискурсивов времени в речи президентов США может объясняться намерением приступить к выполнению обязательств «здесь и сейчас», дать своему народу более конкретную временную информацию. Отсутствие дискурсивов времени в речи российского президента, возможно, продиктовано стремлением не указывать время, в течение которого произойдут изменения, сконцентрировавшись в большей степени на выявлении причинно-следственных связей в контексте сложившейся в стране ситуации. Таким образом, выбор использования тех или иных дискурсивных единиц продиктован не только прагматическими установками языковой личности, но также обусловлен ее лингвокультурным сознанием.

Проведенный анализ текстов государственных политико-правовых документов показал, что их исследование с использованием количественных методов обладает значительным потенциалом в определении как идиостиля и риторического стиля политиков, так и стратегической направленности их политических программ, а также позволяет выявлять и сравнивать не только языковые, но и национальные, аксиологические и социокультурные различия между государствами.

Литература

Акопова Д.Р. Стратегии и тактики политического дискурса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6 (1).

Боженкова Р.К., Атанова Д.В., Боженкова А.М. Процессуальные дискурсивные в свете лингвокультурных традиций русского, английского и немецкого языков // Вестник Российского нового университета. 2013. № 3.

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая метафорология. Екатеринбург, 2008.

Викторова Е.Ю. Прагматическая полифункциональность дискурсивных слов // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 2.

Викторова Е.Ю. Роль количественного подхода в изучении функционирования дискурсивных слов // Филология и человек. 2013. № 4.

Гаврилова М.В. Лингвокогнитивный анализ русского политического дискурса: автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2005.

Герасименко Д.В. Политическая корректность как социокультурное явление и ее отражение в современном английском языке: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013.

Дёттев Г.В. Становление и развитие института президентства в России: теоретико-правовые и конституционные основы. М., 2006.

Зорькин В.Е. Ежегодные послания Федеральному Собранию Российской Федерации как средство формирования и реализации правовой политики Президента Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011.

- Киселева К.Л., Пайяр Д. Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство. М., 2003.
- Кузнецов В.И. Послания Президента РФ Федеральному Собранию как форма выражения политического курса развития страны // Вестник МГОУ. Сер. История и политические науки. 2014. № 2.
- Малов Е.М., Горбова Е.В. Дискурсивные слова в русской разговорной речи (на материале анализа спонтанной разговорной речи). СПб., 2007.
- Меркурьева В.Б. Идиостиль канцлера ФРГ Ангелы Меркель (на материале новогодних обращений) // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2016. № 1.
- Мурашковская Е.М. Подходы к исследованию дискурсивных маркеров // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2014. № 5.
- Науменко А. А. Теория и методология принятия политических решений: дис. ... канд. филос. наук. Чебоксары, 2005.
- Окуньков Л.А. Президент Российской Федерации. Конституция и политическая практика. М., 2001.
- Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 2005.
- Сосунов Д.В. Процесс принятия политических решений в современной России. Воронеж, 2010.
- Стексова Т.И. Послание Президента как жанр политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. № 3.
- Хачатурян Е.В. К проблеме образования дискурсивных слов // Славянское языкознание. М., 2003.
- Чиркин В.Е. Глава государства. Сравнительно-правовое исследование. М., 2014.
- Чудинов А.П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. Вып. 2 (40).
- Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург, 2001.
- Campbell K.K. Deeds done in words: presidential rhetoric and the genres of governance. Chicago, 1990.
- Charteris-Black J. Politicians and rhetoric: The persuasive power of metaphor. London, 2011.
- Charteris-Black J. Analysing political speeches: rhetoric, discourse and metaphor. Hampshire, 2014.
- Fraser B. Pragmatic markers // Pragmatics. 1996. № 6 (2).
- Hall E.T. Beyond culture. N.Y., 1976.
- Hall E.T. The hidden dimension. N.Y., 1966.
- Halliday M.A.K., Hasan R. Cohesion in English. London, 1976.
- Hoffman D.R., Howard A.D. Addressing the State of the Union: the evolution and impact of the President's big speech. Boulder, 2006.
- Schiffirin D. Discourse markers. Cambridge, 1987.
- Teten R.L. Evolution of the modern rhetorical presidency: presidential presentation and development of the State of the Union Address // Presidential Studies Quarterly. Vol. 33. No. 2.

Список источников

Послание Президента Федеральному собранию (2018). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>.

Послание Президента Федеральному собранию (2017). [Электронный ресурс]. URL: <http://voenservice.ru/poslanie-prezidenta-rossii-federalnomu-sobraniyu-na-2017-god>.

Donald J. Trump First State of the Union Address. URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/stateoftheunion2018.htm>.

President Obama's 2016 State of the Union Address. URL: <https://www.politico.com/story/2016/01/state-of-the-union-2016-transcript-217671>.

References

Akopova D.R. *Strategii i taktiki politicheskogo diskursa* [Strategies and Tactics of Political Discourse]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevskij]. 2013. № 6 (1).

Bozhenkova R.K., Atanova D.V., Bozhenkova A.M. *Processual'nye diskursivnye marker v svete lingvokul'turnyh tradicij russkogo, anglijskogo i nemeckogo yazykov* [Procedural Discursive Markers in the View of Linguo-cultural Traditions of the Russian, English and German Languages]. *Vestnik Rossijskogo novogo universiteta* [Bulletin of Russian New University]. 2013. № 3.

Budaev Eh.V., Chudinov A.P. *Zarubezhnaya politicheskaya metaforologiya* [Foreign Political Metaphorology]. Ekaterinburg, 2008.

Viktorova E.Yu. *Pragmatischekaya polifunkcional'nost' diskursivnyh slov* [Pragmatic Multi-functionality of Discursive Words]. *Vestnik VGU. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya* [Bulletin of VGU. Ser. Linguistics and cross-cultural communication]. 2014. № 2.

Viktorova E.Yu. *Rol' kolichestvennogo podhoda v izuchenii funkcionirovaniya diskursivnyh slov* [The Role of Quantitative Approach in Studying the Functioning of Discursive Words]. *Filologiya i chelovek* [Philology and Man]. 2013. № 4.

Gavrilova M.V. *Lingvokognitivnyj analiz russkogo politicheskogo diskursa* [Linguistic-cognitive analysis of Russian political discourse]. Abstract of Philol. Doc. Diss. SPb., 2005.

Gerasimenko D.V. *Politicheskaya korrektnost' kak sociokul'turnoe yavlenie i ee otrazhenie v sovremennom anglijskom yazyke* [Political correctness as socio-cultural phenomenon and its reflection in modern English]. Cand. of Art Diss. M., 2013.

Dyogtev G.V. *Stanovlenie i razvitie instituta prezidentstva v Rossii: teoretiko-pravovye i konstitucionnye osnovy* [The Establishment and Development of the Institute of Presidency in Russia: Theoretical-legal and Constitutional Foundations]. M., 2006.

Zor'kin V.E. *Ezhegodnye poslaniya Federal'nomu Sobraniyu Rossijskoj Federacii kak sredstvo formirovaniya i realizacii pravovoj politiki Prezidenta Rossijskoj Federacii* [Annual address to the Federal Assembly of the Russian Federation as a means of shaping and realizing the legal policy of the President of the Russian Federation]. Abstract of Law Cand. Diss. SPb., 2011.

Kiseleva K.L., Pajjar D. *Diskursivnye slova russkogo yazyka: kontekstnoe var'irovanie i semanticheskoe edinstvo* [Discursive Words of the Russian Language: Contextual Variation and Semantic Unity]. M., 2003.

Kuznecov V.I. *Poslaniya Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu kak forma vyrazheniya politicheskogo kursa razvitiya strany* [Addresses of the President of the RF to the Federal Assembly as a Form of Expression of Political Course of the Development of the Country]. *Vestnik MGOU. Ser. Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of MGOU. Series: History and Political Science]. 2014. № 2.

Malov E.M., Gorbova E.V. *Diskursivnye slova v russkoj razgovornoj rechi (na materiale analiza spontannoj razgovornoj rechi)* [Discursive Words in Russian Colloquial Speech (based on the analysis of spontaneous colloquial speech)]. SPb., 2007.

- Merkur'eva V.B. *Idiostil' kanclera FRG Angely Merkel' (na materiale novogodnih obrashchenij)* [Individual Style of the Chancellor of FRG Angela Merkel (based on the material of New Year addresses)]. *Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk* [Crede Experto: Transport, Society, Education, Language]. 2016. № 1.
- Murashkovskaya E.M. *Podhody k issledovaniyu diskursivnyh markerov* [Approaches to the Study of Discursive Markers]. *Vestnik MGOU. Ser.: Lingvistika* [Bulletin of MGOU. Ser.: Linguistics]. 2014. № 5.
- Naumenko A.A. *Teoriya i metodologiya prinyatiya politicheskikh reshenij* [Theory and methodology of taking political decisions]. Cand. of Art Diss. Cheboksary, 2005.
- Okun'kov L.A. *Prezident Rossijskoj Federacii. Konstituciya i politicheskaya praktika* [The President of the Russian Federation. The Constitution and Political Practice]. M., 2001.
- Parshina O.N. *Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoj politicheskoy ehliny Rossii* [Strategies and tactics of speech behavior of the modern political elite of Russia]. Doc. of Art Diss. Saratov, 2005.
- Sosunov D.V. *Process prinyatiya politicheskikh reshenij v sovremennoj Rossii* [The Process of Taking Political Decision in Modern Russia]. Voronezh, 2010.
- Steksova T.I. *Poslanie Prezidenta kak zhanr politicheskoy kommunikacii* [The President's Address as a Genre of Political Communication]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. 2012. № 3.
- Hachaturyan E.V. *K probleme obrazovaniya diskursivnyh slov* [To the Problem of Discursive Words Formation]. *Slavyanskoe yazykoznanie* [Slavic Linguistics]. M., 2003.
- Chirkin V.E. *Glava gosudarstva. Sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [The Head of the State. Comparative Legal Research]. M., 2014.
- Chudinov A.P. *Diskursivnye harakteristiki politicheskoy kommunikacii* [Discursive Characteristics of Political Communication]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. 2012. Iss. 2 (40).
- Chudinov A.P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991-2000)* [Russian in the Metaphoric Mirror: Cognitive Research of Political Metaphor (1991-2000)]. Ekaterinburg, 2001.
- Campbell K.K. *Deeds Done in Words: presidential rhetoric and the genres of governance*. Chicago, 1990.
- Charteris-Black J. *Politicians and Rhetoric: The persuasive power of metaphor*. London, 2011.
- Charteris-Black J. *Analysing Political Speeches: rhetoric, discourse and metaphor*. Hampshire, 2014.
- Fraser B. Pragmatic Markers. *Pragmatics*. 1996. № 6 (2).
- Hall E.T. *Beyond Culture*. N.Y., 1976.
- Hall E.T. *The Hidden Dimension*. N.Y., 1966.
- Halliday M.A.K., Hasan R. *Cohesion in English*. London, 1976.
- Hoffman D.R., Howard A.D. *Addressing the State of the Union: the evolution and impact of the President's big speech*. Boulder, 2006.
- Schiffirin D. *Discourse Markers*. Cambridge, 1987.
- Teten R.L. Evolution of the modern rhetorical presidency: presidential presentation and development of the State of the Union Address. *Presidential Studies Quarterly*. Vol. 33. No. 2.

List of sources

Poslanie Prezidenta Federal'nomu sobraniyu (2018) [The address of the President to the Federal Assembly (2018)]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>.

Poslanie Prezidenta Federal'nomu sobraniyu (2017) [The address of the President to the Federal Assembly (2017)]. URL: <http://voenservice.ru/poslanie-prezidenta-rossii-federalnomu-sobraniyu-na-2017-god/>.

Donald J. Trump First State of the Union Address. URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/stateoftheunion2018.htm>.

President Obama's 2016 State of the Union Address. URL: <https://www.politico.com/story/2016/01/state-of-the-union-2016-transcript-217671>.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ВКЛЮЧЕНИЯ КАК ОДИН ИЗ БАРЬЕРОВ НА ПУТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СМЫСЛА ТЕКСТА

А.В. Кремнева

Ключевые слова: текст, интертекстуальность, интерпретация, лакуна, интертекстуальный тезаурус.

Keywords: text, intertextuality, interpretation, lacuna, intertextual thesaurus.

DOI 10.14258/filichel(2019)1-04

Интертекстуальность, теоретические основания которой были разработаны в трудах М.М. Бахтина, Ю. Кристевой, Р. Барта, Ж. Женетта, Ю.М. Лотмана, М. Риффатера и других исследователей, интенсивно изучается сегодня в различных аспектах на материале разных языков: в общетеоретическом плане, в аспекте ее функциональной, жанровой, дискурсивной и идиостилевой специфики, в аспекте прецедентности как основы реализации межтекстовых взаимодействий, в аспекте лингвокультурологии и межкультурной коммуникации, а также в аспекте теории перевода. Как отмечает немецкий исследователь В. Хайнеманн, в лингвистике текста имеет место т.н. «интертекстуальный синдром», который находит свое проявление в стремлении трактовать любые межтекстовые связи как интертекстуальные (цит. по: [Чернявская, 2009, с. 178]).

При этом, несмотря на огромное количество работ, посвященных различным аспектам интертекстуальности (см. библиографию в [Кремнева, 2017]), интерес к данной проблеме не ослабевает, что обусловлено как сложностью и многоаспектностью самой проблемы, так и постоянно усложняющимися текстовыми практиками, прежде всего, высокой степенью прецедентной

плотности художественных текстов. Интертекстуальность связана с исследованием неконвенциональных способов выражения смысла художественного текста как произведения искусства, а в искусстве, задача которого состоит в увеличении вариантов осмысления и прочтения его произведений, эта область в рамках когнитивной науки, как отмечает Т.В. Черниговская, на сегодня разработана явно недостаточно [Черниговская, 2013, с. 14–15].

Будучи сложным и многоаспектным феноменом, интертекстуальность исследуется сегодня с позиций различных теоретических подходов: структурно-семиотического, культурно-семиотического, семиотико-герменевтического, синергетического, коммуникативного, этнопсихолингвистического. Одним из подходов, который активно разрабатывается в современной лингвистике, является когнитивно-семиотический, который мы используем в нашем исследовании феномена интертекстуальности. Интеграция семиотического и когнитивного подходов к трактовке сущности интертекстуальности является закономерной и обусловлена самой природой языка, который представляет собой и систему знаков, замещающих предметы внешнего и внутреннего мира, и результат когнитивной деятельности человека. Семиотическая сущность данного способа кодирования смысла состоит в его двойной референтной соотнесенности: к описываемому в тексте событию и к предшествующим текстам или их фрагментам, хранящимся в памяти автора / читателя и служащим основой для подобного кодирования. Рассматриваемая в аспекте ее когнитивной сущности, интертекстуальность представляет собой один из видов вторичной языковой интерпретации, в основе которой лежит процесс порождения новых знаний, возникающих на базе уже существующих концептов, в данном случае, сложных концептов двух взаимодействующих текстов, что позволяет рассматривать ее как особый вид концептуальной деривации, основанный на активации смысловых связей между прецедентным и порождаемым текстом. При рассмотрении когнитивной сущности интертекстуальности мы опираемся на теорию концептуальной деривации, разработанную Н.Н. Болдыревым и его научной школой [Болдырев, 2018].

Рассмотрение когнитивно-семиотической сущности интертекстуальности вводит исследователя в сферу изучения таких вопросов, как проблема межтекстового взаимодействия и его отграничения от смежных процессов, проблема памяти как основы прецедентности и трансляции культуры посредством текстов, проблема порождения смысла, возникающего в процессе

межтекстового взаимодействия, и проблема смысловосприятия и интерпретации текста с интертекстуальными включениями. Целью данной статьи является рассмотрение интертекстуальных включений как одного из барьеров на пути понимания смысла художественного текста. Объектом данной статьи являются интертекстуальные включения в структуре художественного текста, а предметом исследования выступает их роль в процессе восприятия и интерпретации смысла художественного текста. Основным методом исследования является интертекстуальный анализ, который включает в себя идентификацию интертекстуального включения, определение его источника и интерпретацию смысла, возникающего в результате концептуальной интеграции смыслов прецедентного и порождаемого текстов.

В современных когнитивно-ориентированных теоретических исследованиях большое внимание уделяется интерпретирующей функции языка как одной из его важнейших функций. Под интерпретацией понимается «процесс и результаты субъективного понимания и объяснения человеком мира и себя в этом мире, процесс и результат субъективной репрезентации мира, основанной, с одной стороны, на существующих общечеловеческих представлениях о мире и, с другой стороны, на его личном опыте взаимодействия с ним» [Болдырев, 2011, с. 11]. Рассматривая сущность интерпретации как когнитивной деятельности человека, Н.Н. Болдырев отмечает, что она может иметь широкое и узкое толкование. В широком смысле этого слова под интерпретацией понимается любая когнитивная деятельность, результатом которой является получение нового знания. В узком смысле интерпретация представляет собой познавательную активность отдельного человека, результатом которой является его субъективное понимание объекта интерпретации [Болдырев, 2016, с. 178–179]. Данная функция имеет множественные реализации в языке, и вполне естественно, что она находит свою реализацию в процессах интерпретации текста как результата дискурсивной деятельности автора.

Процессы понимания текста, которое представляет собой способность нашего сознания проникать в другое сознание за счет постижения значения знаков и интерпретации как последующего этапа, заключающегося в толковании знаков и текстов, основанном на их понимании, имеют в своей основе принцип диалогизма, суть которого выразил М.М. Бахтин в краткой формуле: «Образ человека является путем к я другого» [Бахтин, 1995, с. 3]. Он подчеркивал, что текст всегда существует и развивается на рубеже двух субъектов,

двух взаимодействующих сознаний, а потому сознание реципиента текста должно всегда учитываться при рассмотрении текста. Он писал: «Текст не вещь, а поэтому второе сознание, сознание воспринимающего, никак нельзя элиминировать или нейтрализовать» [Бахтин, 1979, с. 285].

Как показывает анализ работ современных исследований, идеи М.М. Бахтина о фундаментальной диалогичности человеческого мышления, находящей свое выражение в тексте, не утратили своей актуальности, и продолжают свое дальнейшее развитие в трудах филологов XXI века. Так, М.В. Михайлова пишет: «Один из аспектов событийности совершенного текста – его диалогичность. Его возможно рассматривать как встречу, поскольку текст всегда раскрыт в двух направлениях: к авторскому экзистенциальному опыту, который инициировал событие письма, и к читательскому следованию за автором в событии чтения, когда послание одного человека становится фактом внутренней жизни другого. Поскольку читатель необходим для осуществления текста, адекватное рассмотрение текста требует признания в нем диалогического события» [Михайлова, 2013, с. 30]. Автор этих строк далее особо подчеркивает важность ткани текста (имея в виду, прежде всего, классический текст) для осуществления диалога сознаний, поскольку только через текст «формируются позиция автора и внутренний мир читателя, когда увидит опыт другого означает познать себя» [Михайлова, 2013, с. 30].

Эту же мысль, рассматривая роль читателя в процессе интерпретации текста, подчеркивает У. Эко, говоря о том, что т.н. «открытый текст» (то есть текст, в котором потенциально заложена возможность множественных интерпретаций, или неограниченного семиозиса) «не может быть описан в терминах коммуникативной стратегии, если роль его адресата (в случае словесных текстов – читателя) не была так или иначе предусмотрена в самый момент его порождения как текста» [Эко, 2005, с. 11]. По его мнению, «читатель как активное начало интерпретации – это часть самого процесса порождения текста» [Эко, 2005, с. 14], и с этим нельзя не согласиться. Текст не только сообщает что-то, но и служит стимулом для порождения в сознании читателя новых смыслов, возникающих на основе собственной концептуальной системы, способствуя тем самым ее обогащению. Именно в этом и находит отражение, на наш взгляд, интерпретирующая функция языка. Как показывают многочисленные эксперименты, любое обучение и развитие

когнитивных способностей человека происходит чаще всего на основе текста [Базжина, 2010, с. 167].

Идея сотрудничества автора и читателя в создании текста получила свое дальнейшее развитие в т.н. когнитивно-холистическом подходе к исследованию текста, суть которого состоит в следующем: 1) автор и читатель рассматриваются как целостные языковые личности со своей картиной мира; 2) образ языка, на котором создан и интерпретируется текст, существует в сознании автора и читателя как целостная система, а не как набор разрозненных языковых элементов; 3) языковые, культурные и академические знания тесно взаимосвязаны; 4) текст представляет собой диалог культур в пространстве межкультурной коммуникации; 5) правомерен лишь анализ целостного текста, а не его отдельных отрывков. Холистика текста предполагает его изучение в комплексном интегративном осмыслении, в его коммуникативно-когнитивном, прагмалингвистическом и социокультурном аспектах. Когнитивно-холистический подход предусматривает сопряжение текстовой деятельности автора и читателя, то есть диалог их сознаний. При этом важно отметить, что оба участника этого диалога являются его равноправными участниками. Автор воплощает заданный смысл в материальной форме текста, а читатель «собирает», извлекает этот смысл на основе целостного анализа языковых, прагматических, культурологических и когнитивных параметров [Молчанова, 2005, с. 45–47].

Нельзя не отметить тот факт, что когнитивно-холистический подход во многом вновь возвращает нас к идеям М.М. Бахтина о диалогизме как основном принципе гуманитарного мышления. Как подчеркивает И.А. Щирова, «целостность текста задается авторским сознанием, но не является окончательно определенной, поскольку в конечном итоге идентифицируется читателем как равноправным участником литературной коммуникации» [Щирова, 2018, с. 610].

Таким образом, подход к пониманию текста с позиций диалогизма человеческого мышления позволяет считать, что в процессе создания и восприятия текста происходит диалог двух сознаний, двух концептуальных систем, автора и потенциального читателя. При этом успешность такого диалога, то есть понимание смысла художественного текста читателем, к которому обращено сознание автора, зависит от объема т.н. разделенного, или общего знания (*shared knowledge*), содержащегося в концептуальных системах автора и читателя. Чем больше объем «смыкания смыслов», тем более вероятно адекватное понимание авторского смысла

читателем. По словам В.С. Библера, для полного понимания текста необходим «в том же ритме думающий читатель» [Библер, 1997]. Заметим, что «смыкание смысла» включает, как нам представляется, наличие у читателя не только необходимых знаний, но и читательской эмпатии, то есть его способности настроиться на эмоциональное состояние автора, находящее отражение в тексте, «вчувствоваться в автора» [Демьянков, 2018, с. 5], без чего восприятие художественного текста не может быть полным. На тесное взаимодействие творца литературного произведения и его читателя указывает М. Этвуд, которая отмечает, что книга может пережить своего автора, она меняется с течением времени, но это изменение касается не манеры изложения, а манеры чтения, поскольку каждое новое поколение читателей привносит свое понимание книги, новые смыслы в ее содержание. Она сравнивает книгу с нотной записью, которая становится музыкой только тогда, когда она исполняется музыкантами, которые по-своему интерпретируют эту запись [Atwood, 2002, p. 50].

При этом вряд ли возможно абсолютное совпадение концептуальных систем автора и читателя в силу индивидуальности каждой из них, а потому понимание всегда оказывается поливариантным и во многом определяется личностным опытом читателя и его способностью глубоко проникать в форму произведения и извлекать из нее т.н. скрытые смыслы. Причем эта поливариантность может быть различной: в одних случаях читателю не удастся до конца раскрыть подлинный замысел автора, но нередки и такие случаи, когда образованный и искушенный читатель извлекает из текста смыслы, о которых не подозревал сам автор при создании текста.

В.З. Демьянков считает, что процесс интерпретации может быть не менее креативным, чем продуцирование речи [Демьянков, 2001, с. 313], поскольку значения не даны непосредственно в форме знака, а «вычисляются» интерпретатором, то есть выводятся из интерпретации формы. Он подчеркивает, что интерпретация текста «предстает перед нами как занятие, связанное с решением интеллектуальной задачи – с распознаванием значения, иногда глубоко спрятанного» [Демьянков, 2016, с. 8]. Таким образом, подобно тому, как порождение текста является результатом когнитивно-креативной деятельности автора, интерпретация текста также является процессом, когнитивно-креативным в своей основе. Этот процесс направлен, с одной стороны, на извлечение и интерпретацию смысла, заложенного автором текста, а с другой

стороны, на познание и развитие собственной личности в процессе этой деятельности.

Потребность в талантливом читателе, о которой говорил С.Я. Маршак, несомненно, существовала на всем протяжении развития литературы, но эта потребность значительно возросла в XX веке, что обусловлено глубочайшими изменениями, которые произошли в общественно-политической жизни общества, общественном сознании, философском и научном мировоззрении и нашли свое отражение во всех формах культуры и, прежде всего, в литературе.

Рассматривая категорию понимания применительно к иноязычным текстам, представляется важным выделить, вслед за Г.И. Богиним, разные уровни понимания, каждый из которых организуется из соответствующего материала рефлексивной реальности. Исследователь выделяет следующие уровни:

- уровень семантизирующего понимания, связанный с семантизацией незнакомых слов, требующий рефлексии над опытом вербальной памяти;

- уровень когнитивного понимания, связанный с преодолением трудностей в освоении содержания текста и требующий рефлексии над опытом знания и познавательного процесса;

- уровень распремечивающего понимания, связанный с рефлексией над эмоциональным опытом читателя, а также над опытом оперирования текстовыми смыслами в ранее прочитанных произведениях [Богин, 1993, с. 105–107]. Хотя, как отмечает сам автор, границы между выделенными уровнями оказываются довольно диффузными, их выделение представляется целесообразным, поскольку каждый уровень связан с активизацией определенного типа опыта, хранящегося в сознании интерпретатора. Такая модель понимания вполне соответствует распространенной модели уровневого членения языка, а потому может способствовать более целенаправленному и глубокому анализу текста.

Одной из основных особенностей современных художественных текстов является тот факт, что способы передачи авторского смысла отличаются значительным разнообразием и сложностью. Авторские смыслы зачастую не представлены эксплицитно, завуалированы неконвенциональными способами их представления, и их экспликация требует интерпретаторского таланта, инференциального усилия, широты читательского тезауруса, читательской эмпатии. Многообразие и изощренность способов кодирования смысла создает потенциальные барьеры, препятствующие адекватному пониманию

смысла текста. Одним из таких потенциальных барьеров на пути понимания смысла является его кодирование с помощью «чужого слова», то есть отсылки к прецедентному тексту.

Исследователи, занимающиеся проблемой скрытых смыслов, выделяют в особую группу интертекстуальные скрытые смыслы, то есть такие смыслы, в создании которых принимает участие «чужое слово». Способ кодирования смысла с помощью интертекстуальных включений, то есть использования кода с двойной референцией, относится к числу наиболее сложных. Понимание текста с интертекстуальными включениями составляет третий, т.н. распредмечивающий уровень [Богин, 1993, с. 105–107], связанный не только с пониманием словесных знаков и событийного содержания текста, но и с интерпретацией межтекстового смыслового пространства, возникающего в результате концептуальной интеграции смыслов прецедентного и рецептирующего текстов, требует вдумчивого и творческого читателя, способного и желающего декодировать сложные смыслы.

Кодирование смысла с опорой на прецедентный текст, несомненно, является более сложным и изощренным, в нем проявляются креативные способности говорящего / пишущего, и оно требует таких же способностей от реципиента/читателя. Восприятие текста с интертекстуальными включениями, декодирование смысла, переданного с помощью «чужого слова», требует от читателя значительных интеллектуальных усилий, одновременно доставляя ему удовольствие, позволяющее, по словам Р. Барта, причислить себя к разряду «аристократических читателей». Сложность в восприятии интертекста, по словам В. Изера, обусловлена тем, что в результате межтекстового взаимодействия, игры кодов, двойной референции возникают смысловые лакуны, то есть пустые места, которые читатель вынужден заполнить, выстраивая т.н. мостики между текстами, то есть восстанавливая возможные смысловые связи, дешифруя игру кодов и смыслов, которые вызывают одновременно как усложнение, так и диссипацию значения [Iser, 1993, XIV].

Итак, *интертекстуальные включения потенциально представляют собой лакунизированные фрагменты текста.* Характерной особенностью современных художественных текстов является высокая степень их интертекстуальной плотности. Зачастую смысл текста становится доступным только при наличии у читателя богатого интертекстуального тезауруса. Под интертекстуальным тезаурусом мы понимаем особый формат знания, в котором хранятся в различных формах (словесных или образных) все прецедентные

феномены, на которые опирается индивид в своей речевой и текстопорождающей деятельности и которые позволяют ему генерировать новые смыслы или интерпретировать смыслы воспринимаемого текста. Говоря о структуре интертекстуального тезауруса, мы считаем возможным описывать ее по аналогии со структурой концептуальной и языковой картин мира, существующих в сознании индивида и включающих универсальный, национально-специфичный и индивидуальный компоненты. Использование такой аналогии представляется нам возможным и оправданным по той причине, что и в том, и в другом случае речь идет о ментальных сущностях, или форматах знания. При этом важно отметить и тот факт, что границы между этими компонентами носят динамический, открытый характер: индивидуальное знание обладает способностью отчуждаться и становиться достоянием общества, национально-специфические знания могут подвергаться трансферу и становиться в значительной степени универсальными, что происходит в результате взаимодействия культур и благодаря чему становится возможным трансфер знания и обогащение интертекстуального тезауруса «поверх границ культур» (более подробно см.: [Кремнева, 2017, с. 150–158]).

Наличие интертекстуальных фрагментов в художественном тексте нередко расценивается сегодня как один из обязательных критериев современной прозы в силу существования т.н. интертекстуального синдрома, о котором мы упоминали в начале статьи. Вот как выражает эту мысль один из персонажей романа «Неделя в декабре» («A Week in December») современного британского прозаика С. Фолкса (S. Faulks), мысленно репетируя свою оценку произведения молодого автора:

«Anyway, I just wanted to say that I've recently had the opportunity of rereading it. I must say that it was a thoroughly pleasurable experience. One's first reading of such a book is necessarily influenced by the cultural baggage one brings to it; and prose as many-layered as your own really requires a second, closer reading. I relished your lightly worn learning and the playful references to other first novels, ranging from Camus to Salinger and, if I am not mistaken, Dostoevsky, no less! And this done with an enviable lightness of touch...» (S. Faulks. A Week in December).

Заметим, что в приведенном отрывке содержится еще одна важная мысль, касающаяся особенностей восприятия текста. Повторное чтение, о котором говорит критик, оказывается необходимым потому, что восприятие таких текстов требует двойного осмысления: содержания самого текста, то есть смысла того, о чем говорится в тексте, а также формы передачи смысла, то

есть метаязыковой рефлексии, для осуществления которой необходим обширный интертекстуальный тезаурус читателя.

Нельзя не заметить, что многие современные авторы пытаются соответствовать этим требованиям, что находит свое отражение в художественной форме. Так, в том же романе С. Фолкса один из персонажей, намеревающийся написать роман, представляет его следующим образом:

«Tranter allowed the voices of the English regionalist school to harmonize with his own; there were intertextual references to the novels of Stan Barstow and Walter Allen...» (S. Faulks. A Week in December).

И хотя приведенный отрывок написан в ироническом ключе, он отражает суть современной литературы, характеризующейся, нередко даже в угоду моде, чрезвычайно высокой степенью интертекстуальной плотности, что, по мнению Н.А. Фатеевой, приводит к тому, что она все больше и больше становится «не литературой о жизни, а литературой о литературе» [Фатеева, 2000, с. 31].

Интертекстуальные включения часто являются наиболее смысловыми элементами текста, и незнание прецедентных тестов или их неверное истолкование приводит к лакунизации текста. Необходимым условием интерпретации таких текстов является наличие в памяти особого формата знаний о предшествующих текстах – интертекстуальных фреймов, формирующих в своей совокупности интертекстуальный тезаурус языковой личности. Интертекстуальный тезаурус служит той основой, на которой формируется межтекстовая компетентность как создателей текстов, так и реципиентов. В том случае, если в когнитивной базе читателя хранятся соответствующие интертекстуальные фреймы, необходимые для «опознания» интертекстов, они активизируются и могут служить основой для адекватной интерпретации текста. Мы говорим «могут», поскольку опознание интертекстов составляет лишь основу для интерпретации, но еще не саму интерпретацию. Поскольку интерпретация есть *вербализованная* рефлексия [Богин, 1993, с. 104] (курсив наш. – А.К.), то из этого следует, что навыки интерпретации не возникают только в результате понимания, их надо развивать, то есть следует учить интерпретации, умению не только распознавать, но и вербализовывать распознанные смыслы.

Если такие фреймы отсутствуют в когнитивной базе читателя, адекватное понимание авторского смысла становится невозможным. В результате из поля зрения читателя могут выпадать важные смысловые связи текста, что приводит к нарушению логико-

смысловой связности, составляющей основу цельности текста. Неопознание или неправильная интерпретация интертекстуальных ссылок, возникающая в результате лагун в лингвокультурном тезаурусе читателя или партнера по коммуникации, приводит к непониманию, неполному пониманию или к различным курьезам. Приведем несколько примеров из текстов, описывающих подобные случаи. Так, в своем романе «Мститель» («Avenger») Ф. Форсайт (F. Forsyth) приводит следующий диалог между двумя американским солдатами во время войны во Вьетнаме:

'It's bad?'

'Dante's vision of hell'. Dexter had never heard of Dante and presumed he was in a different unit. He shrugged (F. Forsyth. Avenger).

Из приведенного примера мы видим, что описание ужаса боев, описанное при помощи аллюзии на Данте, не было до конца понято собеседником, на что он прореагировал пожатием плеч. Приведем еще один пример такого непонимания.

It took twenty two years and the combined effort of over twenty thousand artisans and master craftsmen from Persia, the Ottoman Empire, and even Europe, and the result is what you see before you, the Taj Mahal, described by Rabindranath Tagore as 'a teardrop on the cheek of time'. A young girl in hot pants raises her hand. «Excuse me, who is Tagore?». «Oh, he was a very famous Indian poet who won the Nobel Prize. He can be compared to, let's say, William Wordsworth», the guide answers. «William who?» (V. Swarup. Slumdog Millionaire).

В приведенном отрывке из романа В. Сварупа «*Миллионер из трущоб*» автор описывает диалог между индийским гидом, проводящим экскурсию в Тадж-Махале и туристкой из Европы, в котором она обнаруживает такой ограниченный уровень знаний в области истории и культуры, что невольно напоминает нам о высказывании Махатмы Ганди, который, отвечая на вопрос «*What do you think of the Western civilization?*» дал следующий ответ: «*It would be a very good thing*».

Приведем еще один пример такого непонимания смысла модифицированной цитаты, в этом случае закончившегося неожиданной удачей для того, кто ее использовал.

Ешки не было бы, если бы не Бунин. У дочки случился облом. Слетелись подружки: «Чем мы тебе можем помочь?» «Собаку мне купите» – вольно процитировала дочь. Цитату никто не опознал. А на другой день одна из подруг встретила в офисе своего босса. «Босс, вы куда?» «Знакомой девушке щенка покупать». «Да? А где их продают? А то у моей подружки облом случился...». Босс улыбнулся.

А на другой день вызывает ее к себе. «Я купил двух щенков» – и протягивает ей легкое, мягкое, теплое (В. Павлова. Еджи, по паспорту Лаки).

Особый интерес представляют те случаи в художественном тексте, когда автор вводит отрывки из прецедентных текстов в наиболее драматических местах повествования для того, чтобы показать отсутствие взаимопонимания между героями в трагические моменты их жизни. Обратимся к отрывку из романа С. Моэма «Разрисованный занавес» («The Painted Veil»), в сюжете которого английский врач-бактериолог Уолтер Фейн, работающий в Гонконге, узнает об измене своей жены в тот момент, когда ему предстоит поездка в район, охваченный эпидемией холеры. Он настаивает на том, чтобы жена поехала вместе с ним, что воспринимается ею как месть за измену. Она полагает, что муж хочет ее смерти. Но заражается холерой сам врач, спасая десятки жизней. В последние минуты, когда жена просит у него прощения за доставленные страдания, он произносит следующие слова: *«The dog it was that died»*.

She stayed as still as though she were turned to stone. She could not understand and gazed at him in terrified perplexity. It was meaningless. Delirium (S. Maugham. The Painted Veil).

Как следует из приводимого отрывка текста, жена не поняла предсмертные слова мужа и приняла их за бред, потому что не узнала, а если бы и узнала, то вряд ли сумела бы правильно интерпретировать смысл, вкладываемый им в эту фразу, взятую из стихотворения О. Голдсмита, в которой речь идет о взбесившейся собаке, которая укусила человека, но, вопреки ожиданиям, умерла сама, а не укушенный ею человек:

*But soon a wonder came to light,
That shew'd the rogues they lied,
The man recovered from the bite,
The dog it was that died.*

(O. Goldsmith. An Elegy on the Death of a Mad Dog).

Сложность интерпретации смысла этих строк заключается в том, что Уолтер Фейн никогда не желал смерти своей жены. Напротив, он надеялся, что, увидев страдания других людей и помогая им, она сможет измениться сама, что и произошло на самом деле. Произнося эти слова, он высказывает не собственное мнение, а, скорее, мнение тех обывателей, которые, как и его жена, оценивали

его поступок как месть за измену жены, а потому в его словах звучит горькая ирония.

Таким образом, адекватная интерпретация текста с интертекстуальными включениями обусловлена: 1) уровнем межтекстовой компетенции читателя; 2) наличием в его когнитивной базе богатого интертекстуального тезауруса; 3) умением использовать знания, хранящиеся в структуре интертекстуальных фреймов, в вербализации результатов своей рефлексии над смыслом текста. Необходимость в таком тезаурусе становится особенно очевидной в настоящее время, поскольку особенностью современного языка в его различных функциональных разновидностях – будь то художественный, публицистический или рекламный текст – является высокая степень его интертекстуальной плотности, требующая от читателя знания прецедентных феноменов из различных источников. Все сказанное позволяет заключить, что диалог сознаний автора и читателя, осуществляемый посредством процессов текстопорождения и интерпретации текста, может состояться только при наличии в интертекстуальном тезаурусе читателя знания тех прецедентных феноменов, которые использовал автор в процессах текстопорождения, при умении их опознать и интерпретировать в новом контексте, что указывает на большую роль интертекстуального тезауруса читателя в интерпретации смысла текста, содержащего интертекстуальные включения.

Литература

Базжина Т.В. Стратегия чтения и понимания текста читателем: отнюнез «без конца и края» // Когнитивные науки: проблемы и перспективы. Материалы российско-французского семинара. М., 2010.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Бахтин М.М. Человек в мире слова. М., 1995.

Библер В.С. На гранях логики культуры. Книга избранных очерков. М., 1997.

Богин Г.И. Субстанциональная сторона понимания текста. Тверь, 1999.

Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60.

Болдырев Н.Н. Когнитивная природа языка: сборник статей. М.–Берлин, 2016.

Болдырев Н.Н. Концептуальная деривация как основа вторичной языковой интерпретации // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXIII. М.–Тамбов, 2018.

Демьянков В.З. Лингвистическая интерпретация текста: универсальные и национальные (идиотнические) стратегии // Язык и культура: факты и ценности: к 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. М., 2001.

Демьянков В.З. О когниции, культуре и цивилизации в трансфере знаний // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4.

Демьянков В.З. Трансфер идей герменевтики в когнитивную лингвистику // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4.

- Кремнева А.В. Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия в семиотическом пространстве культуры. Барнаул, 2017.
- Михайлова М.В. Корабль Энея: классика в современной культуре // Текст и традиция: альманах. Вып. 1. СПб., 2013.
- Молчанова Г.Г. Холистика текста: Система – коммуникация – языковая личность – текст // Стилистика и теория языковой коммуникации. М., 2005.
- Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов. М., 2000.
- Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание. М., 2013.
- Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М., 2009.
- Щирова И.А. Экстраполяция идеи холизма на понимание художественного текста // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXIV. М., 2018.
- Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб., 2005.
- Atwood M. *Negotiating with the Dead. A Writer on Writing*. Cambridge University Press, 2002.
- Iser W. *Intertextuality: The Epitome of Culture: Foreword to R. Lachmann. Memory and Literature. Intertextuality in Russian Modernism // Theory and History of Literature*. 1997. Vol. 87.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Павлова В. Еджи, по паспорту Лаки // *Story*. 2015. № 10 (85).
- Faulks S. *A Week in December*. London, 2010.
- Forsyth F. *Avenger*. London, 2003.
- Goldsmith O. An Elegy on the Death of a Mad Dog [Электронный ресурс]. URL: <http://graduate.engl.virginia.edu/enec981/dictionary/24goldsmithD2.html>
- Maugham S. *The Painted Veil*. М., 1981.
- Swarup V. *Slumdog Millionaire*. New York; London; Toronto; Sydney, 2008.

References

- Bazzhina T.V. *Strategiya chteniya i ponimaniya teksta naivnim chitatelem: ontogenez "bez kontsa i kraya"* [The Strategy of Reading and Understanding the text by a naïve reader: ontogenesis without limits] // *Kognitivnye nauki: problem i prespektivi* [Cognitive science: problems and prospects]. Moscow, 2010.
- Bachtin M.M. *Estetika slovestnogo tvorchestva* [The Esthetics of Literary Art]. Moscow, 1979.
- Bachtin M.M. *Chelovik v mire slova* [The Man in the World of Words]. Moscow, 1995.
- Bibler V.S. *Na Granyach Logiki Kultury. Kniga ivbrannich ocherkov* [On the edge of Culture Logics. A book of Selected Essays]. Moscow, 1997.
- Bogin G.I. *Substantsionalnaya storona ponimaniya teksta* [The Substantial Aspect of Text Comprehension]. Tver, 1999.
- Boldyrev N.N. *Interpretiruyushchaya funktsiya yazika* [Interpretative Language Function] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chelyabinsk State University Newsletter] 2011. No 33 (248). *Filologiya. Iskusstvovedeniye*. Iss. 60.
- Boldyrev N.N. *Kognitivnaya priroda yazika: sbornik statei* [Cognitive Nature of Language: a collection of articles]. Moscow–Berlin, 2016.

Boldyrev N.N. *Kontseptualnaya derivatsiya kak osnova vtorichnoi yazykovo interpretatsii* // [Conceptual Derivation as the Basis for Secondary Linguistic Interpretation] // Kognitivnie issledovaniya yazyka [Cognitive Studies of Language]. Vol. XXXIII. Moscow–Tambov, 2018.

Demyankov V.Z. *Lingvisticheskaya interpretatsiya teksta: universalniye i natsionalniye (idioetnicheskiye) strategii* [Linguistic Text Interpretation: universal and national (idioethnic) strategies] // *Yazyk i kultura: fakti i tsennosti: k 70-letiu Uriya Sergeevicha Stepanova* [Language and Culture: Facts and Values: to 70th Anniversary of Uriy Sergeevich Stepanov] Moscow, 2001.

Demyankov V.Z. *O kognitsii, kulture i tsivilizatsii v transfere znaniy* [Civilizationally Induced vs. Culturally Induced Knowledge Transfer] // *Voprosi kognitivnoi lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics]. 2016. № 4.

Demyankov V.Z. *Transfer idei germenetiki v kognitivnyuyu lingvistiku* [Transfer of Hermeneutic Ideas into Cognitive Linguistics] // *Voprosi kognitivnoi lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics]. 2018. № 4.

Kremneva A.V. *Intertextualnost kak odna iz form mezhtextovogo vzaimodeystviya v semioticheskom prostranstve kulturi*. [Intertextuality as a Form of Crosstextual Interaction in the Semiotic Space of Culture]. Monograph. Barnaul, 2017.

Michailova M.V. *Korabl Eneya: klassika v sovremennoy culture* [Aeneas' Ship: Classics in Modern Culture] // *Text i traditsiya: almanach* [Text and Tradition: Almanac] St. Petersburg, 2013. Iss. 1.

Molchanova G.G. *Holistika teksta: sistema – kommunikatsiya – yazykovaya lichnost – tekst* [Text holistics: system – communication – linguistic personality – text] // *Stilistika i teoriya yazykovo komunikatsii* [Stylistics and Communication Theory]. Moscow, 2005.

Fateeva N.A. *Kontrapunkt intertextualnosti, ili intertext v mire textov* [The Counterpoint of Intertextuality, or an Intertext amid Texts]. Moscow, 2000.

Chernigovskaya T.V. *Cheshirskaya ulibka kota Shryodingera: yazyk i soznaniye* [Cheshire Smile of Schroedinger's Cat: Language and Mind]. Moscow, 2013.

Chernyavskaya V.E. *Lingvistika teksta: Polikodovist, intertextualnost, interdiskursivnost: ucheb. posobiye* [Text Linguistics: Simicoding, Intertextuality, Interdiscursivity: study guide]. Moscow, 2009.

Shchirova I.A. *Extrapolyatsiya idei holizma na ponimaniye hudozhestvennogo teksta* [Extrapolation of the idea of Wholism to the understanding of fiction text] // *Kognitivniye issledovaniya yazyka* [Language Cognitive Studies]. Iss. XXXIV. Moscow, 2018.

Eco U. *Rol chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta* [The Role of the Reader. Studies on Text Semiotics]. St. Petersburg, 2005.

List of sources

Pavlova V. Edzhi, po pasportu Laki [Edzhi, passport name is Laki]. Story. 2015. № 10 (85).

Faulks S. A Week in December. London, 2010.

Forsyth F. Avenger. London, 2003.

Goldsmith O. An Elegy on the Death of a Mad Dog [Электронный ресурс]. URL: <http://graduate.engl.virginia.edu/enec981/dictionary/24goldsmithD2.html>

Maugham S. The Painted Veil. M., 1981.

Swarup V. Slumdog Millionaire. New York; London; Toronto; Sydney, 2008.

ПАРАДИГМАТИКА И СИНТАГМАТИКА ИНЖЕНЕРНОГО ДИСКУРСА: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

О.А. Куба

Ключевые слова: профессиональный русский язык, инженерный дискурс, аутентичный текст, дискурсивная практика, физический объект, признак, дискурсивный образец.

Keywords: Professional Russian, engineering discourse, authentic text, discourse practice, physical object, feature, discourse model.

DOI 10.14258/filichel(2019)1-05

Мы живем в эпоху информационного общества, оперирующего различными дискурсивными практиками. Каждый год сфера профессионального общения наполняется новыми смыслами вследствие непрерывного развития науки и техники. Инженерный дискурс как одна из подсистем современного литературного языка в наше время выходит за рамки узкопрофессиональной коммуникации и становится феноменом повседневной действительности. Это связано со все возрастающим интересом общества к достижениям отечественной инженерии и национальной гордостью за высокотехнологичные разработки российских инженеров. Ярким примером данной тенденции на современном этапе развития инженерии являются две великие стройки XXI века – космодром «Восточный» и Крымский мост, о которых мы узнаём из телепередач и статей.

Помимо информативного регистра, обращенного ко всему языковому коллективу, профессиональный дискурс продолжает развиваться в наши дни в своем собственно профессиональном регистре, который ориентирован на специалистов. С появлением новых технологий происходит уточнение тех или иных описательных конструкций в структуре дискурса, становятся возможными более тонкие нюансировки смыслов и их расщепление на более четкие элементы, что в итоге дает возможность точнее описать новый объект, входящий в нашу жизнь. В последнее время в отечественной лингвистике появляются исследования, которые посвящены какой-либо частной дискурсивной практике, например, компьютерно-информационному и массово-информационному дискурсу [Иванова, 2010, с. 72; Чернышова, 2015, с. 35–48] и др.

Актуальность предпринятого нами исследования обусловлена следующими обстоятельствами: а) важной ролью, которую

профессиональный дискурс играет в современном информационном обществе; б) пристальным интересом лингвистов к новым формам существования современного инженерного дискурса; в) необходимостью ввести в научно-методический оборот актуальный дискурсивный материал, который будет отражать развитие науки и техники в наше время; г) теоретической необходимостью осмыслить привлекаемый материал с позиций современной дискурсивной лингвистики и провести четкое разграничение и расщепление смыслов, в результате чего станет возможным наиболее полное вхождение познающего субъекта в смысловое пространство дискурса. В качестве языкового материала послужили аутентичные тексты, созданные русскоязычными авторами для русскоязычного читателя (статьи) и слушателя (телепередачи на телеканале «Мир» и Youtube-канале «Страна», в которых рассказывается о достижениях инженерии в России и странах СНГ).

Целью исследования является выявление и изучение языковых механизмов инженерного дискурса, которые обеспечивают понимание аутентичного текста в процессе обучения иностранному языку. Эти механизмы, по нашему мнению, наиболее четко и полно проявляют себя в лингводидактическом аспекте, т. е. при конкретном восприятии смыслов познающим субъектом. Когда учащийся погружается в многомерное смысловое пространство аутентичного текста, перед ним разворачивается сеть смыслов. Профессиональный дискурс может ориентировать человека в этом пространстве, сопровождая на пути к пониманию. Однако для этого он должен быть концептуализирован в том или ином виде. В качестве одного из вариантов такого упорядочивания выступает признаковый анализ физического объекта, поэтично реализуемый на занятиях по профессиональному русскому языку.

Методика, основанная на дискурс-анализе аутентичного текста, возникла в результате длительной апробации в учебной аудитории. В 2014–2015 учебном году в АлтГТУ приехали студенты-инженеры из Таджикистана, и автор данной работы начал поиск оптимального пути обучения новой категории учащихся. За прошедшие годы был накоплен ценный языковой материал и пришло осознание того, что иностранный учащийся способен самостоятельно двигаться по пути понимания аутентичного текста. Нужно лишь очертить необходимый смысловой диапазон и задать координаты (дискурсивные образцы), с которыми он будет «сверять» новую информацию, получаемую из текста. В ходе исследования нами была проведена смысловая сегментация аутентичных текстов (статей и телепередач). Результатом

явилось учебное пособие по инженерному дискурсу на начальном (формативном) уровне обучения, в котором рассматривается физический объект и его признаки. Оно содержит необходимый учебный материал для проведения практических занятий, охватывая при этом весь диапазон смыслов, актуальных для будущего специалиста в данной области [Киба, 2016, с. 6–7].

На **первом (парадигматическом) этапе** дискурс-анализа дается полный набор признаков описываемого физического объекта. В целом современный инженер должен знать 10 признаков: количество, причину, местоположение, материал, форму, цвет / вкус / запах / консистенцию, возникновение / существование, функцию, действие и сопоставление. Данные признаки существуют на начальном этапе дискурс-анализа в парадигматическом измерении и являются потенциальными по отношению к описываемому объекту. Исходя из этого, на данном этапе между ними можно поставить смысловой знак «или»: один признак реализуется в тексте, а другой останется «за кадром», вне поля зрения говорящего и слушающего. С точки зрения парадигматики, минимальным может считаться такое описание объекта, в котором выражен хотя бы один из десяти перечисленных признаков, а максимально эксплицированным является такой дискурс, который демонстрирует все признаки или их необходимый (и достаточный) в данной ситуации набор.

Для каждого признака выбирается определенный физический объект, отражающий современные инженерные достижения стран СНГ. Помимо объектов, являющихся национальным достоянием определенной страны, в смысловой горизонт инженерного дискурса также могут быть включены объекты, имеющие одинаковое значение для любой культуры народов Центральной Азии. В качестве примера здесь можно привести чайхану как одно из самых популярных и посещаемых мест. Конкретным объектом в данном случае будет знаменитая чайхана-дыня, построенная в Таджикистане к 3 000-летию г. Гиссара.

На **втором (парадигматическом) этапе** работы с признаками физического объекта учащемуся предъявляется дискурсивный образец (таблица 1). Он представляет собой модель, по которой должно строиться описание любого описываемого объекта. Дискурсивный образец помогает вычленив информацию из письменного и аудиотекста по аналогии и, следовательно, описать любой подобный физический объект по заданному признаку.

<i>Модель А:</i>		
«Нурекская гидроэлектростанция» имеет «мощность» «3 000 МВт».		
физический объект	параметр	величина
И. п.	В. п.	
<i>Модель Б:</i>		
«Мощность» «Нурекской гидроэлектростанции» составляет «3 000 МВт».		
параметр	физический объект	величина
И. п.	Р. п.	

Табл. 1. Дискурсивный образец описания физического объекта по заданному признаку

Как видно из таблицы 1, каждый дискурсивный образец предварительно сегментирован на элементарные смысловые составляющие. В каждом образце независимо от описываемого признака будет присутствовать физический объект, маркируемый именительным падежом. Затем в случае с количественной характеристикой выделяются такие смысловые сегменты, как «параметр» (В. п.) и «величина» (собственно количественная информация). Необходимо отметить, что некоторые образцы в русской дискурсивной практике имеют синонимичные модели. Например, количественная характеристика может быть развернута в конкретном дискурсе статьи или телепередачи в одном из своих синонимичных вариантов: «Объект – параметр – величина» (модель А) или «Параметр – объект – величина» (модель Б). Знание всех потенциальных моделей дискурсивного развертывания признака необходимо учащемуся для того, чтобы смотреть, слушать и читать любой подобный аутентичный текст по выбранной специальности и вычленять из общего потока значимую информацию по аналогии.

Рассмотренная модель, когда в письменном или аудиотексте физическому объекту приписывается количественная информация, является основной. Однако данной моделью не исчерпывается весь количественный смысловой диапазон инженерного дискурса. Часто мы встречаемся со случаями, когда одному физическому объекту приписывается не только количественный, но и функциональный (или какой-либо другой) признак. Если такое происходит, то один признак по смыслу становится дополнительным, а другой – главным, распределяясь по оси актуальности (коммуникативной перспективы). В таблице 2 мы обобщили дискурсивный материал по данной смысловой линии.

<i>Модель А:</i>		
«Нурекская гидроэлектростанция»	имеет	«мощность» 3 000 МВт.
физический объект		главный признак (количество)
<i>Модель Б:</i>		
«Нурекская гидроэлектростанция»	«мощностью 3 000 МВт»	«расположена на р. Вахш»
физический объект	дополнительный признак (количество) параметр – Т. п.	главный признак (местоположение)

Табл. 2. Дискурсивный образец описания физического объекта по линии «Главный признак – дополнительный признак»

Из таблицы 2 видно, что, если количественная информация соединяется с другим признаком объекта, она уходит на второй план и становится дополнительным признаком по отношению к описываемому объекту. Дискурс маркирует данный смысловой переход в синтагматике с помощью синтаксемы Т. п. (*длиной, шириной, высотой, мощностью* и т. п.), обозначающей параметр, тогда как в модели А параметр (главный признак) маркируется с помощью В. п. В качестве главного признака в модели Б выступает абсолютное местоположение объекта (*быть расположенным + П. п.*). Заметим, что по отношению к данному объекту (Нурекской гидроэлектростанции) роль главного признака могут играть и другие смыслы, например, назначение. Тогда полное предложение будет выглядеть следующим образом: *Нурекская гидроэлектростанция мощностью 3 000 МВт обеспечивает электроэнергией города и села Таджикистана.*

Еще одним важным случаем выражения количественной информации в дискурсивной практике является описание объекта по линии «Абсолютный признак – относительный признак», которое можно показать на примере Нурекской ГЭС.

<i>Модель А:</i>		
«Нурекская гидроэлектростанция»	имеет	«мощность» 3 000 МВт.
физический объект		абсолютный признак (количество)
<i>Модель Б:</i>		
«Мощность «малой ГЭС»	такая, что	«она может обеспечить энергией близлежащие села»
физический объект и параметр		относительный количественный признак

Табл. 3. Дискурсивный образец описания физического объекта по линии «Абсолютный признак – относительный признак»

Мы видим, что модели А и Б описывают похожие физические объекты, однако делают это по-разному. В модели А выражается абсолютный признак, поскольку называется точное количество (3 000 МВт), тогда как в модели Б мы имеем дело с относительной количественной характеристикой. Относительный признак не фиксирует точное количество: мы не знаем, какая мощность (в мегаваттах) у малых гидроэлектростанций. Вместо этого мы видим другой объект (близлежащие села), которые обеспечиваются этими электростанциями и в результате смыслового соотношения понимаем, что мощности малых ГЭС достаточно для выполнения основной функции (энергообеспечение).

Четвертый случай выражения актуальной информации о физическом объекте, выявленный нами в ходе дискурс-анализа, заключается в его описании через бинарную оппозицию. Рассмотрим дискурсивный образец из пищевого производства, характеризующий продукт по его консистенции.

(Что?) имеет (какую?) консистенцию.		
творож-н-ый	≠	творож-ист-ый
состав (= из творога)		консистенция (= как у творога)
Адыгейский сыр имеет творожистую консистенцию		
пищевой продукт И. п.		характеристика по консистенции В. п., ж. р.
и выраженный вкус простокваши.		
характеристика по вкусу В. п., м. р.		

Табл. 4. Дискурсивный образец описания физического объекта через бинарную оппозицию

Мы видим, что консистенция пищевого продукта наиболее четко и ясно может быть выражена через противопоставление другому признаку (составу). Суффикс *-ист-* в этом случае маркирует консистенцию, а суффикс *-н-* – состав. По аналогии можно привести другие прилагательные с бинарной оппозицией «состав – консистенция»: *мучной – мучнистый, водяной – водянистый, зерновой – зернистый*.

На **третьем (синтагматическом) этапе** дискурс-анализа учащемуся предлагается закончить предложения, в которых описываются разные физические объекты с помощью рассмотренного дискурсивного образца. Синтагматическая ось инженерного дискурса в данном случае

разворачивает перед читающим или слушающим свое смысловое пространство и дает варианты реализации одного дискурсивного образца. В результате у студента формируется представление о том, что изученный дискурсивный образец является универсальным и может быть «наложен» на любой объект, привлекаемый к анализу. Приведем пример дискурс-вариантов характеристики объекта по консистенции из пищевого (молочного) производства:

1. *Готовое шоколадное масло из-за длительной обработки имеет ... **(более мягкая консистенция)** по сравнению с маслом без наполнителя.*
2. *Творог «Крестьянский» имеет ... **(однородная, мажущаяся, слегка мучнистая консистенция)**. Допускается комковатость.*
3. *В зарубежных странах наряду со сливочным маслом уже давно используют для питания спреды или сливочные пасты. Они, в отличие от масла, обладают ... **(более мягкая, пластичная консистенция)**, легкой намазываемостью.*
4. *Сыр диетический из обезжиренного молока имеет слегка кислomолочный вкус и ... **(ломкая на изгибе консистенция)**.*
5. *Коктейль из пахты имеет чистый кислomолочный вкус, выраженный аромат яблочного сока и ... **(однородная, пенящаяся консистенция)** [Твердохлеб, 2006].*

Помимо приведенного примера, в котором нужно использовать правильную синтаксему (*иметь* + В.п./*обладать* + Т.п.) для характеристики объекта по консистенции, на данном этапе могут использоваться дискурс-варианты другого плана. В таком задании акцент делается уже не на грамматическом оформлении дискурсивного образца, как это было в предыдущем примере, а на смысловом соответствии объекта с его языковой характеристикой. Физический объект в этом случае стоит в одном вариантном ряду с другими, смежными с ним по смыслу. Приведем пример смыслового соположения физических объектов на основе функциональной характеристики из автодорожного строительства:

1. *... **(пропуск)** под дорогой небольших водотоков, транспортных средств, пешеходов, а в сельской местности и скота.*
2. *... **(предотвращение)** обрушения на дорогу находящегося над ними грунта, а также ... **(обеспечение)** устойчивости земляного полотна.*
3. *... **(пропуск)** дороги над водным препятствием.*
4. *... **(пропуск)** дороги на некоторой высоте над естественной поверхностью местности, чтобы пространство под ней могло быть использовано для различных целей.*

5. ... **(защита)** дороги от снежных лавин и камнепадов.
6. ... **(пропуск)** автомобилей и пешеходов под городской застройкой, улицами и магистралями.
7. ... **(обеспечение)** необходимой ширины проезда у крутых склонов при сокращении объема работ по разработке скальных грунтов.
8. ... **(пропуск)** дороги над долинами рек, болотистыми участками местности, на подходах к мостам и путепроводам.
9. ... **(подача)** воды к населенным пунктам, оросительным и гидроэнергетическим системам из расположенных выше него источников.
10. ... **(пропуск)** дороги сквозь толщу горного массива или под крупными реками, озерами, морскими заливами или проливами [Инженерные сооружения в транспортном строительстве, 2008, с. 5–8].

В приведенном примере в вариантном ряду стоят такие автодорожные объекты, как мост, эстакада, трубы, акведук, тоннель, галерея, балкон и подпорные стенки. Учащийся должен сопоставить по смыслу объект с его функциональной характеристикой, а затем с помощью функционального предиката *использоваться* и синтаксемы для + Р. п., выражающей назначение объекта, составить полное предложение и записать его.

На **четвертом (парадигматическом) этапе** в центре внимания находится квалификационное задание. Его цель – научить находить в звучащем тексте значимую информацию об объекте (его признаки) и затем квалифицировать эти признаки в соответствии с перечнем, который дается на первом этапе. В качестве образца квалификационного задания можно привести фрагмент телепередачи о редкоземельных металлах, предварительно сегментированный на микротексты (1–6):

1. *Они окружают нас повсюду: в телефонах, фотокамерах, холодильниках. Список приборов, которые содержат редкоземельные металлы, можно продолжать бесконечно. Семнадцать элементов таблицы Менделеева – сегодня они неотъемлемая составляющая мира высоких технологий. По запасам редкоземельных металлов Россия на втором месте. Пришло время использовать «золото XXI века» в интересах отечественной промышленности.*
2. *Редкоземельные металлы были открыты в конце XVIII века. Вопреки своему названию они не такие редкие: встречаются в природе в 200 раз чаще, чем золото, но только в рассеянном состоянии. Они имеют серебристо-серый цвет и схожи по своим химическим свойствам.*

3. *Магниты из редкоземельных металлов во много раз сильнее обычных, а весят гораздо меньше. Именно благодаря этому свойству многие электронные устройства стали такими компактными.*
4. *Недра России скрывают до 20 % мировых запасов редкоземельных металлов. Основная часть месторождений редкоземелов сконцентрирована в Мурманской области.*
5. *За Полярным кругом в центральной части Кольского полуострова расположен Ловозерский горно-обогачительный комбинат. Он ведет добычу руд, содержащих редкоземельные элементы. Их поднимают вместе с титаном, танталом и ниобием. Далее сырье отправляют на Солекамский магниевый завод. Концентрат, полученный на заводе, поставляется в страны Европы, Азии и Северной Америки.*
6. *Программа возрождения редкоземельной металлургии предполагает полное импортозамещение и выход на ежегодное производство в 20 тыс. т продукции. При этом будет сформирована цепочка от добычи руды до производства концентратов и оксидов металлов. Уже запущены масштабные инвестиционные проекты. В первую очередь, это освоение Томторского месторождения в Якутии. Оно – одно из крупнейших в мире. Запасы оцениваются в 154 млн т руды, содержащей оксиды ниобия, иттрия, скандия и иттербия [Редкоземельные металлы, 2016].*

Смысловым «ключом» к данному заданию, как отмечалось выше, является список выражаемых признаков. Перечень, сопровождающий задание, должен быть ограничен дискурсом конкретной статьи или телепередачи, то есть быть не потенциальным, как на первом (парадигматическом) этапе, а конкретным, развернутым в синтагматической проекции. В данном случае выражаются такие признаки физического объекта, как количество (микротексты 4 и 6), цвет (микротекст 2), действие (результативный признак, микротекст 5), местоположение (микротексты 4, 5 и 6), материал (микротекст 3), сопоставление (микротексты 2 и 3), причина (плюс-признак, микротекст 3) и существование (микротекст 1).

На **пятом (синтагматическом)** этапе работы с признаками физического объекта учащемуся предъявляется актуализированный текст, то есть текст с предварительно выявленными опорными смысловыми точками. Он может быть представлен следующим образом:

В скором времени ... (Улан-Батор) начнется строительство комплекса «Моринхур Тауэр». По своей высоте это здание будет ... (три раза) превышать Статую Свободы. Общая площадь ... (здание) более 90

000 м². По форме здание будет напоминать ... **(музыкальный инструмент моринхур)**.

Основная часть здания будет иметь 30 этажей. Ее украсят монгольским орнаментом. ... **(головная часть)** расположится застекленная площадка, откуда можно обозревать столицу. Внизу будет находиться закрытый гараж ... **(машины)**. Прилегающая к зданию территория будет оформлена в национальном стиле. По задумке архитекторов, третий этаж комплекса предназначен ... **(проведение)** официальных приемов. Там же разместится музей, художественная галерея, центр бракосочетания. Остальные этажи будут отданы под офисы различных компаний, рестораны и другие учреждения сферы услуг.

... **(первый этаж)** выставят памятник музыкальному инструменту моринхур. Здесь расположится концертный зал ... **(выступления)** ансамбля моринхуристов Монголии, а также музей, посвященный музыкальному инструменту.

Работу планируется завершить в 2017 году. На строительство потребуется около 300 млн долларов [Бурэн Тумэн, 2013].

Как видно из приведенного примера, в предъявляемом тексте акцентируется внимание на основных признаках комплекса «Моринхур Тауэр»: количестве, местоположении, форме, функции и сравнении. Учащемуся предлагается раскрыть скобки, используя синтаксему, которая соответствует тому или иному признаку. Для выполнения этой задачи он должен иметь представление об основных признаках физического объекта и их языковом выражении, которое было заложено на втором (парадигматическом) этапе.

Важно отметить, что речь здесь идет только об эксплицированных в тексте признаках, тогда как остальные (потенциальные) признаки остаются «за кадром». В результате такого выборочного анализа учащийся понимает различие между потенциальной признаковой структурой и ее реальным воплощением в аутентичном тексте (статье или телепередаче). Дополнительным заданием в этом случае может стать обзорное задание по другим источникам информации, целью которого будет поиск новой (недостающей) признаковой информации и соединение всех признаков физического объекта в единое целое.

На **шестом (синтагматическом)** этапе работы учащемуся предлагается прочитать целостный неактуализированный текст и найти в нем физический объект и признаки. При этом учащийся не знает, какие признаки выражены в тексте. Используя полученные знания (дискурсивные образцы), он должен найти в тексте значимую информацию о каждом признаке, а затем мысленно суммировать все полученные знания об объекте. В качестве примера неактуализированного

текста на занятии может выступить онлайн-статья о чайхане-дыне в Гиссаре, в которой выражается количество (площадь, высота, длина, ширина, вместимость), местоположение и назначение:

В Гиссаре, находящемся в 20 км от Душанбе, построили гигантскую чайхану в форме дыни. На открытие объекта, приуроченное к 3000-летию местности, прибыл Президент Таджикистана Э. Рахмон. В пресс-службе Главы Республики сообщили, что гиссарская чайхана была построена за год с небольшим. В ее строительстве принимали участие более 650 строителей. Данный объект занимает 4,5 га. В ближайшем будущем планируется построить вокруг чайханы на площади 22 га парк культуры и отдыха.

Чайхана, высота которой составляет 43 м, длина 100 м, а ширина 55 м, может одновременно вместить 2 300 посетителей. На первом этаже заведения расположены пять столовых общей вместимостью 1 тыс. человек. На втором этаже уникального архитектурного объекта находится зал для приемов и торжеств, позволяющий вместить до 1 300 посетителей [Шабалин, 2015].

На **седьмом (синтагматическом) этапе** в центре внимания находятся текстовые модификации физического объекта. Это завершающая стадия дискурс-анализа, когда внимание учащегося переключается с признаков объекта, рассмотренных на предыдущих этапах, на сам объект и его выражение в тексте.

Все текстовые модификации объекта в инженерном дискурсе можно разделить на две группы: эквивалентные и неэквивалентные. К эквивалентным модификациям относятся: а) синонимические наименования (например, *теплосберегающая краска – теплостоп, ветроагрегаты – ветряки*), б) замена полного наименования на местоимение, в) образные наименования (*хлопок – «белое золото», нефть – «черное золото»*), г) описательные наименования (*комбайн – зерноуборочная машина*). К неэквивалентным модификациям относятся преобразования по трем моделям: а) модификация «материал – изделие» (*Редкоземельные металлы окружают нас повсюду: в телефонах, фотокамерах, холодильниках. Магниты из редкоземельных металлов во много раз сильнее обычных, а весят гораздо меньше. Именно благодаря этому свойству многие электронные устройства стали такими компактными*), б) модификация «целое – часть» (*Чайхана, высота которой составляет 43 м, длина 100 м, а ширина 55 м, может одновременно вместить 2 300 посетителей. На первом этаже заведения расположены пять столовых общей вместимостью 1 тыс. человек. На втором этаже уникального архитектурного объекта находится зал для приемов и торжеств, позволяющий вместить до 1 300 посетителей*),

в) модификация «общее – конкретное» (*Недра России скрывают до 20 % мировых запасов редкоземельных металлов. Основная часть месторождений редкоземов сконцентрирована в Мурманской области*).

Последовательное прохождение всех этапов дискурс-анализа позволяет сформировать наиболее полное представление о физическом объекте, который в реальности существует в естественной (нерасчлененной) форме. Дискурс, концептуализированный в признаковой форме, выступает в этом случае в качестве языка описания, высвечивая в рассматриваемом объекте ту или иную смысловую грань. В качестве перспективы исследования мы планируем разработку и издание второй части учебного пособия по инженерному дискурсу, посвященной языковой характеристике технологического процесса. Методика дискурс-анализа, охватывающая оба аспекта дискурсивной практики (объект и процесс), откроет путь к построению общей теории инженерного дискурса на современном этапе его развития.

Литература

Бурэн Тумэн. В Монголии построят высотный комплекс в форме моринхура. [Электронный ресурс]. URL: <http://asiarussia.ru/news/645>.

Иванова Л.И. Электронный сетевой иноязычный инженерный дискурс и его лингводидактические возможности // Известия ЮФУ. Технические науки. № 10 (111). Ростов-на-Дону, 2010.

Инженерные сооружения в транспортном строительстве / П.М. Саламахин, Л.В. Маковский, В.И. Попов и др. М., 2008.

Киба О.А. Русский язык как иностранный: инженерный дискурс. Формативный уровень. Ч. 1: Физический объект и его признаки. Барнаул, 2016.

Редкоземельные металлы. [Электронный ресурс] // Страна. Бизнес. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=QhYnTT1ipR8>.

Твердохлеб Г.В. Технология молока и молочных продуктов. М., 2006.

Чернышова Т.В. Профессионально-речевые практики и медиатекст: к типологии кодовых факторов // Медиалингвистика. Научный журнал международной медиалингвистической комиссии. 2015. № 4(10).

Шабалин А. В Таджикистане появилась чайхана в виде гигантской дыни // News-Asia. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.news-asia.ru/view/tj/society/8879>.

References

Burehn Tumehn. V Mongolii postroyat vysotnyj kompleks v forme morinhura [High-altitude morinhur-shaped complex will be builded in Mongolia]. URL: <http://asiarussia.ru/news/645/> (accessed 18.11.2018).

Ivanova L.I. *Ehlektronnyj setevoy inoyazychnyj inzhenernyj diskurs i ego lingvodidakticheskie vozmozhnosti* [Electronic network second language engineering discourse and it's linguodidactical opportunities]. *Izvestiya SFEDU. Tekhnicheskie nauki*. [News SFU. Technical Science]. No. 10 (111). Rostov-na-Donu, 2010.

Inzhenernye sooruzheniya v transportnom stroitel'stve [Engineering Constructions in the Transport Building]. P.M. Salamahin, L.V. Makovskij, V.I. Popov i dr. M., 2008.

Kiba O.A. *Russkij yazyk kak inostrannyj: inzhenernyj diskurs. Formativnyj uroven'. Ch. 1: Fizicheskij ob'ekt i ego priznaki* [Russian as foreign: engineering discourse. Formative level. Pt. 1: Physical object and its features]. Barnaul, 2016.

Redkozemel'nye metally [Rare-earth metals]. *Strana. Biznes* [Country. Business]. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=QhYnTT1ipR8> (accessed 18.11.2018).

Tverdohleb G.V. *Tekhnologiya moloka i molochnyh produktov* [Milk and Milk Products Technology]. M., 2006.

Chernyshova T.V. *Professional'no-rechevyje praktiki i mediatekst: k tipologii kodovykh faktorov* [The Professional Speech Practices and Media Text: on the typology of code factors]. *Medialingvistika* [Medialinguistics], 2015. No. 4 (10).

Shabalin A. V *Tadzhikistane poyavilas' chajhana v vide gigantskoj dyni* [Gigantic melon-shaped chajhana has appeared in Tajikistan]. *News-Asia*. URL: <http://www.news-asia.ru/view/tj/society/8879> (accessed 18.11.2018).

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОФОРМЛЕНИЯ ДОГОВОРОВ КУПЛИ-ПРОДАЖИ АВТОМОБИЛЯ НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ: ПЕРЕВОД И ЛОКАЛИЗАЦИЯ

С.А. Осокина

Ключевые слова: документ, текст документа, документная лингвистика, перевод, локализация.

Keywords: document, document text, document linguistics, translation, localization.

DOI 10.14258/filichel(2019)1-06

Языковые особенности оформления документов различного вида становятся особенно актуальными при переводе документов с одного языка на другой, так как встают проблемы различной интерпретации и оценивания правильности документов в национальных сообществах, связанные с различиями в устоях и законодательной базе соответствующих государств.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении языковых отличий в оформлении договора купли-продажи автомобиля на русском и английском языках, значимых с точки зрения перевода документа с одного языка на другой. Объектом исследования является текст договора купли-продажи автомобиля на русском и английском языках,

предметом исследования – отличительные языковые особенности оформления договора купли-продажи автомобиля в русском и английском языках. Материалом исследования являются шаблонные формы договоров купли-продажи автомобиля, а также реальные тексты договоров купли-продажи автомобиля на русском и английском языках, представленные в сети Интернет в открытом доступе (в общей сложности проанализировано 72 текста). Основной метод исследования – сопоставительный анализ текстов документов на русском и английском языках с точки зрения структуры, лексико-терминологического наполнения, юридической обоснованности и культурно-национального своеобразия документов.

По справедливому замечанию С.П. Кушнерука, предметом исследования документной лингвистики является не документ в юридическом смысле слова, а текст документа [Кушнерук, 2008], то есть лингвистический продукт на конкретном языке, созданный с учетом особенностей функционирования естественного языка в рамках официально-делового стиля на основе определенной национальной письменной традиции оформления документов. В отличие от понятия документа в широком смысле, при котором документами могут выступать различные материальные объекты, существующие в зафиксированном виде и могущие использоваться в качестве свидетельства чего-либо (например, памятник архитектуры как документ эпохи), документ, существующий в виде текста, всегда предполагает использование языковых средств для фиксации содержащихся в документе свидетельств.

Разнообразие типов документов и тот факт, что оформление документации регламентирует практически все сферы человеческой жизни в обществе, влечет за собой необходимость использования и правильного представления в словесной форме практически любой информации. Поэтому документ как особый тип текста характеризуют такие признаки, как четкость и стабильность композиционных структур, насыщенность терминологией, наличие определенных шаблонных формулировок и клише, стандартных синтаксических форм [Косова, Шарипова, 2016; Нурисламова, 2017].

Структурной единицей текста документа является реквизит документа. В узком смысле реквизитом документа являются обязательные данные, которые должны содержаться в документе, без наличия которых соответствующий текст не будет иметь статуса документа (например, дата, подписи, печать и прочее) [Овсянников, 2010]; в широком смысле реквизитом документа является каждый компонент структуры текста документа, зафиксированный в

определенном месте на бумаге, включая заголовок документа (например, *Договор купли-продажи*) и шаблонные формулировки (например, перечисление сторон, заключающих договор, предмет договора).

Особенностью текста документа как языкового продукта является то, что текст документа может вызывать определенные правовые последствия. Это свойство документа представляет собой юридическую силу документа. При этом «само свойство юридической силы у разных видов документов различно и зависит от правового статуса и компетенции автора (авторов) документа, а также от функционального назначения документа» [Кушнир, Мартюшев, 2016, с. 16]. В частности, юридическая сила документа может зависеть от того, создан ли он физическим лицом, юридическим лицом или компетентными органами управления. Правильное языковое оформление документа требует проведения лингвистической экспертизы, которая состоит в оценке соответствия документа нормам литературного языка с учетом особенностей юридического языка и выявлении ошибок, которые могут привести к разночтению, противоречивости текста документа [Бунчук, Ильина, Кушнир, 2016, с. 46-49].

Указанные выше особенности документа как особого типа текста влекут за собой серьезные проблемы в плане перевода документов с одного языка на другой. Необходимо отметить, что вопросы перевода документов на иностранные языки мало освещены в научной литературе, вместе с тем практика перевода документов, вызванная необходимостью людей, выступающих в роли как физических, так и юридических лиц, осуществлять определенную деятельность за рубежом, ведется практически постоянно. Речь идет о переводе свидетельств о рождении, заключении брака, документов об образовании, договоров, завещаний, лицензий на ведение деятельности, финансовой и бухгалтерской отчетности и прочее – всего того, что практикуется повсеместно на основе так называемого «нотариального заверения» выполненного перевода. Юридическая тонкость состоит в том, что нотариус заверяет не собственно текст перевода документа, а подпись переводчика, выполнившего перевод, основываясь на представленных документах о квалификации переводчика. Соответственно гарантия качества перевода всегда возлагается на последнего.

Сопоставление выполненных переводов документов позволяет выявить разногласия в выборе слов, которые могут оказаться не только важными терминами, но и обязательными реквизитами документа.

Например, В.В. Олевской выявлены и типологизированы ошибки, содержащиеся в переведенных архивных документах, связанные с идентификацией и атрибуцией документов, вызывающие искажение представленных в документах сведений [Олевская, 2011].

Трудности, связанные с переводом документов, обусловлены тем, что в каждом документе на конкретном языке проявляются национально-культурные доминанты текста документа [Давыдова, 2016]. На выбор слов при переводе документа с одного языка на другой может влиять негласно установленное в определенной национальной культуре отношение к временным координатам, указанным в документе (например, строгость соблюдения дат договора в одной культуре и отсутствие такой строгости в другой национальной культуре), адекватное оценивание переводчиком коммуникативной релевантности конфликтных ситуаций (неверный выбор лексико-фразеологических средств при описании конфликтных ситуаций), гендерные отношения, информационная определенность коммуникативного контекста (приемлемость или культурная неприемлемость жестких формулировок).

Указанные трудности дополняет тот факт, что знаковый состав документа включает не только вербальную составляющую, но и невербальную составляющую (графические изображения, цветовое и графическое наполнение документа) [Кушнерук, 2013], которая также может иметь смысловую нагрузку, релевантную для перевода. По мнению С.П. Кушнерука, существующие документы либо целиком заимствуются из иноязычной среды, либо переводятся и адаптируются к реалиям российской коммуникативной среды, либо уже существующий документ изменяет свои параметры, в том числе языковые [Кушнерук, 2008, с. 34].

В англоязычной литературе перевод деловой документации рассматривается в рамках такого новейшего направления, связанного с теорией и практикой перевода, как локализация (от англ. local – местный) [Odacioglu, 2017; Ying-ting Chuang, 2010]. Под локализацией в широком смысле понимается адаптация определенного продукта к особенностям рынка определенной страны или региона, при этом под «продуктом» подразумевается любой товар или услуга, в случае языковой локализации «продукт» – это текст на языке страны сбыта товара. В связи с широким пониманием термина «локализация» в современной лингвистической литературе пока не сложилось устойчивого представления о том, считать ли локализацию особым типом перевода, как это делают отечественные исследователи [Мельник, Семенова, 2016], или рассматривать локализацию как

процесс альтернативный по отношению к переводу, каким он описывается в некоторых зарубежных публикациях [Schäler, 2010]. Требуется также соотнесение понятия «локализация» с понятием «доместикация», или «адаптация», используемым в переводоведении, но это предмет отдельного изучения. В любом случае, тесную взаимосвязь процессов перевода и локализации нельзя отрицать.

В аспекте перевода на иностранные языки термин «локализация» изначально применялся в узкой сфере – при переводе языковой составляющей программного обеспечения и видеоигр (например, вкладок в меню программы или видеоигре) и подразумевал способ перевода с языка-источника на язык перевода с учетом местных – локальных для данной страны – принципов языкового описания компьютерного программного (soft) и материального (hard) обеспечения. В настоящее время термин «локализация» получил гораздо более широкое использование, распространяясь на специфику перевода инструкций пользователя бытовой техники, рекламных текстов и других видов языковой продукции, требующей максимального приближения к построению соответствующих текстов в языке перевода.

В отличие от перевода в традиционном понимании, предполагающем максимально полное сохранение смысла и формы текста языка оригинала при передаче его на другом языке (например, при переводе художественных произведений, когда переводчик ставит своей задачей как можно точнее воспроизвести национальный колорит текста-источника, самобытность и идиостиль автора), локализация допускает отклонения, связанные с такими модификациями исходного текста, чтобы казалось, что текст-результат был создан на родном языке потребителя. В связи с этим локализация как вид перевода требует тщательного изучения, поскольку в зону дискуссии попадают наработки классической теории перевода, связанные с развитием различных вариаций теории эквивалентности [Рум, 2004].

В настоящее время локализация может применяться не только в экономических целях для расширения потребительского рынка, но и в лингвистических целях – для адаптации текста к национально-культурным языковым доминантам, характерным для текстов данного вида в языке перевода. Текст перевода в данном случае выступает в качестве особого лингвистического продукта, в определенной степени соотносимого с соответствующим текстом на языке-источнике (понятия «языковой продукт» и «продукт языковой локализации» требуют отдельного рассмотрения и будут изучены с терминологических позиций в последующих статьях).

В частности, применительно к переводу документов, принципы локализации проявляются в следующем: вместо выбора наиболее подходящего эквивалента тому или иному слову или словосочетанию, употребляющемуся в языке-источнике, рекомендуется использовать те слова и клишированные формулировки, которые функционируют в качестве реквизитов соответствующих документов в языке перевода. С точки зрения процедуры анализа это означает, что вместо штудирования словарей и проведения детального лексико-семантического анализа слов для выбора лучшего эквивалента следует анализировать соответствующие типовые тексты на языке-оригинале и выявлять клишированные языковые формулы, соответствующие аналогичным формулам в языке-переводе.

Сопоставительный анализ текстов договоров купли-продажи автомобиля на русском и английском языке предполагает, в первую очередь, выявление и сопоставление основных реквизитов данных типов документных текстов на указанных языках.

Одним из основных реквизитов документа является его наименование. Анализ отобранного нами материала на русском языке показывает, что наименование договора купли-продажи автомобиля может иметь следующие варианты: *Договор купли-продажи автомобиля*, *Договор купли-продажи транспортного средства (номерного агрегата)*. Вариантами заголовков соответствующих документов на английском языке могут быть: *Car Purchase Agreement*, *Vehicle Purchase Agreement*, *Vehicle Sales Agreement*, *Car Sales Agreement*, *Used Car Sales Agreement*. Отметим, что на английском языке анализировались только тексты договоров, представленные на американском сайте. Приведенные примеры показывают, что в американском английском наблюдается гораздо большая вариативность в наименовании документов рассматриваемого типа. Это может объясняться различиями в административно-правовой системе различных штатов в США и, соответственно, различиями требований к оформлению документов. Однако, анализ широкого контекста сайтов, на которых выставлены отобранные шаблоны договоров купли-продажи авто на английском языке, показывает, что в американской реальности нет принципиального разграничение того, в каких случаях договор должен называться *Purchase Agreement* (букв. *Соглашение о покупке*), а в каких – *Sales Agreement* (букв. *Соглашение о продаже*), то есть, нельзя однозначно сказать, что *Purchase Agreement* – это договор, составленный от лица покупателя, а *Sales Agreement* – договор, составленный от лица продавца. На большинстве сайтов сочетания *Car Purchase Agreement* и *Car Sales Agreement*

фигурируют как абсолютные синонимы, например: *Car dealerships use a car purchase agreement, or car sales agreement, to finalize a sale. These contracts serve as a sales agreement between the buyer and seller.*

Анализ материала на английском языке показывает, что документы с заголовком *Sales Agreement* могут представлять собой более простые (менее детализированные) формы документов, нежели документы с заголовком *Purchase Agreement*, если это договоры о купле-продаже подержанного автомобиля, заключаемые между физическими лицами. Текст договора о покупке новой машины у официального дилера обычно представляет собой предельно детальный документ на нескольких страницах, поскольку более тщательно описывается, из чего складывается стоимость автомобиля (отдельно указывается цена каждой опции, входящей в комплектацию автомобиля, и стоимость услуг дилера по содержанию авто), условия рассрочки или выплаты по кредиту, при этом в официальном названии документа фигурирует сочетание *Sales Agreement* (не *Purchase Agreement*).

Можно рассуждать о том, что выделение отдельных номинаций *Car Purchase Agreement* и *Car Sales Agreement* свидетельствуют об отличиях в картине мира носителей английского и русского языков (разделение актов покупки и продажи в англоязычной картине мира и совмещение этих актов в одно действие в русскоязычной картине мира), с одной стороны, но более очевидным объяснением является понимание носителями английского языка избыточности формулировки «купля-продажа», так как свершение акта продажи неминуемо предполагает и свершение акта покупки, и наоборот. Соответственно, отсутствие формулировки *Car Purchase-Sales Agreement* по аналогии с русской формулировкой *Договор купли-продажи* свидетельствует о стремлении к краткости и сжатости текста документа, что является одним из важных требований при оформлении документов. Использование избыточной формулировки *Договор купли-продажи* в русском языке объясняется устоявшейся традицией указания мельчайших юридических деталей сделки, что связано с национально-культурными доминантами оформления документов на русском языке, о которых говорилось выше. Формулировка *Car Purchase-Sales Agreement* существует на английском языке только в текстах, представляющих собой переводы с русского.

Следует отметить использование слова *Agreement* (букв. *Соглашение*) для обозначения договора купли-продажи авто на английском языке, так как существуют и другие варианты перевода слова *Договор* на английский язык, первым из которых, согласно

русско-английским словарям, является *Contract*, другими – *Treaty*, *Arrangement*, *Pact*, *Compact*, *Covenant*, *Indenture*, *Convention*, *Term* и прочее. Использование слова *Agreement* свидетельствует о традиции употребления данного наименования для совершения сделок купли-продажи авто, подчеркивающей факт взаимного согласия сторон с указанными в документе условиями.

Следовательно, с точки зрения переводоведческой теории эквивалентности, номинации *Car Purchase Agreement* и *Car Sales Agreement* более правильно переводить как *Соглашение о продаже машины* и *Соглашение о покупке машины*, в то время как с точки зрения локализации, наиболее подходящим вариантом является *Договор купли-продажи автомобиля*. Аналогично, при переводе с русского языка в рамках локализации документа следует избегать номинации *Car Purchase-Sales Agreement* и использовать традиционные для англоязычной реальности номинации, наиболее часто употребляемой из которых (в 72 % проанализированных текстов) является *Vehicle Sales Agreement*.

Наименее часто употребляемым вариантом наименования в английском языке является *Used Car Purchase Agreement* (букв. *Соглашение о покупке подержанного автомобиля*) – подобная номинация, как правило, используется, если покупка подержанного авто осуществляется для определенных конкретных целей (например, для перевозки инвалида, для использования автомобиля человеком, проходящим реабилитационный период, и т.д.). Иначе говоря, при покупке подержанного автомобиля не обязательно использовать номинацию *Used Car Purchase Agreement*, заголовок документа *Vehicle Sales Agreement* подойдет и при покупке нового авто, и при покупке подержанного авто.

Следующим важным реквизитом договора купли-продажи являются наименования сторон. При наименовании сторон, заключающих договор купли-продажи, в русском тексте документа используются слова *Продавец* и *Покупатель*, в английском – соответственно, *Seller* и *Buyer*. Особенностью англоязычных текстов является то, что артикль *the* употребляется в подстрочных расшифровках текста документа (*the Seller*, *the Buyer*), но в основном тексте слова *Seller* и *Buyer* используются как абсолютные номинации (без артиклей), хотя это является нормой, связанной не только с рассматриваемой документацией. Стандартными реквизитами, сопровождающими наименование сторон, в русском языке, помимо указания фамилии, имени и отчества (при наличии), являются дата рождения, адрес проживания и паспортные данные.

Реквизитами, сопровождающими имена продавца и покупателя в английском языке, могут быть *date of birth* (дата рождения), *address* (адрес), *contact no.* (контактный телефон – вместо английского слова *number* в англоязычной традиции оформления документов используется сокращение от соответствующего латинского слова с точкой: «no.»). Данная информация указывается факультативно в 80 % проанализированных договоров на английском языке – имеются и такие варианты шаблонов договоров купли-продажи авто на английском языке, в которых достаточно указать только имя и фамилию продавца и покупателя. Документы, позволяющие идентифицировать личность покупателя или продавца (свидетельство о рождении, водительское удостоверение и подобные), в сопровождении номинаций *Seller* и *Buyer* не употребляются.

Далее перечисляются детали продаваемого автомобиля. Перечень данных реквизитов в русском и английском языках преимущественно совпадает (некоторые реквизиты могут использоваться факультативно): *Марка автомобиля / Make*, *Модель / Model*, *Номер VIN / Vehicle Identification Number (VIN)*, *Тип кузова / Body Type*, *Номер кузова / Engine No.*, *Цвет кузова / Body Color*, *Номер шасси (рамы) / Chassis No.*, *Год выпуска / Vehicle Year*, *Количество ключей / Keys Amount*, *Пробег / Mileage*. Последний реквизит может детализироваться в русских текстах следующим образом: *Пробег по одометру* и *Фактический пробег*, в английских текстах – *Current Mileage* (букв. Текущий пробег) и *Max Mileage* (букв. Максимальный пробег). Данные уточнения также свидетельствуют о национально-культурных доминантах и национально-культурном фоне совершения сделки. Также факультативно может указываться *Vehicle Reg. No.*, что соответствует русскому *Регистрационный знак (номер)* и *Original Reg. Date* (букв. Дата первоначальной регистрации) – последний реквизит появляется в русскоязычных документах в ином контексте.

Реквизитами автомобиля, являющимися уникальными для русскоязычных документов, выступают *Тип транспортного средства по ПТС*, *Серия и номер ПТС*, *Свидетельство о регистрации транспортного средства* и *Категория транспортного средства*, так как указанные понятия являются реалиями российской действительности. Соответственно, при необходимости перевода данных реквизитов на английский язык следует использовать описательный перевод, возможно, с переводческими комментариями. Аналогично, документом, удостоверяющим право собственности на автомобиль в США, который может употребляться в тексте договора

купли-продажи авто, является *Certificate of Title*. Наименование данного документа также не может быть буквально переведено на русский язык, только при помощи описательного перевода и транслитерации.

Не менее важным реквизитом договора купли-продажи является указание цены товара. Особенностью английских договоров в данном случае является то, что подробно описываются условия осуществления выплат в случае передачи денежных средств по частям (при покупке машины в рассрочку, в кредит, при получении задатка, при передаче денег в наличной и безналичной форме и т.д.). Особенностью российской реальности является то, что помимо указания цены и условий осуществления выплат в случае передачи денег по частям в рамках договора купли-продажи, дополнительно составляется отдельный документ – расписка продавца в получении денежных средств от покупателя.

В конце текста договора на обоих языках принято указывать информацию об отсутствии обременений, наложенных на продаваемый автомобиль. В данном случае используются клишированные фразы, например, в русском языке: *Продавец подтверждает факт отсутствия у автомобиля обременения от любых прав третьих лиц; До заключения настоящего договора ТС никому не продано, не заложено, в споре и под арестом не состоит*; в английском языке: *Vehicle Title clean of all liens and holds; Seller warrants that they are the legal owner of the property and that it is being transferred to Buyer free and clear of any liens and encumbrances*. При переводе подобных фраз с русского языка англоязычный вариант *Vehicle Title clean of all liens and holds* может быть использован, только если право собственности на автомобиль закреплено англоязычным документом, называемом *Certificate of Title*. Если же в тексте договора на русском языке указываются документы, подтверждающие право собственности на автомобиль, выданные в России (например, паспорт транспортного средства), то лучше подойдет вторая шаблонная формулировка.

Также факультативно могут содержаться клишированные формулировки об осознании участниками сделки всех обстоятельств, указанных в договоре, о передаче права собственности на автомобиль продавцом покупателю с момента заключения договора и о количестве экземпляров составленных договоров. Формулировки, связанные с последующей процедурой регистрации права собственности на автомобиль, содержат наименования соответствующих органов регистрации и документов, свидетельствующих о переходе права собственности. Для перевода

таких формулировок следует использовать клишированные фразы и описательный перевод соответствующих органов регистрации и наименований документов о праве собственности. Например, фраза *Seller is responsible for execution all documents presented by Buyer which are necessary to transfer title and registration to Buyer* должна переводиться следующим образом: *Продавец несет ответственность за оформление всех документов, необходимых для передачи и регистрации права собственности на автомобиль на Покупателя*, где английскому сочетанию *to transfer title* соответствует русское *передача права собственности на автомобиль*.

Только для договоров купли-продажи на английском языке характерно упоминание об отсутствии каких-либо гарантий, даваемых продавцом относительно продаваемого товара. Клишированной формулировкой в данном случае является «*AS IS*» («*AS IS basis*») – данная формулировка свидетельствует, что товар продается в том виде и состоянии, в котором он представлен покупателю на момент заключения договора («*КАК ЕСТЬ*»), например: *The vehicle is sold «AS IS», and Seller does not in any way, expressly or impliedly, give any warranties* (перевод: *Автомобиль продается «КАК ЕСТЬ», и Продавец ни в явной, ни в скрытой форме не дает никаких гарантий*).

Обязательными заключительными реквизитами договора купли-продажи авто являются подписи сторон и указание даты подписания договора. Особенностью договоров на русском языке является то, что дата и место заключения сделки может дублироваться в начале документа (непосредственно после заголовка *Договор купли-продажи*), также в конце документа может дублироваться информация о паспортных данных продавца и покупателя. Как уже указывалось выше, наличие дублирующейся или избыточной информации для текстов договоров на английском языке не характерно.

Проделанный анализ позволяет сформулировать определенные рекомендации переводчику при работе с текстом договоров купли-продажи авто. Основной рекомендацией является тщательное сопоставление реквизитов документов на обоих языках и сопоставление используемых в текстах шаблонных формулировок (выявление не соответствующих формулировок).

При локализации документа с русского языка не стоит перегружать текст документа повторяющимися реквизитами. При этом необходимо осуществлять оформление документа в

соответствии с нормами, характерными для страны, в которой происходит покупка автомобиля. Так, если иностранец, говорящий на английском языке, приобретает автомобиль в России и просит перевести текст договора на английский язык, переводной документ структурно (по расположению реквизитов на бумаге) должен целиком воспроизводить аналогичный документ на русском языке. Локализация в данном случае должна заключаться только в выборе понятных для носителя другого языка номинаций и клишированных формулировок.

Полученные результаты исследования могут быть применены для повышения профессиональной компетенции переводчиков деловой документации и выработки методики работы с переводом договоров купли-продажи авто на других языках.

Этический вопрос, возникающий при осуществлении локализации документов, состоит в следующем: действительно ли употребление клишированных формулировок иностранного языка помогает взаимопониманию людей, для которых делается перевод документа, или это способствует только пониманию клиентом текста договора на своем родном языке, но не способствует лучшему пониманию другого участника договора? Однако этот вопрос требует своего отдельного рассмотрения в научных работах по определению принципов осуществления локализации языковых продуктов и в работах по установлению соответствий между процессом локализации и процессом перевода с одного языка на другой.

Литература

Бунчук Т.Н., Ильина Ю.Н., Кушнир О.Н. Свойства документа как важный фактор лингвистической экспертизы документного текста // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. №5 (74).

Давыдова А.С. Документная коммуникация: культурно-речевые условия реализации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2016 № 1 (30).

Косова М.В., Шарипова Р.Р. Терминированность как основа классификации документных текстов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2016. Т. 15. № 4.

Кушнерук С.П. Документная лингвистика: научно-практические задачи // Вестник Вятского государственного университета. 2008. Т. 2. №. 2.

Кушнерук С.П. Знаковый состав современных документных текстов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание 2013. № 5 (19).

Кушнир О.Н., Мартышев И.А. Документная коммуникация в контексте лингвистической экспертизы // Юрислингвистика. 2016. № 5.

- Мельник В.Р., Семенова М.Ю. Локализация как жанр специального перевода // Индустрия перевода. Пермь, 2016. Т. 1.
- Нурисламова В.О. Документ как объект лингвистического анализа // Челябинский гуманитарий. 2017. № 4 (41).
- Овсянников Д.В. Реквизит как обязательный признак электронного документа, имеющего юридическое значение // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия: Право. 2010. Вып. 23.
- Олевская В.В. Архивный иноязычный документ: специфика перевода и описания для различных видов изданий // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2011. Вып. 3 (25).
- Odacioglu M. G. Integrated Localization Theory of Translation Studies // International Journal of Comparative Literature and Translation Studies. 2017. Vol. 5. No. 4. URL: <http://www.journals.aiac.org.au/index.php/IJCLTS/article/view/3818>.
- Рым А. Localization from the Perspective of Translation Studies: Overlaps in the Digital Divide? URL: https://www.researchgate.net/publication/250363090_Localization_from_the_Perspective_of_Translation_Studies_Overlaps_in_the_Digital_Divide.
- Schäler R. Localization and Translation // Handbook of Translation Studies Online. 2010. Vol. 1. URL: <https://benjamins.com/online/hts/articles/loc1>.
- Ying-ting Chuang The Concepts of Globalization and Localization // Translation Journal. 2010. Vol. 14. No. 3. URL: <https://translationjournal.net/journal/53globalization.htm>.

References

- Bunchuk T.N., Il'ina Yu.N., Kushnir O.N. *Svojstva dokumenta kak vazhnyj faktor lingvisticheskoj ehkspertizy dokumentnogo teksta* [Properties of the Document as an Important Factor of the Text Expertise]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University]. 2016. No. 5 (74).
- Davydova A.S. *Dokumentnaya kommunikaciya: kul'turno-rechevye usloviya realizacii* [Document Communication: Culture-and-Speech Conditions of Implementation]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Bulletin of Volgograd State University. Linguistics]. 2016. No. 1(30).
- Kosova M.V., Sharipova R.R. *Terminirovannost' kak osnova klassifikacii dokumentnyh tekstov* [Termination as the Basis for Classification of Document Texts]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Bulletin of Volgograd State University. Linguistics]. 2016. Vol. 15. No. 4.
- Kushneruk S.P. *Dokumentnaya lingvistika: nauchno-prakticheskie zadachi* [Document Linguistics: Scientific and Practical Aims]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Vyatka State University]. 2008. Vol. 2. No. 2.
- Kushneruk S.P. *Znakovyy sostav sovremennyh dokumentnyh tekstov* [Sign Composition of Modern Document Texts]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Bulletin of Volgograd State University. Linguistics]. 2013. № 5 (19).
- Kushnir O.N., Martyushev I.A. *Dokumentnaya kommunikaciya v kontekste lingvisticheskoj ehkspertizy* [Document Communication in the Context of Linguistic Expertise]. *Yurislingvistika* [Legal Linguistics]. 2016. No. 5.
- Mel'nik V.R., Semenova M.Yu. *Lokalizaciya kak zhanr special'nogo perevoda* [Localization as a Special Genre of Translation]. *Industriya perevoda* [Industry of Translation]. Perm', 2016. Vol. 1.

Nurislamova V.O. *Dokument kak ob'ekt lingvisticheskogo analiza* [Document as an Object of Philological Analysis]. *Chelyabinskij gumanitarij* [Chelyabinsk Humanitarian]. 2017. No. 4 (41).

Ovsyannikov D.V. *Rekvizit kak obyazatel'nyj priznak ehlektronnogo dokumenta, imeyushchego juridicheskoe znachenie* [Requisite as a Mandatory Feature of an Electronic Document of Legal Value]. *Vestnik Yuzhno-ural'skogo gosudarstvennogo dokumenta. Seriya Pravo* [Bulletin of the South Ural State University. Series Law]. 2010. Iss. 23.

Olevskaya V.V. *Arhivnyj inoyazychnyj dokument: specifika perevoda i opisaniya dlya razlichnyh vidov izdaniy* [Archival Foreign-Language Document: Specific Features of its Translation and Description for Various Types of Publication]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of St. Tikhon's University]. 2011. Iss. 3 (25).

МЕТАФОРЫ, КОТОРЫМИ ЖИЛИ ТЕОРИИ ЭРИКА БЕРНА (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГ Э. БЕРНА «GAMES PEOPLE PLAY» И «WHAT DO YOU SAY AFTER YOU SAY “HELLO?”»)

Т.В. Федосова, М.И. Абдыжапарова

Ключевые слова: лингвостилистический анализ, транзакционный анализ, ориентационная метафора, концептуальная метафора, разряды метафорических моделей.

Keywords: linguostylistic analysis, transactional analysis, orientation metaphor, conceptual metaphor, types of metaphorical models.

DOI 10.14258/filichel(2019)1-07

Имя американского психолога Эрика Берна (1910–1970) связано с теорией транзакционного анализа в сфере межличностных отношений, в котором некоторые виды взаимодействия людей он называет играми. Цель данной работы – провести анализ произведений Э. Берна «Games People Play» («Игры, в которые играют люди») и «What Do You Say after You Say “Hello?”» («Люди, которые играют в игры») с позиций теории когнитивной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона и с позиций современных когнитивных исследований, а также изучить доминантные метафоры, которые встречаются в его трудах и определить их роль и функцию.

Следует отметить, что Эрик Берн не был признан некоторыми своими современниками – теоретиками психологии, и не все его взгляды могут быть научно доказаны, однако его работы очень значимы в области психологии и психиатрии, написаны образным языком и изучаются психологами во всем мире. Нашей целью является не популяризация его теорий (хотя его взгляды были довольно прогрессивны для периода времени, в который он жил), а лингвостилистический анализ его произведений, что представляется целесообразным, так как психолог при изложении своих гипотез использует богатый метафоричный язык для описания процессов мышления и межличностных отношений.

В своих представлениях о природе метафоры мы исходим из ее богатого номинативно-когнитивного потенциала, трактуем ее сущность широко и, вслед за Н.Д. Арутюновой, считаем, что метафорой «может быть назван любой способ косвенного выражения мысли» [Арутюнова, 1990, с. 7]. Метафора как репрезентация значения и как средство номинации имеет первостепенное значение в научном дискурсе [Баранов, 1993, с. 51; Алексеев, 2002, с. 40]. Когнитивный подход предполагает, что предметом исследования выступает не отдельная метафора, а целая система метафорических моделей, которые признаются ключевыми в процессе научного моделирования.

На основании того, что все этапы ментальной деятельности протекают в рамках анализа и синтеза, выделяют два типа моделей: идентифицирующе-категоризирующие и синтезирующие. Первые формируют некий понятийный аппарат, а вторые – способствуют возникновению понятийной картины мира, виртуальных миров. К данному типу относят метафорические модели Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Мишанкина, 2010, с. 25-27]. Термин «метафорическая модель» в широком смысле определяется как существующая в сознании носителей языка взаимосвязь между понятийными сферами, при которой система фреймов сферы-источника служит основой для моделирования понятийной системы сферы-мишени.

Дж. Лакофф и М. Джонсон считают, что метафора является базовым концептообразующим механизмом сознания человека и выдвигают ряд метафор, которыми мы оперируем в повседневной жизни, так называемые «концептуальные метафоры», а именно структурная, онтологическая и ориентационная: *Love is journey*, *Argument is war*, *Time is money* и т.п.

Более подробно мы остановимся на анализе ориентационных метафор: *happy is up*, *sad is down*; *conscious is up*; *unconscious is down*; *health and life are up*; *sickness and death are down*; *having control or force is*

up; being subject to control or force is down; more is up; less is down; high status is up; low status is down; good is up; bad is down; virtue is up; depravity is down; rational is up; emotional is down, которые не структурируют один концепт в терминах другого, а организуют систему концептов относительно другой системы [Лакофф, 2004, с. 37; Lakoff, Johnson, 2003, p. 11-21].

По мнению ученых, существует еще отдельная группа «метафор канала связи» (*conduit metaphors*) – *ideas are objects; linguistic expressions are containers; communication is sending*. Рассмотрим данные концептуальные и ориентационные метафоры, метафоры канала связи, встречающиеся в произведениях Э. Берна. Поясним, что в случае, если метафора ярко подается в русском варианте текста, мы даем перевод примеров из работ Эрика Берна.

Argument is war. Данная метафора наглядно актуализирована в следующем примере: *On this basis the original script matrix retained its supremacy, at least until a better-prepared assault could be launched* (Berne, 1973, p. 412)¹. *Именно по этой причине первоначальная сценарная матрица осталась стоять непоколебимо, по крайней мере, до тех пор, пока «штурм» не окажется лучше подготовленным* (Берн, 1996, с. 364). Автор, рассуждая о результативности спора на заданную тему, применяет выражение «штурм аргументов» для определенного направления дискуссии, которого следует придерживаться, поэтому можно предположить, что спор концептуализируется автором в терминах военных действий.

Подтверждением этому предположению также служит следующий контекст: *This may seem a strange array to scientists accustomed to studying trivialities of human behavior, such as the ones commonly tested in the psychological and social sciences* (Berne, 1973, p. 413). Ученый осознает, что вербализованное им послание может оказаться «строеном», направленным в сторону определенного круга ученых. Он словно ведет с ними спор, направляя вооруженные отряды в качестве выдвинутых аргументов, которые резко критикуют взгляды его потенциальных оппонентов. Во всех вышеперечисленных примерах война выступает в качестве характеристики спора.

Метафора «**Ideas are objects**» представлена в следующих контекстах: *In Procrustes, the information is stretched or cut down to fit the hypothesis or diagnosis* (Berne, 1973, p. 407). *Прокруст нередко «растягивает» или «сокращает» информацию, чтобы она*

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

соответствовала гипотезе или диагнозу. Иногда психотерапевт поступает наоборот: **растягивает или сокращает гипотезу или диагноз, если он не соответствует имеющимся фактам** (Берн, 1996, с. 360). Гипотеза, диагноз, информация есть некие абстрактные понятия, близкие по своей сущности к идее, которая содержится в концепции Лакоффа. Они могут «растягиваться» или «сокращаться» психотерапевтом, что наделяет их свойством, близким к онтологическим объектам.

Значимым представляется также и следующий пример, в котором обозначены «набор понятий» и некий «улов» как результат транзакционного анализа. «Набор» и «улов» – это предметные имена существительные, которые способствуют трансляции идеи о результатах психологического анализа и о том, что анализ не настолько абстрактен, как может показаться и всегда наводит психотерапевта на определенные выводы и советы, которые отразятся на дальнейшем поведении пациента: *Transactional analysis is such a rich mesh of intertwined concepts...* (Berne, 1973, p. 409). *The data of script analysis can be stored roughly in order of increasing hardness* (Berne, 1973, p. 409). В один ряд с гипотезой, диагнозом и информацией можно поставить и существительное «данные». Подтверждая некую предметную сущность идей, Берн наделяет данные, полученные в результате его анализа, свойствами мягкости и твердости, вводя в научный обиход термин *«hard and soft data»* («**мягкие и твердые данные**») (Берн, 1996, с. 365).

Во всех вышеперечисленных случаях метафора выполняет функцию «опредмечивания», конкретизации понятийного мира. Некие свойства предметов посредством этих сравнений приписываются понятиям, идеям, гипотезам, данным, что делает их природу более понятной читателю, а также усиливает их значимость для более конкретного (в сравнении с абстрактным) реального мира, наполненного видимыми вещами.

Conscious is up, unconscious is down. Автор в своем научном трактате описывает, как можно играть на чувствах людей и провоцировать их на те или иные действия, манипулируя словами. Он осуждает взрослых, которые не способны контролировать Ребенка (термин в подобном значении введен Э. Берном и пишется им с заглавной буквы) в себе. Манипуляторы пользуются этим, действуя на подсознание своей «жертвы», заигрывая с проявлениями поведения Ребенка внутри человека.

Так описывается следующий случай: *«Salesman: “This one is better, but you can’t afford it.” Housewife: “That’s the one I’ll take”»* («**Эта модель лучше, но она вам не по карману**») (Берн, 1996, с. 23). Продавец

говорит так покупателю с тем, чтобы последний начал вести себя как Ребенок и захотел доказать, что он не хуже других и в результате купил бы эту модель, в то время как Взрослый в человеке должен бы был согласиться с тем, что эта модель дорога для него. Проявления взрослого мы рассматриваем как сознательное, наиболее корректное поведение, а то, что осталось от ребенка в человеке есть нечто подсознательное или бессознательное и является некорректным.

Все игры, по мнению Берна, характеризуются наличием скрытых мотивов и выигрыша, что делает их нечестными, и поэтому они часто могут заканчиваться драматично, в то время как процедуры и ритуалы не содержат чего-то предумышленного и считаются чистосердечными. *Descriptively it is a recurring set of transactions, often repetitious, superficially plausible, with a concealed motivation; or, more colloquially, a series of moves with a snare, or 'gimmick'. Games are clearly differentiated from procedures, rituals, and pastimes by two chief characteristics: (1) their ulterior quality and (2) the payoff. Procedures may be successful, rituals effective, and pastimes profitable, but all of them are by definition candid* (Berne, 1962, p. 19).

Таким образом, поведение типа «игра» ассоциируется с драмой в человеческих отношениях. Скрытый, подсознательный характер игры делает ее губительной, разрушительной, приносящей в жизнь человека трагедию с драматическим концом. В данном случае автор дает отрицательную характеристику бессознательному.

Having control or force is up. Автор на протяжении всего трактата указывает на то, что самое главное для человека – повзрослеть, оставить детские эмоции и реакции в прошлом, созреть и быть способным общаться со взрослыми на языке взрослых, а не на языке Ребенка внутри себя. Поэтому он говорит «*In special cases the Adult overrides the Child in the selection process*» (Berne, 1962, p. 18). Иными словами, Взрослый берет верх над ребенком, что есть проявление зрелости, то есть показывает способность контролировать себя, которую он рассматривает как положительное качество.

Being subject to control or force is down. В своих произведениях Берн, классифицируя типы поведенческих реакций современного американского общества и раскрывая мотивы людей, проживающих в данном историческом периоде, преследует одну цель – разоблачить и вскрыть больные раны общества, а в некоторых случаях осудить мотивы некоторых поступков. Для этого в рамках своей теории он вводит понятие «игра» и рассматривает его как отрицательное явление.

Среди жестоких игр он называет те, которые основаны на получении наживы за счет жертв в таких сферах, как «Страхование» и

«Недвижимое имущество». Страховые агенты и дельцы, связанные с недвижимостью, репрезентируются ученым в образе хищников, готовых захватить свои жертвы: *In the 'insurance game', for example, no matter what the agent appears to be doing in conversation, if he is a hard player he is really looking for or working on a prospect. What he is after, if he is worth his salt, is to 'make a killing'* (Berne, 1962, p. 30). Единственная его цель (цель страхового агента – прим. автора) – *заполучить «добычу»* (Берн, 1996, с. 36).

Примечательным в этом контексте также является упоминание об игре (так Берн называет определенный тип поведения) «Тупик», описываемой автором в разделе «Игры на всю жизнь». Он анализирует поведение родителей, которые просят ребенка помогать по дому, но когда тот начинает это делать, они находят недостатки в его работе. Этот случай ученый называет ситуацией «двойного нажима». В таком случае «Тупик», по его мнению, может даже спровоцировать такую болезнь, как астма. Автор предупреждает родителей не играть в «Тупик» со своими детьми, искоренять подобные реакции в своем поведении, рассматривать подобный «нажим» как отрицательную форму воспитания. Любое проявление силы и давления он не приемлет, поэтому наиболее зловещей игрой, по мнению автора, выступает война.

Good is up; bad is down. Актуализация данной метафоры встречается при описании сценария «Алкоголик». Участники игры – сам Алкоголик, Преследователь, Спаситель, Простак, профессионал-бармен. В случае, когда роль Простака перерастает в роль Подстрекателя, который часто предлагает спиртное Алкоголику, когда он этого и не просит, Простак-подстрекатель произносит фразу *«Come have a drink with me (and you will go downhill faster)»* (Berne, 1962, p. 30). Данная фраза, которая может переводиться как «ты еще быстрее покатишься под гору», означает некое движение вниз, то есть моральный упадок человека (в данном случае Алкоголика).

В тексте трактата встречаются модели метафор, которые современные ученые-когнитологи дифференцируют по понятийному признаку сфер-источников метафорического моделирования. Так, А.П. Чудинов выделяет следующие метафорические модели: антропоморфная (включающая понятийную сферу «Анатомия», «Физиология», «Болезнь», «Семья» и др.), натуроморфная (включающая понятийную сферу «Животный мир», «Мир растений», «Мир неживой природы»), социоморфная (исследует концепты, относящиеся к таким сферам как «Преступность», «Война», «Театр», «Игра и спорт»), артефактная (выделяет такие виды понятийной сферы, как «Объекты,

предметы», «Дом, здание», «Транспорт», «Механизм») [Чудинов, 2004, с. 94].

Рассмотрим данные типы метафор на конкретных примерах.

1. Антропоморфная метафора.

*Colloquially their exhibitions are called **Parent, Adult and Child**, and these simple terms serve for all but the most formal discussions* [Berne, 1962, p. 8].

*Transactional game analysis should be clearly distinguished from its growing **sister science** of mathematical game analysis, although a few of the terms used in the text, such as 'payoff', are now respectably mathematical. For a detailed review of the mathematical theory of games see *Games & Decisions*, by R.D. Luce and H. Raiffa. 2Carmel, California, May 1962 (Berne, 1962, p. 3).*

Антропоморфные метафоры из сфер «Анатомия», «Физиология».

*Those times help form **the flesh** of his life plan, while the tales told or **the book story give him the bones*** (Berne, 1973, p. 137).

*That is called preventive psychiatry, or making progress. Even better, we can get him to change the script or give it up altogether which is <...> **«getting well»*** (Berne, 1973, p. 48).

2. Натуроморфная метафора, истоки которой взяты из явлений и процессов природы.

*If the Parent or the Child interferes with the Adult's data processing, **the procedure becomes contaminated** and will be less efficient* (Berne, 1962, p. 14).

Such objections, **arising** as they do from a philanthropic regard for human dignity <...> (Berne, 1973, p. 395). *И все же подобные возражения, **исток** которых – филантропическая забота о достоинстве человека, должны быть приняты во внимание* (Берн, 1996, с. 350).

3. Социоморфная метафора.

*I am **a prince** and you are **a frog*** (Berne, 1973, p. 86). Автор приводит пример классической антитезы в межличностных взаимоотношениях типа «Я – принц, а ты – лягушка» и рассматривает генезис подобного типа поведения: *Adolescence means <...> deciding what you are going to be the rest of your life <...> For the script analyst it means **a rehearsal, or a tryout before the show takes the road*** (Berne, 1973, p. 166). Данная антитеза приобретает еще большую оппозицию на уровне отношений личности и социума: *We are born **princes** and the civilizing process makes us **frogs*** (Berne, 1973, p. 86).

Человеческая жизнь рассматривается Берном как некое шоу, автором которого является сам человек, а в юности он как бы проигрывает варианты того, что будет происходить с ним во взрослой

жизни: *On the other hand, the father may have no intention of marrying the mother, and flees the scene, never to be heard of again <...>* (Berne, 1973, p. 69). Это сравнение отражает суть предыдущего, где отношения между мужчиной и женщиной рассматриваются как некий спектакль, в развязке которого женщина остается с ребенком, а отец исчезает со сцены.

Берн, описывая психические процессы человека, указывает на то, что в человеке «живет» взрослый, ребенок, родитель, а в ребенке, по его мнению, воплощением родителя является некий «Профессор»: *Everyone carries his parents around inside of him. Thus the Adult in the child is a keen and perceptive student of human nature, and is therefore called the Professor* (Berne, 1973, p. 104). *After he has learned Martian thinking, so that he has a sound Adapted Child, the Professor turns his attention to legal thinking, in order to find more ways for the Natural Child to express himself* (Berne, 1973, p. 104).

На страницах своих трактатов Берн также анализирует поведение представителей профессиональных сообществ. Автор сравнивает юристов с филателистами, коллекционирующими психологические состояния человека, и обобщенно сравнивает людей с музыкантами, каждый из которых создает свою неповторимую мелодию. Психологические состояния определенного типа, по его мнению, могут, подобно гостям, посещать душу человека: *Lawyers are <...> philatelists, connoisseurs of psychological trading stamps <...>* (Berne, 1973, p. 145).

4. Артефактная метафора.

Свою теорию Эрик Берн сравнивает с велосипедом, который очень хорошо сделан: *Game theory is now like a well-made bicycle which will travel reliably <...> but script theory is like a one-cylinder automobile of 1900 <...>* (Берн, 1996, с. 417).

Некоторые губительные человеческие помыслы, по мнению автора, подобны мусору: *In order to say Hello, you first get rid of all the trash which has accumulated in your head ever since you came home from the maternity ward <...>* (Berne, 1973, p. 4). Типичные психологические проблемы, с которыми человек регулярно сталкивается в жизни, словно он ходит по некоему кругу, автор образно описывает как старое вино в новых бутылках: *It is evident that all children <...> have had to cope with the same problems, and have had about the same weapons at their disposal. When it comes to cutting, life is the same as old wine in new bottles <...>* (Berne, 1973, p. 48).

Автор говорит о том, что люди могут коллекционировать чувства и эмоции как монетки или почтовые марки и иметь в этом свои предпочтения; они могут демонстрировать любимые чувства и игнорировать те, которые не любят. А самое важное, по его мнению, это

то, что за все эти коллекции нужно будет платить. Если эмоции негативны, то платой будет болезнь: *People who collect psychological trading stamps have favorite 'colors', and if offered other colors, they may not bother to take them* (Berne, 1973, p. 141). *People like to show their collections of feelings to others and to talk about who has more or better angers, hurts, guilts, fears, etc.* (Berne, 1973, p. 142). *Some people learn that psychological trading stamps are not really free and that the collected feelings have to be paid for in loneliness, insomnia, raised blood pressure <...> so they stop collecting them* (Berne, 1973, p. 142). *But in principle, the person who collects trading stamps usually has to pay for them sooner or later* (Berne, 1973, p. 143).

Итак, в метаязыке Берна чаще всего встречаются ориентационные метафоры (happy is up, sad is down; conscious is up; unconscious is down; health and life are up; sickness and death are down; having control or force is up; being subject to control or force is down; more is up; less is down; high status is up; low status is down; good is up; bad is down; virtue is up; depravity is down; rational is up; emotional is down), актуализирующие различные типы отношений: родитель – взрослый – ребенок, мужчина – женщина, человек – социум, основанные на модели: стимул – реакция, а также «метафоры канала связи» (ideas are objects; linguistic expressions are containers; communication is sending).

В текстах данных работ встречаются модели метафор, которые современные когнитологи дифференцируют по понятийному признаку сфер-источников метафорического моделирования, а именно антропоморфная, натуроморфная, социоморфная и артефактная метафоры. При описании типов метафор, которые встречаются в работах Э. Берна, можно четко определить их основную функцию – «опредмечивание» абстрактных понятий с экспланаторной целью, а также перенос понятий из одной сферы в другую с иллюстративной целью.

Литература

- Алексеев К.И. Метафора в научном дискурсе // Психологические исследования дискурса. М., 2002.
- Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990.
- Баранов Г.С. Научная метафора: модельно-семиотический подход. В 2-х чч. Ч 1. Современные лингвофилософские концепции и метафоры. Кемерово, 1992.
- Баранов Г.С. Научная метафора: модельно-семиотический подход. В 2-х чч. Ч 2. Кемерово, 1993.
- Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. М., 2004.

Мишанкина Н.А. Метафора в науке: парадокс или норма? Томск, 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://docplayer.ru/42804831-Metafora-v-nauke-paradoks-ili-norma.html>.

Чудинов А.П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1.

Berne E. *Games People Play*. 1962. URL: [http://dl.lux.booksee.org/foreignfiction/899000/0ab4fe3610747b3151d467b9c37fd5eb.pdf/_as/\[Berne_Eric\]_Games_People_Play\(BookSee.org\).pdf](http://dl.lux.booksee.org/foreignfiction/899000/0ab4fe3610747b3151d467b9c37fd5eb.pdf/_as/[Berne_Eric]_Games_People_Play(BookSee.org).pdf).

Lakoff J., Johnson M. *Metaphors We Live by*. London, 2003.

Список источников

Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М., СПб., 1996.

Berne E. *What do you say after you say «hello»? The Psychology of Human Destiny*. New York, 1973. URL: <http://bookre.org/reader?file=1143844&pg=93>.

References

Alekseev K.I. *Metafora v nauchnom diskurse* [Metaphor in Scientific Discourse]. *Psihologicheskie issledovaniya diskursa*. [Psychological Discourse Studies]. M., 2002.

Arutyunova N.D. *Metafora i diskurs* [Metaphor and Discourse]. *Teoriya metafory* [Metaphor Theory]. M., 1990.

Baranov G.S. *Nauchnaya metafora: model'no-semioticheskij podhod* [Scientific Metaphor: Model-semiotic Approach]. In 2 pt. Pt. 1. *Sovremennyye lingvofilosofskie koncepcii i metafory* [Modern Linguo-philosophical Concepts and Metaphors]. Kemerovo, 1992.

Baranov G.S. *Nauchnaya metafora: model'no-semioticheskij podhod* [Scientific Metaphor: Model-semiotic Approach]. In 2 pt. Pt. 2. Kemerovo, 1993.

Lakoff D., Dzhonson M. *Metaphors We Live by*. London, 2003 (Russ. ed.: *Metafora, kotorymi my zhivem*. Moscow, 2004).

Mishankina N.A. *Metafora v nauke: paradoks ili norma?* [Metaphor in Science: Paradox or Norm?]. Tomsk, 2010. URL: <http://docplayer.ru/42804831-Metafora-v-nauke-paradoks-ili-norma.html>.

Chudinov A.P. *Kognitivno-diskursivnoe issledovanie politicheskoy metafory* [A Cognitive-discursive Study of Political Metaphor]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Questions of Cognitive Linguistics]. 2004. No. 1.

List of sources

Berne E. *Games People Play* [Iгры, v kotorye igraiyut lyudi. Lyudi, kotorye igraiyut v igry]. Moscow, St. Petersburg, 1996.

Berne E. *What do you say after you say «hello»? The Psychology of Human Destiny*. New York, 1973. URL: <http://bookre.org/reader?file=1143844&pg=93>.

О НАСТОЯЩЕМ И «НАСТОЯЩНОСТИ»

И.Б. Ушакова

Ключевые слова: невременная семантика прилагательного *настоящий*, современная прототипическая теория естественной категоризации, семантика слова «*настоящность*».

Keywords: non-temporal semantics of the Russian adjective *настоящий*, modern prototype theory of natural categorization, semantics of the word «*настоящность*».

DOI 10.14258/filichel(2019)1-08

*У Вас есть настоящие друзья и как
Вы определили их «настоящность»?*

Данная статья посвящена изучению невременной семантики прилагательного *настоящий*, а также семантики производного от него слова «*настоящность*».

Невременная семантика прилагательного *настоящий* становилась объектом внимания в работах Г.Е. Крейдлина и О.Г. Лукошус [Крейдлин, 1993; Лукошус, 2013]. В данной работе обращение к анализу семантики *настоящего* является своего рода мостом для перехода к анализу семантики «*настоящности*». Интерес к *настоящему* и «*настоящности*» не случаен. В современном мире, в котором так много искусственного, «сделанного», поддельного, высокотехнологичного, человеку так важно бывает найти «настоящее». А, как известно, язык как нельзя лучше отражает то, что происходит с человеком, с обществом. Другими словами, «имеется тесная связь между жизнью общества и лексикой языка, на котором оно говорит» [Вежбицкая, 1999, с. 263].

В семантике прилагательного *настоящий* в современном русском языке временное значение не является главенствующим. Однако, если мы обратимся к словарям, то увидим следующую картину. Лишь Современный электронный словарь ставит временное значение на пятое место, выдвигая на первый план качественно-оценочные значения:

1. Подлинный, истинный, не поддельный. *Это была настоящая, подлинная, речная русалка* (А.Т. Аверченко, «Русалка»).
2. Не выдуманный, имевший место на самом деле. *Эта история настоящая, а та — вымышленная.*

3. Образцовый, наиболее полно показывающий, каким должен быть объект данного класса. *Ты настоящий друг.*
4. Правильный. *После одной из растрат я был некоторое время козлом отпущения. Женившись, я стал рогатым скотом. Выбившись, наконец, на настоящую дорогу, я приобрел брюшко и стал торжествующей свиньей* (А.П. Чехов, «Несколько мыслей о душе»).
5. Теперешний, совершающийся сейчас, в данное время, нынешний; актуальный сегодня. *В настоящее время. В настоящую минуту.*
6. книжн. Этот, данный. *Все люди имеют право на равную защиту от какой бы то ни было дискриминации, нарушающей настоящую Декларацию, и от какого бы то ни было подстрекательства к такой дискриминации* («Всеобщая декларация прав человека», 1948 год) [Русский Викисловарь, URL].

Классические толковые словари (С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой; Т.Ф. Ефремовой, Д.Н. Ушакова) единогласно указывают временное значение прилагательного *настоящий* на первом месте, например:

1. Теперешний, происходящий в данное время. *В настоящее время. В настоящий момент* (сейчас).
2. Этот, данный. *В настоящей статье речь пойдет о социальных проблемах.*
3. Подлинный, действительный, не поддельный. *Скрыть свою настоящую фамилию. Настоящий бриллиант.*
4. Действительно такой, какой должен быть; представляющий собой лучший образец, идеал чего-н. *Повесть о настоящем человеке. Он настоящий поэт.*
5. Полностью подобный кому-чему-н., несомненный (разг.). *Настоящий неуч. В доме настоящее столпотворение.*
6. Настоящее, -его, ср. Действительность, существующая сейчас, теперь. *Счастливое настоящее* [Ожегов, URL].

Постановка временного значения на первое место может быть объяснена этимологией слова и лексикографической традицией.

В словаре В.И. Даля мы найдем следующую запись: «Настоящий из прич. глаг. настоять, предстоять, быть налицо, присутствовать; нынешний, теперешний, не прошлый и не будущий, по времени; подлинный, истинный, точный, прямой, правый, заправский, истый, неподдельный, неподложный, ненаместный. *Настоящее время, случай, дело, год, век. Это настоящий барин,*

настоящее английское ружье; это настоящая цена ему» [Даль, URL].

Однако, если последить за обыденной речью (своей и вокруг себя), то нетрудно заметить преобладание *настоящего* в «качественных» значениях. Небезынтересно при этом отметить, что по данным Русского ассоциативного словаря слово-стимул *настоящее* вызывает, в первую очередь, ассоциации, связанные с его качественно-оценочным значением, например, *верный, истинный, действительный, подлинный* [Русский ассоциативный словарь, 1994-1996].

Бесспорен факт, что прилагательное *настоящий* с качественно-оценочным значением используется в современном русском языке чрезвычайно широко. *Настоящим* может быть все, что угодно, от *кефира* до *патриотизма*. Приведем примеры, собранные методом сплошной выборки при интернет-запросе «настоящий» (данные 2012 года): *настоящий: хозяин, фермер, герой, шоколад, мужчина, янтарь, китайский чай, французский коньяк, первый снегопад, праздник, хищник, продавец, внедорожник, итальянец, рыцарь, торт, президент, полковник, воин, хлеб, экстремал, мужской телефон, весенний выезд, человек, маленький компьютер, профессионал фотошопа, мачо, банкрот, руководитель, сад, Дед Мороз, гром, хип-хоп, геноцид, друг, новогодний секрет, отдых, подарок.*

Прилагательное *настоящий* в примерах, подобных представленным выше, имеет особую функцию. Оно является семантическим оператором [Арутюнова, 1999, с. 860], выдвигающим на первый план ядерные признаки определяемого им предмета, явления, чувства и т.д. Важность данной функции *настоящего* становится очевидной, если принять во внимание основные положения прототипического подхода в рамках теории естественной категоризации.

Номинативная функция – одна из базовых функций языка. В процессе номинации человек соотносит предмет (признак, явление, действие и т.п.), о котором говорит, с той или иной мыслительной категорией, представленной словом. В отличие от классического аристотелевского подхода к категории как к четкому и дискретному образованию, прототипический подход заявляет о нечеткости и размытости границ естественной категории, о невозможности сведения ее к ограниченному набору «необходимых и достаточных» признаков. Расплывчатость категорий (*fuzzy concepts* – в трактовке Дж. Лакоффа) обусловлена огромным многообразием мира и

отсутствием четких разграничительных линий в восприятии человеком явлений окружающей действительности [Витгенштейн, 1985; Кубрякова, 1997; Lakoff, 1972; Taylor, 1989; Wierzbicka, 1985]. Другой важной особенностью прототипического подхода к категоризации является постулат о том, что человек воспринимает категории как имеющие центр и периферию. В центре (ядре) концентрируется некий прототип – образ, объединяющий наиболее типичные характеристики представителей категории. На периферии естественной категории находятся ее представители, не отвечающие обязательным требованиям (отклоняющиеся от прототипа по разным направлениям и в разной степени).

Мир вокруг нас чрезвычайно многообразен и это многообразие бесконечно. Под одну и ту же естественную категорию могут быть подведены «объекты» с неравным статусом, то есть существует градация по параметру «принадлежность к категории». И язык предоставляет нам средства, с помощью которых говорящий может выразить свое мнение о подлинной принадлежности называемого «объекта» к выбранной категории, о степени соответствия «объекта» своей категории. Так, сочетаясь с тем или иным именем, прилагательное *настоящий* указывает на близость называемого «объекта» к прототипу категории. *Настоящий учитель* – это образцовый представитель категории «учитель» (с точки зрения говорящего). *Настоящий мужчина* – это один из лучших представителей категории «мужчина» (с точки зрения говорящего).

Употребление прилагательного *настоящий* в данном значении безмерно широко и, естественно, ведет к необходимости выражения данного значения в субстантивированной форме – *настоящность*. Каков же статус слова «*настоящность*» в современном русском языке? Согласно данным словарей, слово *настоящность* в современном русском языке отсутствует [Ефремова, URL; Ожегов, URL; Ушаков, URL]. При этом, обратившись к интернет-ресурсам, мы получили 20 000 результатов поиска при запросе этого слова (данные интернет-запроса на декабрь 2017 года). Приведем примеры использования слова *настоящность*:

1. *Что есть **настоящность** человека и каковы ее составляющие, по Вашему мнению?* (Ответы Mail.Ru, 23.06.2017).

2. *«**Настоящность**» – для меня это понятие включает в себя искренность, не наигранность, открытость, человечность* (vk-m.ru/id193294368, 10.12.2012).

3. *ГрадоМир получился не таким, как планировался, но может, оно и к лучшему <...> Получилось создать такую*

атмосферу, в которой каждый – и взрослый и ребенок – чувствовал себя нужным, важным и вместе с тем, ответственным за то, что происходит вокруг. Это был кусочек **«настоящности»** в мире, в котором простые ценности отходят на второй план, а вперед выходят престиж, имотки, статус и проч. Вдали от цивилизации мы учились жить в гармонии с природой, получать удовольствие от общения, радоваться каждому мгновению, восхищаться окружающим миром <...> (Южно-Сибирская ассоциация практических психологов, 10.12.2012).

4. Для каждой женщины **«настоящность»** мужчины это сугубо индивидуально! Одна настоящим считает брутального, властного мужчину. Другая романтического юношу, поющего серенады, для третьей настоящим мужчиной считается рубаха-парень <...> (Большой вопрос.ru, 23.06.2017).

5. Если наивный читатель откроет сборник хайку, то, скорее всего, чертыхнется: «Ни смысла, ни рифмы, ни логики. Как-то все просто и незатейливо». А в этом и есть соль хайку. В умении увидеть, прочувствовать суть, **настоящность** воспринимаемого в данный момент объекта. Желая, описать, например, вкус чая, мы найдем тысячи сравнений, сотни метафор и прилагательных и каждый это сделает по-своему. А что, в действительности, есть вкус чая? Ведь **настоящность** в простоте (Японская поэзия, 04.11.2012).

6. <...> Но не все, что принадлежит прошлому, носит исторический характер: явление становится историческим только тогда, когда оно имеет последствия для человека. Прошлое включается, таким образом, в настоящее. **«Настоящность»** прошлого – важнейший аспект исторической деятельности людей (Поликарпов В. Время и культура).

7. Про **настоящность**. Для меня появилось такое слово – **настоящность**. Долгое время у меня ее не было. Я жил и получал неплохие деньги, мнил себя специалистом во многих вещах и думал что креатив может заменить стабильность, что деньги – это только энергия, которой можно с легкостью управлять <...> И вот пришла **настоящность**. Даже не так. Вот так – **Настоящность**. С большой буквы. И она показала, что деньги – ничего не значат без чести. Что окружающие готовы простить многое, но никогда не простят предательства. Что для мужчины важна стабильность и умение держать удар в любой ситуации, а не «раздувание» щек и облачение в павлиний костюм успешности <...> **Настоящность**. Здесь – настоящая жизнь

наполненная детским смехом, запахом ванильных ирисок и серьезностью в отношении ответственности <...> (Trolleybust.com / open media, 25.08.2017).

Приведенные выше примеры (1-7) свидетельствуют о том, что слово **настоящность** употребляется в контекстах философских размышлений о мире, жизни, чувствах, литературе. Возможно, стоит отнести это слово к лексикону интеллектуалов.

В последнее время слово **настоящность** появилось еще и в текстах бизнес-тренингов, например:

8. Что такое **настоящность** или живой контент? **Настоящность** – это новое слово, которое появилось сегодня в маркетинге. Особенно часто оно применяется в отношении контента. Это термин, и означает он следующее: сегодня, создавая контент, компаниям или брендам любого размера нужно стремиться к настоящему, реальному содержанию без подмены визуальных образов и понятий. Также этот термин означает, что компаниям нужно быть друзьями для своих целевых аудиторий и общаться в дружеском ключе (Сарафан-маркетинг, 23.06.2017).

9. «**Настоящность**» в бизнесе. Звания, регалии, достижения, результаты ваших клиентов, отзывы, кейсы <...> Все это, конечно, важно и нужно для вашего позиционирования, для доказательства вашей экспертности. Но будет почти бесполезно и не принесет ожидаемого эффекта, если вы упустите один «маленький» нюанс. Найдите у себя недостаток и рассказывайте о нем аудитории. Но никто из тех, кто добивается настоящего успеха, не позиционирует себя как идеальную личность без слабостей и недостатков <...> Оставайтесь самим собой. Не пытайтесь никого копировать. Ваша ценность именно в том, что вы такой, какой есть <...> (proProdazhy.ru, 23.06.2017).

Проанализировав примеры использования существительного **настоящность** в современном русском языке, мы можем говорить о следующем значении этого слова: *подлинность, неподдельность, истинность, искренность*. Возникает закономерный вопрос: почему бы носителю языка не удовлетвориться использованием кодифицированных, официально признанных в языке слов – *истинность, подлинность (истинность чувств, подлинность любви и т.д.)*. Для ответа на этот вопрос обратимся к анализу сочетаемости, прежде всего, прилагательных *истинный* и *подлинный*: *подлинный авторитет, боец, враг, героизм, герой, друг, мастер, патриот, творец, ученый, художник, человек; истинный гуманист, друг, интернационализм, патриот* (Словарь русской

идиоматики). Приведенные примеры свидетельствуют, очевидно, о книжности и даже некоторой высокопарности слов *истинный*, *подлинный* и, соответственно, *истинность* и *подлинность*. Их сочетаемость не является такой широкой, как у *настоящего* (*истинный кефир?*, *подлинный хлеб?*). В обыденной речи все же намного чаще употребляется прилагательное *настоящий*.

Мы рассмотрели современное состояние употребления слова *настоящность*. Возникает вопрос: давно ли это слово появилось в русском языке? Ни в одном этимологическом словаре русского языка мы не найдем ответ на этот вопрос. Упоминание об истории слова *настоящность* (в его временном значении), можно встретить в статье В.В. Виноградова о слове *будущность*: «А.С. Шишков в «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» порицал писателей, которые «из русских слов стараются делать не русские, как, например: вместо *будущее время* говорят *будущность*, вместо *настоящее время* — *настоящность* и проч.» [Шишков, Рассужд. о ст. и нов. слоге, 1813, с. 23]. Тут же в примечании разъяснялось, что «сии слова, нигде прежде в языке нашем не существовавшие, произведены по подобию слов *изящность*, *суетность*, *безопасность* и проч. Ныне уже оные пишутся и печатаются во многих книгах: а потому надеяться должно, что словесность наша время от времени будет еще более процветать. Например: вместо *прошедшее время* станут писать *прошединность?*» [Шишков, Рассужд. о ст. и нов. слоге, 1813, с. 23]. Иронические пророчества Шишкова не сбылись: не только не возникло слова *прошединность*, но заглохло и индивидуальное новообразование *настоящность* <...> Неологизм *будущность* представлялся более литературным, эффективным, чем будничное слово *будущее*. В этом отношении между словами *будущность* и *будущее*, с одной стороны, и *настоящность* – *настоящее*, с другой стороны, не было стилистического параллелизма. Слово *настоящее* в отвлеченном, субстантивированном употреблении (то есть в значении «современность, наличная жизнь, настоящее время») само казалось слишком книжным, школьным. В образовании слова *настоящность* тем менее ощущалось нужды [Виноградов, URL]. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что слово *настоящность* не является неологизмом в современном русском языке, поскольку существует в нем, по меньшей мере, уже с начала 19 века (хотя и в своем временном значении).

В заключение зададимся вопросом: какова же в таком случае *будущность* *настоящности*? Представляется разумным

предположить, что поскольку это слово появилось давно и за все это время так и не завоевало арену официально признанной нормы современного русского языка, то и впредь оно останется лишь в категории индивидуального словоупотребления. При всей насущности значения слова *настоящность* его форма, не относящаяся к разряду продуктивных, мешает ему завоевать уверенные позиции в современном нормативном русском языке.

Заключение

В современном русском языке в семантике прилагательного *настоящий* временное значение (генетически и лексикографически первичное) не является главенствующим. На первый план выступают качественно-оценочные значения «подлинный», «истинный», «образцовый», «правильный». С позиций современного прототипического подхода к естественной категоризации функциональная ценность прилагательного *настоящий* состоит в том, что оно маркирует близость называемого «объекта» к ядру (прототипу) его категории. Исследование позволяет также отметить усиление употребительности производного от *настоящего* слова *настоящность* в невременном значении «подлинность, неподдельность, истинность, искренность» в контекстах философских размышлений о мире, жизни, чувствах, литературе, а также в текстах бизнес-тренингов. При всей важности значения существительного *настоящность*, оно было и остается некодифицированным словом в современном русском языке.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
- Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов // Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- Виноградов В.В. История слов. [Электронный ресурс]. URL: <http://wordhist.narod.ru/budushnost.html>.
- Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М., 1985.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=18564>.
- Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova-term-51336.htm>.
- Крейдлин Г.Е. Таксономия и аксиология в языке и тексте: (Предложения таксономической характеристики) // Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993.
- Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.

Лукошус О.Г. О семантике прилагательного НАСТОЯЩИЙ // Вестник национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2013. № 8 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-semantike-prilagatel'nogo-nastoyaschiy>.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov.htm>.

Русский ассоциативный словарь. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Кн. 1-4 / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов и др. М., 1994-1996.

Русский Викисловарь. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wiktionary.org>.

Словарь русской идиоматики. [Электронный ресурс]. URL: <http://idiomatika.academic.ru>.

Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov.htm>.

Lakoff G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. Chicago, 1972.

Taylor J.R. Linguistic categorization. Prototypes in linguistic theory. Oxford, 1989.

Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis. Ann Arbor, 1985.

References

Arutiunova N.D. *Iazyk i mir cheloveka* [Language and Man's World]. Moscow, 1999.

Wierzbicka A. *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo kliuchevykh slov* [Understanding of Cultures through Keywords]. *Semanticheskie universalii i opisanie iazykov* [Semantic Universals and Description of Languages]. Moscow, 1999.

Vinogradov V.V. *Istoriia slov* [History of Words]. URL: <http://wordhist.narod.ru/budushnost.html>.

Wittgenstein L. *Filosofskie issledovaniia* [Philosophical Investigations]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike: Lingvisticheskaia pragmatika* [What is new in international linguistic: Linguistic pragmatics]. Iss. 16. Moscow, 1985.

Dal', V. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka* [Explanatory Dictionary of Russian Language]. URL: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=18564>.

Efremova T.F. *Novyi slovar' russkogo iazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi* [New Dictionary of the Russian Language. Explanation and Word-formation]. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova-term-51336.htm>

Kreidlin G.E. *Taksonomiia i aksiologiia v iazyke i tekste: (Predlozheniia taksonomicheskoi kharakterizatsii)* [Taxonomy and Axiology in Language and in Text: Sentences of taxonomic characterization]. *Logicheskii analiz iazyka: Mental'nye deistviia* [Logical Analysis of Language: mental actions]. Moscow, 1993.

Kubriakova E.S. *Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniia* [Parts of Speech from the Cognitive Point of View]. Moscow, 1997.

Lukoshus O.G. *O semantike prilagatel'nogo NASTOIASHSIII* [On Semantics of the Adjective NASTOIASHCHII]. *Vestnik natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy iazykoznanii i pedagogiki* [Bulletin of the National Research Polytechnic University], 2013. No. 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-semantike-prilagatel'nogo-nastoyaschiy>.

Ozhegov S.I., Shvedova N.Iu. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov.htm>.

Russkii assotsiativnyi slovar'. Assotsiativnyi tezaurus sovremennogo russkogo iazyka [Russian dictionary of associations. Associative Thesaurus of the Modern Russian Language]. Vol. 1-4. Iu.N. Karaulov, Iu.A. Sorokin, E.F. Tarasov i dr. Moscow, 1994-1996.

Russkii Wikislovar' [Russian Wikitionary]. URL: <https://ru.wiktionary.org>.

Slovar' russkoi idiomatiki [Idiomatic Russian Dictionary]. URL: <http://idiomatika.academic.ru>.

Ushakov D.N. *Bol'shoi tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo iazyka* [Big Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language]. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov.htm>.

Lakoff G. *Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts*. Chicago, 1972.

Taylor J.R. *Linguistic Categorization. Prototypes in Linguistic Theory*. Oxford, 1989.

Wierzbicka A. *Lexicography and Conceptual Analysis*. Ann Arbor, 1985.

АККУЛЬТУРАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В РАННЕЙ ПРОЗЕ Г. ГРЕБЕНЩИКОВА

Е.Г. Романова

Ключевые слова: Г. Гребенщиков, аккультурация, этнические взаимодействия, религиозно-мифологические мотивы.

Keywords: G. Grebenshchikov, acculturation, ethnic interactions, religious and mythological motives.

DOI 10.14258/filichel(2019)1-09

В ранних повестях и рассказах Г. Гребенщиков воспроизводит хорошо знакомый ему мир сибирской культуры, этот сложный конгломерат разнородных культур, вынужденных приспособляться друг к другу. Такие черты поэтики областничества, как этнографизм и бытописательство, позволяют автору достоверно отразить процессы межкультурного взаимодействия, можно сказать, что в этих текстах Гребенщиков так или иначе сосредоточен на важном для Сибири вопросе аккультурации. Об этом, в частности, упоминает А.П. Казаркин в работе, посвященной областническим тенденциям в творчестве Гребенщикова [Казаркин, 2004]. О том, что осмысление процессов освоения русскими Алтая является важным элементом сюжета алтайского текста, говорит и Т.А. Богумил в статье «“Алтайский текст” и литература Алтая: к определению понятий» [Богумил, 2017]. Исследуя реализацию локуса «Сибирь» в текстах

Гребенщикова, Е.Е. Тихомирова приходит к выводу, что созданию нового образа Сибири (в том числе мифологического) было во многом и посвящено его творчество [Тихомирова, 2017]. Рефлексия по поводу сибирского локуса была бы невозможна без осмысления культурной истории Алтайского региона. Повести и рассказы Г. Гребенщикова 1912-1916 годов отражают трагическое столкновение, противостояние, непростое взаимодействие и специфику коммуникации народов Сибири: «На лыжах» (1912), «Ханство Батырбека» (1913), «На Иртыше» (1914), «Степь да небо» (1914), «Кызыл-тас» (1915), «Любава» (1916). Все эти произведения характеризуются этнографической и исторической достоверностью в описании быта и культуры сибирских крестьян, казахских кочевников (в текстах они обозначены как киргизы) и алтайцев. Гребенщикова хорошо знал этнокультурные особенности народов, о которых писал, поскольку по отцу его предки были алтайцами (дед по отцу – сын хана, аристократ), по матери – казаками и крестьянами-староверами.

Аккультурация как объект изучения входит в сферу научных интересов в конце XIX – начале XX века, тогда термин впервые и был применен для описания специфических процессов этнического взаимодействия¹ учеными-антропологами. Впоследствии понятие приобрело общенаучное значение, вышло за рамки культурной антропологии и используется в исследованиях социально-гуманитарных наук (социологических, психологических, философских и пр.), работающих с проблематикой межкультурной коммуникации. Современная «Новая философская энциклопедия» дает следующее определение термину: *«Понятие, введенное в 1936 году американскими антропологами (Р. Редфилдом, М. Херсковицем и Р. Линтоном) первоначально для характеристики контактов между различными культурами, а затем для изучения тех изменений в культуре, которые вызваны соприкосновением двух или более автономных культур. <...> Понятие аккультурации было выдвинуто в противовес таким понятиям, как диффузия и ассимиляция культур. Поэтому процессы аккультурации связаны с взаимовлиянием культур и различаются в соответствии с формами контактов – в условиях совместного проживания лиц с различной культурой на одной территории, обмен идеями или предметами материальной культуры через существующие границы, реинтерпретация заимствованного и др.»* [НФЭ, 2010, с. 61]. Современное антропологическое значение термина акцентирует неравнозначное положение взаимодействующих

¹ Подробнее см.: Вахта, 1963.

этнических групп: это *«процесс и результат взаимовлияния национальных культур, заключающийся в восприятии одной из них (обычно менее развитой) элементов другой культуры. При этом первая культура сохраняет свою собственную культурную модель, но одновременно более или менее полно овладевает нормами другой культуры, как правило, шире распространенной и более развитой»* [Тавадов, 2011, с. 21-22]. Структура аккультурального взаимодействия подразумевает участие культуры-донора и культуры-реципиента, при этом недиалоговые формы аккультурации (там, где есть господство и подчинение) возникают в результате колонизации одного народа другим. Следствием является принятие представителями (всеми или частично) одной культуры (реципиента) норм, ценностей, традиций культуры-донора. Среди типов реакции культуры-реципиента на экспансию культуры-донора самыми распространенными являются принятие (замещение старой культуры новой); адаптация (частичное изменение старой культуры, принятие отдельных традиций, норм, ценностей); реакция (активное отторжение новой культуры) [Арутюнов, 1989].

Гребенщиков исследует в своем раннем творчестве проблемы культурного взаимодействия казахов, алтайцев, русских (в том числе «старых русских» (староверов) с «новыми русскими»). Разворачивая перед читателем судьбы героев, он показывает результаты аккультуральных процессов, в которые вовлечены все этнические группы (русские переселенцы являются носителями культуры-донора), проживающие на территории Алтая. Это может быть, к примеру, сепарация, выражающаяся в отрицании чужой культуры при сохранении идентификации со своей, когда представители недоминантной группы предпочитают большую или меньшую степень изоляции от доминантной культуры; или интеграция – идентификация как со старой культурой, так и с новой. Предельной формой реакции может быть и маргинализация – выпадение из обеих систем. При этом очевидно, что интеграция оценивается Гребенщиковым как предпочтительный путь, который поможет, сохранив частично культурную самобытность, выстроить приемлемую систему взаимодействий. О специфике аксиологических установок писателя в отношении культурного взаимодействия, нашедших отражение в его публицистических текстах, говорит В.Н. Карпущина: *«Н.М. Ядринцев, осмысляя приход русского крестьянина на алтайские земли, сравнивает данную ситуацию с западным явлением “скватерства”, самовольного заселения и вытеснения “инородцев” с их традиционными промыслами в не пригодные для жизни районы.*

Г.Д. Гребенщиков развивает данную аксиогенную ситуацию до “сантиментального дон-кихотства”, идеи о необходимости “братского единения всех народов”, живущих на сибирской земле. Однако в аксиологической парадигме Гребенщикова, при всем его интересе к этнографической и антропологической составляющей истории “инородческого царства” на Алтае, проскальзывают ноты “великодержавного” отношения к малым народам Сибири и Алтая: “Да, если есть на свете маленькие народцы, которые способны стать великими за истинное проявление любви, то это именно алтайские народы”» [Карпухина, 2018, с. 84].

Чаще всего столкновение народов-реципиентов, быт и фольклор которых отражены в текстах, с культурой-донором описано в трагических красках, мы видим ломку и уничтожение вековых традиций, однако Гребенщиков далек от прямых обвинений, он пытается показать объективную картину исторического процесса, который диктует свои правила. Народ-завоеватель географически и культурно теснит другие народы, среди последствий такой колонизации – гибель культуры аборигенов.

В этом плане особенно показательна повесть «Ханство Батырбека». Она начинается с погружения в казахскую кочевую культуру (песня о знаменитом предке хана), ее богатую фольклорную традицию, с описания быта и ритуалов казахов, а заканчивается полным крахом этого жизненного уклада. Кочевники вынуждены адаптироваться к новым условиям, принимая их. Природная катастрофа, способствовавшая стремительному упадку жизни аула, лишь ускоряет то, что и так было неизбежным. Хозяевами в степи становятся русские. В начале повести Батырбек едет по безбрежной степи и поет «раздольную» песню, вспоминая далекое прошлое. Настоящее он оценивает негативно: *«если сравнить старину с настоящим, то надо только расплакаться – ничего не осталось от того, что было...»* (Гребенщиков, 2013, с. 145)¹. Стилистически зачин повести строится как внутренняя речь героя, используется вопросно-ответная форма. Батырбек сам спрашивает у себя – действительно ли он хан? И сам отвечает – нет, он только считается ханом из уважения к предкам, однако образ его жизни уже далек от ханского. Но продолжает вести себя как хан, транслируя традиционную этику во взаимодействии с подданными. Несмотря на изменившиеся реалии, казахи пытаются воспроизводить традиционный уклад жизни, жить

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

так, как завещано предками. Гребенщиков усиливает трагическое звучание повести через контраст зачина (великое прошлое) и финала (бесславное настоящее). В конце повести мы вновь встречаем Батырбека, который вынужден вступить в торговые отношения с русскими на невыгодных для него условиях. Он *«еще не терял своего ханского вида: он был одет в новый овечий бешимет, лисий малахай и большие кожаные сапоги»*, но *«заискивающе улыбался приказчику»*, пытаясь расположить его к себе (Гребенщиков, 2013, с. 192-193). Пространство финала – уже не безбрежная степь, а душная шахта. Символически судьба казахов изображена и через образ ослепшего коня, обреченного на несвободу и тяжелую работу под землей. Однако мы видим, что невольниками в этих шахтах являются не только аборигены, но и русские, жизнь которых кажется *«еще более горькой»* (Гребенщиков, 2013, с. 185). В конце концов в шахте все становятся равны в своем несчастье и тяжелом труде. Имагологический дискурс в отношении этой повести развернут в работе Л.И. Абдуллиной и П.В. Маркиной, где, в частности, указано, что *«феномен этнокультурных стереотипов представлен в повести “Ханство Батырбека” в аспекте взаимного видения-оценки народов, взаимоотражения и взаимодействия культур Запада и Востока»*, при этом *«в интерпретации “этностереотипа” Г.Д. Гребенщиковым неизбежно присутствует аксиологическая составляющая, которая проецируется на общечеловеческие ценности»* [Абдуллина, Маркина, 2017, с. 357].

Типологически сходная ситуация (столкновение с культурой переселенцев) представлена и в рассказе «Кызыл-тас». Главный герой, Чеке, первоначально занимает позицию сепарации по отношению к грубо навязанной культуре переселенцев-славян: *«И Чеке повел жестокую борьбу с чужими»*, поскольку их вторжение в жизнь степи грозит гибелью вековым традициям: *«Вот они пришли и сразу взялись распахивать всю степь... Зачем теперь доставать и обучать беркута, зачем лелеять буланого бегунца? Все равно: все звери убегут дальше в Джунгарские степи, к дунганам, а для пастьбы Буланого чужие пришельцы не оставят больше серебристых ковылей»* (Гребенщиков, 2014, с. 54). Лишившись в этой борьбе последнего глаза, уже старый и слепой Чеке *«рад, что не видит, как вся степь изрыта плугом и истерзана новыми дорогами, в которых то и дело звенят большие, крепкие брочки тавричан, кубанцев и екатеринославских хлеборобов»* (Гребенщиков, 2014, с. 54). Показательно, что здесь, как и в «Ханстве Батырбека», встречается мотив слепоты. Слепнет некогда быстроногий конь Сарсеке, попавший

в шахту, слепнет смелый и храбрый Чеке. Эта слепота означает потерю пути, дезориентацию. По сути, в этих текстах фиксируется закономерный закат кочевой культуры. Одновременно с демонстрацией трагических последствий культурной деградации, Гребенщиков показывает, в одном случае, адаптационные механизмы, которые начинают работать в ситуации чрезвычайного бедствия, обрушившегося на аул Батырбека, а в другом случае намечает возможность культурного диалога, когда старый Чеке начинает «дружить» с Ког-гыз, больной русской девушкой. В свою очередь, Ког-гыз понимает красоту и величие киргизской природы, пытаясь спасти раненого птенца беркута. Через беседы Чеке и Ког-гыз, плохо знающих языки друг друга, автор показывает всю важность диалога между народами.

В ряде текстов («На Иртыше», «На лыжах», «Кызыл-тас», «Любава») кроме того показана специфика коммуникативной позиции доминантного этноса, и тут уже более очевидна писательская оценка: русские позволяют себе пренебрежительное, агрессивное поведение, они несомненно в любом положении ощущают себя выше, «старше» бесправных аборигенов (показательны уменьшительно-уничтожительные суффиксы нерусских имен в рассказах), для них подчас характерна также религиозная нетерпимость. Отвратительная сцена избиения бесправного киргиза и его жены на глазах их детей, представленная в рассказе «На Иртыше», рассчитана на однозначное читательское восприятие, а авторский суд настаивает героя в финале рассказа, когда тот гибнет. Никита считает себя неизмеримо более высокой в культурном отношении персоной в сравнении с киргизами, однако его поведение показывает низость героя.

События небольшого рассказа «На лыжах» даны глазами русского героя-рассказчика, который путешествует вместе с *«проводником и сотоварищем»* киргизом (Гребенщиков, 2013, с. 241) Акпаем. Первые слова текста – *«мы с Акпаем»* – как бы подчеркивают равноправное положение путешественников, которые вместе преодолевают тяготы пути. Рассказчик несколько раз намеренно подчеркивает свое уважительное отношение к Акпаю, однако его поведение говорит о более сложном взаимодействии в их союзе. Это всегда отношение свысока, как к смышленому ребенку. Они идут на прииск, где живут русские, чтобы главный герой мог помыться в бане и отпраздновать Пасху. Этот религиозный праздник используется Гребенщиковым для создания уникальных условий культурного диалога, как возможность проявления всего самого лучшего в православном человеке, как *«всех объединяющий час, торжественный*

час воскресения во всех сердцах мира и доброты взаимной» (Гребенщиков, 2013, с. 243). Это совместный путь, чтобы один из них мог реализовать свои религиозные нужды. Автор фиксирует не достижение искомой цели, а сам процесс ее достижения – дорогу, совместную ночевку, разговор «по душам» при свете звезд. Герой-рассказчик охвачен религиозным чувством в преддверии Пасхи, он хочет поделиться им с Акпаем, для чего бесцеремонно будит его. Сам разговор, так впечатливший героя, описан скупо, однако понятно, что говорит в основном он сам, а Акпаю остается только реагировать, удивляясь или поддакивая. Такая реакция оценивается как понимание: *«И был он мне в это время таким понятным, близким, будто брат родной»* (Гребенщиков, 2013, с. 243). Эмоции рассказчика экстраполированы на чувства киргиза, хотя религиозные устремления последнего никак не проявлены. Он по умолчанию должен быть впечатлен пасхальными чудесами. Рассказчик находится в позиции вероучителя, проповедника, изъясняющегося на доступном для аборигена языке. Абориген – как верный Пятница – внимает высокому слову и воспринимает его.

В повести «Любава» мы также сталкиваемся с художественным осмыслением аккультуральных механизмов. На примере главной героини Гребенщиков показывает процесс маргинализации, культурной деградации. Образ русской девушки Любавы [подробнее см. Романова, 2017] автор характеризует в первую очередь через столкновение и взаимодействие с миром другого народа – алтайского¹, показана специфика коммуникации русских и алтайцев, которая сложилась за десятилетия сосуществования. Гребенщиков воссоздает особенности быта алтайского аула, использует семиотику костюма и поведения, религиозно-мифологические мотивы для создания культурной картины мира русских сибиряков и алтайцев. Конечно, в тексте нашли отражение представления Г. Гребенщикова об алтайцах и русских жителей Алтая, обусловленные фактами биографии писателя: впечатлениями детства и юности, участием в этнографических экспедициях [Черняева, 2001].

Любава, тоскующая о любви, бежит из родительского дома, выходит замуж за хозяина алтайского аула, но не выдерживает испытания властью. Действие повести разворачивается зимой и весной, но, как и в рассказе «На лыжах», ключевой датой становится православная Пасха, на которую выпадают кульминационные события текста – измена, смерть Тырлыкана, ночевка с писарем на пасеке. В

¹ В тексте алтайцы называются калмыками, как тогда было принято.

этом тексте светлый праздник Пасхи проявляет в человеке его истинное начало (в старшине – человечность, в Любаве и писаре – бесчеловечность).

Повесть начинается с краткого, но емкого описания русского мира (охотничья заимка). Любава находится в разладе с собственной семьей. Складывается впечатление, что имя своей героине автор выбирает по контрасту: она не способна к любви, склонна к конфликтам, основная характеристика ее коммуникативной позиции – злоба (разговаривает грубо, резко, со злостью). Любава покидает русский мир и устремляется в мир алтайский – это территория, где можно отменить привычные правила, действовать силой, находиться в доминантной позиции. Она сама выбирает себе мужа, хоть и старого, но зато самого богатого. Тырлыккан рад возможности получить русскую жену и готов в угоду ей поменять привычный уклад жизни.

Описывая взаимодействие алтайцев и русских, Гребенщиков показывает, что в результате аккультуральных процессов на Алтае сложилась особая система культурных взаимодействий, в основе которой – адаптация алтайцев к донорской культуре. Адаптация не означает ассимиляции: для алтайцев важны и непоколебимы основы собственной культуры. Русские в лице лучших своих представителей (в рассказе это, несомненно, старшина) готовы с уважением воспринимать чужую культуру, чужие традиции. Каждый живет на своей территории, конфликты возникают, когда русские выступают в качестве представителей власти. Автор показывает, что то, связано с властью, приводит к агрессии, деформации, угнетению и обману. Власть в тексте персонифицирована в фигуре писаря (чиновника), к ней стремится Любава, поэтому и вступает с ним в связь.

Если в других текстах (например, «Ханство Батырбека», «Кызыл-Тас») описывается процесс колонизации, приход русских и их агрессия, то здесь мы видим уже сложившуюся структуру взаимодействий, в основе которой лежат адаптивные механизмы. Но в целом и в этом тексте Гребенщиков фиксирует доминантную позицию русских в отношении «инородцев». Они ведут себя свысока, снисходительно, диктуют условия. Так, молодая Любава считает 50-летнего Тырлыккана за младшего брата, она сама решает, на каких условиях будет осуществлен их брак. В тексте даже лексически подчеркивается это неравенство: в отношении Тырлыккана часто используются слова с уменьшительными суффиксами: тоненький голос, реденькая бороденка, само его имя на заимке произносится как уничижительное Тырлыкканка. Хотя семиотика его костюма

(бархатный халат с лисьим воротником, барашковая шапка, обувь из маральных ног) подчеркивает высокий социальный статус, для русских он остается «младшим братом», с которым можно и не церемониться. Несмотря на то, что он продолжает сохранять иллюзию свободной жизни, он находится во власти русских, а выбирая себе русскую жену, окончательно теряет себя, а потом и гибнет. Печальная судьба ожидает и его наследника Сапыргая.

Этнографическая достоверность сохраняется и в фиксации религиозной экспансии. Христианство активно корректирует религиозно-мифологическую картину мира алтайцев, но Гребенщиков описывает адаптационные механизмы аборигенов в отношении пришлой культуры: они готовы принять отдельные нормы, атрибуты, элементы, однако стараются сохранить свои духовные ценности. Алтайцы берегут сокровенное знание предков и своих богов, формально подчиняясь православному нашествию. Пока чужие ценности не входят в непосредственный конфликт с алтайскими, они могут быть спокойно приняты. Крещеный Тырлыккан готов выполнять любые требования Любавы и православного священника, но хранит в доме изображения своих богов и не дает отрезать косу – важный в религиозно-мифологическом смысле атрибут мужчины. Значимо, что священник уступает его просьбе оставить косу. Гребенщиков показывает на этом примере (особенно важной тут выступает фигура священника), что в пространстве Сибири два народа – пришлый и исконный – до определенного предела уважают границы и культурные нормы друг друга.

Но Любава демонстрирует худшие примеры религиозной нетерпимости, что разоблачает ее духовную несостоятельность. Она сразу проявляет неуважение и агрессию по отношению к богам своего мужа: *«толкнула кулаком в раскрытый сальный рот деревянного божка с медными солдатскими пуговками вместо глаз. – Уй-уй!.. Нашто дерешься? – с суеверным страхом зашептал калмык. – Этот Бог скотину пасет...»* (Гребенщиков, 2013, с. 276). Эта нетерпимость сочетается с духовной глухотой, которая многократно подчеркивается в тексте. Любава не чувствует и не видит духовного ни в чем, при формальной принадлежности к православной вере она не высказывает никаких примет связи с Богом, лишь отдельные черты бытовой религиозности. Для нее важно внешнее, а не внутреннее, сокровенное, она заставляет Тырлыккана принять религиозные условности только для того, чтобы соблюсти «приличие». В отношении русской культуры, православной этики

Любава занимает маргинальную позицию, все больше отдаляясь от них.

Но и в алтайском мире героиня, будучи женой хозяина аула, находится в маргинальной позиции. Это подчеркивается ее новым именем – Чужая. Любава демонстративно нарушает законы аула, разрушает привычный быт, заставляет строить русскую избу, носить русскую одежду, лишает хозяина власти над собственным домом. Алтайцы и русские живут по разным законам, но результатом сосуществования этих двух народов становится сложная система взаимоотношений, есть общие законы, которые предполагают соответствие универсальным этическим и культурным нормам, среди которых – уважение чужого дома, традиций, брачных обязательств. Гребенщиков показывает, что Любава постепенно выпадает из обеих систем, поскольку нарушает сложившиеся этические и поведенческие законы. Окончательно становясь на путь зла и насилия, она оказывается чужой везде – и у русских, и у алтайцев. Так же действует и писарь, не соблюдая законов гостеприимства, обманывая и угрожая. Оба этих персонажа осуждены автором и в конце концов русским миром, к которому изначально принадлежат.

Выступая в роли субъекта аккультурации, Любава одновременно является и его объектом – она одна в чужом культурном пространстве. Героиня выбирает путь, менее всего одобряемый автором – путь маргинализации: вариант аккультурации, проявляющийся в потере идентичности с собственной культурой и отсутствии идентификации с культурой большинства (в ее случае большинством выступают жители аула). В финале повести Чужой ее начинают называть и жители русской деревни, подвергая ее всеобщему осуждению не за то, что самовольно вышла замуж за алтайца, а за то, что нарушила социально-этические общие нормы: стала причиной смерти законного супруга, выбрала путь преступления и прелюбодеяния.

В своих ранних произведениях Г. Гребенщиков настойчиво обращается к вопросам межкультурной коммуникации, художественно осмысливая механизмы и результаты аккультуральных процессов, характерных для Сибири начала XX века. Через своих героев автор реализует и оценивает разные аккультуральные стратегии: сепарацию, маргинализацию, интеграцию. Несмотря на этнографическую достоверность, это ни в коем случае не «иллюстрация к учебнику истории», а взгляд на исторические процессы через призму человеческой жизни.

Литература

- Абдуллина Л.И., Маркина В.П. «Ханство Батырбека» Г.Д. Гребенщикова: авторский вариант имагологического дискурса // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 2(63).
- Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989.
- Богумил Т.А. «Алтайский текст» и литература Алтая: к определению понятий // Филология и человек. 2017. № 4.
- Вахта В.М. Проблема аккультурации в современной этнографической литературе США // Современная американская этнография: Теоретические направления и тенденции. М., 1963.
- Казаркин А.П. Георгий Гребенщиков и областничество // Вестник ТГУ. 2004. Вып. 282
- Карпухина В.Н. Г.Д. Гребенщиков как наследник традиции Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева: лингвоаксиологический аспект // Человеческий капитал русской эмиграции первой волны: американская Русь Г.Д. Гребенщикова. Барнаул, 2018.
- Новая философская энциклопедия: В 4-х тт. 2010. Т. 1.
- Романова Е.Г. «Любава» без любви: русский и алтайский миры в повести Г. Гребенщикова // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2017. Вып. 7.
- Тавадов Г.Т. Этнология. Современный словарь-справочник. М., 2011.
- Тихомирова Е.Е. Локус «Сибирь» в творчестве Г.Д. Гребенщикова // Интерэкспо. 2017. № 6.
- Черняева Т.Г. Г.Д. Гребенщиков – этнограф. // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2001.

Список источников

- Гребенщиков Г.Д. Избранное. Томск, 2014.
- Гребенщиков Г.Д. Собрание сочинений: В 6-и тт. Барнаул, 2013. Т. 2.

References

- Abdullina L.I., Markina V.P. «*Hanstvo Batyrbeka*» G.D. Grebenshchikova: avtorskij variant imagologicheskogo diskursa [Khanate of Batyrbek by G.D. Grebenshchikov: author's version of the imagological discourse]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture, Education]. 2017. No. 2 (63).
- Arutyunov S.A. *Narody i kul'tury: razvitiye i vzaimodejstvie* [Peoples and Cultures: development and interaction]. Moscow, 1989.
- Bogumil T.A. «*Altajskij tekst*» i literatura Altaya: k opredeleniyu ponyatij [«Altai Eext» and the Literature of Altai: to the definition of concepts]. *Filologiya i chelovek* [Philology and Man]. 2017. No. 4.
- Vahta V.M. *Problema akkul'turacii v sovremennoj etnograficheskoj literature SSHA* [The Problem of Acculturation in the Modern Ethnographic Literature of the USA]. *Sovremennaya amerikanskaya etnografiya: Teoreticheskie napravleniya i tendencii* [Contemporary American Ethnography: Theoretical Ways and Trends]. Moscow, 1963.
- Kazarkin A.P. *Georgij Grebenshchikov i oblastничество* [George Grebenshchikov and Regionalism]. *Vestnik TGU* [Bulletin of Tomsk State University]. 2004. Iss. 282.
- Karpuhina V.N. G.D. Grebenshchikov kak naslednik tradicii G.N. Potanina i N.M. Yadrinceva: lingvoaksiologicheskij aspect [G.D. Grebenshchikov as the Heir to the

Tradition of G.N. Potanin and N.M. Yadrintsev: linguoaxiological aspect]. *Chelovecheskij kapital russkoj emigracii pervoj volny: amerikanskaya Rus' G.D. Grebenshchikova* [The Human Capital of the Russian Emigration of the First Wave: American Russia of G.D. Grebenshchikov]. Barnaul, 2018.

Novaya filosofskaya ehnciklopediya [New Philosophical Encyclopedia]. In 4 vols. 2010. Vol. 1.

Romanova E.G. «Lyubava» bez lyubvi: russkij i altajskij miry v povesti G. Grebenshchikova [Lyubava without Love: the Russian and Altai worlds in the story by G. Grebenshchikov]. *Altajskij tekst v russkoj kul'ture Barnaul* [Altai Text in Russian Culture]. 2017. Iss. 7.

Tavadov G.T. *Ethnologiya. Sovremennij slovar'-spravochnik* [Ethnology. Modern dictionary reference]. M., 2011.

Tihomirova E.E. *Lokus «Sibir'» v tvorcestve G.D. Grebenshchikova* [Locus «Siberia» in the works of G.D. Grebenshchikov]. *Interehkspo* [Interexpo]. 2017. No. 6.

Chernyaeva T.G. *G.D. Grebenshchikov – etnograf* [G.D. Grebenshchikov – ethnographer]. *Ethnografiya Altaya i sopredel'nyh territorij* [Ethnography of Altai and adjacent territories]. Barnaul, 2001.

List of sources

Grebenshchikov G.D. *Izbrannoe* [Favorites]. Tomsk, 2014.

Grebenshchikov G.D. *Sobranie sochinenij* [Collected Works]. In 6 vols. Vol. 2. Barnaul, 2013.

СТРУКТУРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА В ПЬЕСЕ А. ВАМПИЛОВА «ДОМ ОКНАМИ В ПОЛЕ»

В.Я. Иванова

Ключевые слова: драматургия, художественное время, сценическое пространство, вампиловский хронотоп.

Keywords: dramaturgy, artistic time, scenic space, Vampilov chronotope.

DOI 10.14258/filichel(2019)1-10

Поэтика драматургии Александра Вампилова во многом определяется особым вампиловским пространством и временем. Художественное время и пространство в зрелых пьесах драматурга («Прощание в июне», «Утиная охота», «Прошлым летом в Чулимске», «Старший сын») рассматривает О.А. Дашевская. Вампиловское время

исследователь определяет как социально маркированное, связанное с 60-ми годами XX века, на что в пьесах указывает множество деталей [Дашевская, 2000, с. 229]. В первой пьесе «Дом окнами в поле» О.А. Дашевская выделяет «ключевые темы и мотивы драматургии художника: тема подведения итогов, мотив “пробуждения”, прозрения и, наконец, тема “порога”, выбора», и отмечает, что «воспоминания о прошедшем приводят к “пробуждению” героя, что равнозначно нравственному прозрению» [Дашевская, 2000, с. 108]. Сложную временную организацию в пьесе «Утиная охота» признает О.Н. Зырянова. «Вместо одного – три временных пласта: прошлое, настоящее и условное будущее, при этом прошлое – это развернутые (материализованные) картины, прерываемые небольшими интермедиями (настоящим) и видениями (условным будущим), повторяющимися дважды (в начале и в конце)» [Зырянова, 2008, с. 83]. Темпоритму отдельных сцен в пьесе «Старший сын», особенностям художественного времени в пьесе «Прошлым летом в Чулимске» и контрасту реального исторически текущего и психологического времени А. Вампилова уделяет внимание И.И. Плеханова. Исследователь утверждает, что в пьесе «Прошлым летом в Чулимске» «персонажи живут личным чувством времени – как ощущением судьбы», и что «это чувство “своего дня”, то есть хронософию диалога человека со временем, развернет практически в те же годы в “Последнем сроке” (1970) В. Распутин» [Плеханова, 2016, с. 32]. И.И. Плеханова рассматривает время в пьесе «Прошлым летом в Чулимске» как «время преображения», «эвристическое время прозрения», и связывает свет и темпоритм, определяя художественное время метафорами света и музыки. «Такова специфическая музыка времени – тревожно-отрешенный, но светоносный ритм – это вибрация, побуждающая к душевному резонансу» [Плеханова, 2016, с. 32–33]. В отличие от «Утиной охоты», «Старшего сына» и пьесы «Прошлым летом в Чулимске», вызывающих неизменный интерес исследователей, художественному времени в первой одноактной пьесе «Дом окнами в поле» не уделено достаточного внимания. В ранней пьесе А. Вампилова исследователи обычно отмечают ведущую роль воспоминаний в развитии сюжета, то есть ключевое, направляющее прошлое время.

Можно предположить, что сложноорганизованное время в пьесе А. Вампилова «Утиная охота» (1967), где дифференцированное, дробное прошлое-настоящее-будущее смыкается с вневременной вечностью, имеет истоки в первых пьесах драматурга. Сценическое пространство «Утиной охоты» задает временные координаты

действию, соотносится с трансформациями прошлого, настоящего и будущего, с перемещениями Зилова внутри временных координат как метафорическая модель этих перемещений [Иванова, 2013, с. 85–93]. Интересные наблюдения о структуре и динамике художественного времени А. Вампилова, его связях со сценическим пространством, можно сделать и в пьесе «Дом окнами в поле» (1963). Ретроспективный взгляд из зрелого творчества позволяет понять процесс формирования поэтики драматурга, признать ценность его ранних работ и единство эволюционного развития таланта. В задачу данной статьи входит соотнесение художественного времени и сценического пространства двух пьес, «Дом окнами в поле» (1963) и «Утиная охота» (1967), разделенных несколькими годами в стремительной творческой судьбе драматурга.

Рассмотрение вопросов художественного времени в пьесе невозможно без связи с особенностями организации пространства сцены, отраженными в ремарках. Первое, что сближает поэтику драматургического времени указанных пьес, это сходство в построении пространства, представленное в начальных ремарках. В пьесе «Утиная охота» организация сцены – *«Входная дверь, дверь на кухню, дверь в другую комнату. Одно окно»* (Вампилов, 2002, с. 530)¹ – становится метафорой трансформаций времени в развертывании действия. *«Входная дверь слева, справа – дверь в спальню, прямо – два окна»* (Вампилов, 2002, с. 13) – в пьесе «Дом окнами в поле» соотносит сценическую топографию с поздней пьесой А. Вампилова и позволяет признать ту же метафорическую связь. Такое единство – не только свидетельство цельности художественного мышления автора, но и метафорический язык, на котором драматург общается со зрителем и читателем.

Динамика художественного времени в пьесе «Дом окнами в поле» задается структурой сценического пространства, направляется ею. Интересно замечание С.Р. Смирнова при текстологическом рассмотрении вариантов пьесы о метафоре названия, определяющего пространственно-временную организацию произведения. «Обращает на себя внимание исходная и неизменная (в отличие от большинства других драматургических начинаний Вампилова) константа заглавия во всех редакциях пьесы, ставшего концептом произведения, имеющего открытую пространственно-временную структуру и

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на текст: Вампилов А. Драматургическое наследие. Иркутск, 2002.

включающего в себя своеобразный архетипический набор образов-символов (“дом”, “окна”, “дверь”, “порог” и т. п.)» [Смирнов, 2005, с. 66]. Отметим, что в организации сценического пространства в пьесе присутствует линейная композиция: слева направо и справа налево, что метафорически смыкается с движением из прошлого в будущее и из будущего в прошлое через настоящее. Две двери – слева и справа – определяют входы и выходы в обе стороны. Вход и выход семиотически значимы в развитии сюжета. Пространство организовано лаконично, строго и мотивировано бытовыми реальностями. Простота и симметричность определяют гармонию и красоту сценического решения. Одно и два окна в обеих пьесах противопоставлены: три двери и одно окно в «Утиной охоте» и две двери и два окна в пьесе «Дом окнами в поле»: одиночество и парность. Сценическое пространство «Утиной охоты» решено сложнее, в нем отсутствует симметрия, так как режиссер волен одно окно переместить в любую из сторон, но только не по центру, так как где-то должна быть третья дверь. Любые из вариантов комбинации дверей и окон, задуманные режиссером на сцене «Утиной охоты», создадут асимметрию. Одно окно и три двери дают ощущение более глухого, замкнутого пространства, лишенного открытых световых точек соприкосновения дома с внешним миром, открытой границы дома. Закрытость пространства с физическими перемещениями Зилова внутри него (он только один раз высовывается в окно, чтобы поговорить с Витькой) становится метафорой внутренних, безысходных метаний главного героя. Центральность же окон («прямо – два окна») в пьесе «Дом окнами в поле» определяет иные, чем в поздней пьесе, связи пространства и времени, семиотически обнаруживает выход во внешний мир, дает источник света, контакт с точными изменениями в природе. Значимость окон и связь дома с природой отмечена автором в названии пьесы. Метафорически два окна в центре сцены фиксируют внимание зрителя на настоящем, на судьбоносном разговоре и последней встрече любящих людей, подчеркивая парность и предполагая открытую связь с внешним миром. Доминанта настоящего утверждена пространственно-визуально.

Прошлое время в пьесе «Дом окнами в поле» входит в действие вместе с нахлынувшими воспоминанием Третьякова «Помните май!» (Вампилов, 2002, с. 14). Воспоминание связано со следующей фразой «Все могло быть по-другому», которая задает особую форму взаимодействия с прошлым – его переконструирование, желание главных героев изменить то, что

произошло. Творческое отношение к прошлому в диалоге укрепляется и расширяется: «*что было бы, если бы я тогда сел в ваш ходок?*» (Третьяков). «*Что ж... ничего. Поехали бы вместе...*» (Астафьева) (Вампилов, 2002, с. 14). Таким образом, главные герои пробуют совместно смоделировать новое прошлое, желаемое для обоих. Подобное отношение к прошлому присутствует и в «Утиной охоте» в сцене воспоминаний Галины и Зилова о своем первом вечере вдвоем, а в пьесе «Старший сын» (1969) – там, где Бусыгин вольно и невольно переделывает свое прошлое и получает отца. Творение прошлого в пьесе «Дом окнами в поле» идет неразлучно с его реконструкцией. «*Ничего не было*» (Вампилов, 2002, с. 14), «*Да, да... Будем вспоминать...*» (Третьяков) (Вампилов, 2002, с. 15). «*Я помню май... Вы веселый были...*» «*Я май хорошо помню... Вы пели, у вас ведь голос хороший, никогда бы не подумала...*» (Вампилов, 2002, с. 14). «*А из леса тогда мы за вами следом ехали...*» (Астафьева) (Вампилов, 2002, с. 15). Выход героев в общее прошлое и любовное пребывание в нем усложняется выходом в будущее внутри этого прошлого: «*А я думала, вы к нам в ходок сядете...*» (Вампилов, 2002, с. 15). Предвосхищенное, ожидаемое будущее осталось нереализованным в прошлом. В целом, выход героев в общее прошлое характеризуется тремя формами: реконструкция прошлого, конструирование нового прошлого – необычная по отношению к прошлому форма, и предвосхищенное в прошлом будущее, являющееся в момент разговора несостоявшимся прошлым. Так создается дробное, многомерное прошлое время в пьесе «Дом окнами в поле».

Прошлое структурно имеет три уровня – недавнее прошлое (совместные воспоминания о мае), прошлое давностью в три года и давнее прошлое, то, что было пять лет назад (рассказ Астафьевой о замужестве). «Третьяков: “Давно?”. Астафьева: “Пять лет прошло...”» (Вампилов, 2002, с. 18–19). Заметим, что в воспоминаниях молодой женщины о муже можно отметить только одну форму отношения – реконструкцию. Формы прошлого сближены судьбами двух главных героев и соотносятся с моментом их знакомства. О прошлом с давностью в три года говорится почти сразу после воспоминаний о замужестве героини. Движение из дальнего прошлого к настоящему линейно. «Астафьева: “Что и говорить! Вы проспали, все три года спали – и проспали! <...> И сейчас вы спите...” Третьяков: “Нет, не сплю. Выспался. За три года выспался...”» (Вампилов, 2002, с. 19). «Спал и преподавал географию. Преподавал географию и спал» (Вампилов, 2002, с. 20).

Третьяков не согласен с собственным сном в настоящем, но наличие сна в прошлом не отрицает. Превращение прошлого в сон, то есть реальности в нереальность, еще более усложняет форму времени в пьесе. Прошлое переводится в статус миража, грезы, «было-не было», и теряется линейность протекания в традиционной системе временных координат «прошлое – настоящее – будущее», размывая его логику. Часть прошлого как сон, небытие, словно выпадает из жизни Третьякова.

Не менее интересно и сложно представлено в пьесе настоящее время, то, что видится на сцене – «последняя» встреча героев, сцена прощания. Оно расслаивается, имеет два плана реализации: «сейчас» и «здесь» – в деревне и «сейчас» и «там» – в городе, которые контрастны друг другу. Время «здесь» фиксируется в реальности сельского труда: *«Только что отсеялись. Скоро сенокос» (Астафьева)* (Вампилов, 2002, с. 17). Противоречия деревенского и городского мира выделяют и обостряют причину встречи – необходимость выбора главного героя, принятия им решения. Герой словно находится на границе – там, в городе, где он был когда-то и возможно скоро будет, и здесь, где он находится сейчас.

Третьяков: <...> Летом в городе душно...

Астафьева: Зато – весело!

Третьяков: Летом город пуст...

Астафьева: В городе много развлечений!..

Третьяков: Ничего нового не придумали... (Вампилов, 2002, с. 19).

Каждый из героев высказывает спрятанные чувства: он – желание остаться, она – тревогу, что учитель уедет. Очевидна дихотомия: понятно – сложно, не душно – душно, полон людьми – пуст, труд – развлечения. Контрасты сельского и городского маскируют душевное несогласие героев, но это и попытка найти общее, стремление достичь понимания. Выделяются социальные проблемы духовной пустоты и иллюзорности жизни города, расширяющие рамки камерного любовного сюжета. Настоящее сценическое время, как и прошлое время в пьесе, имеет усложненную динамику. Так в конце диалога возникает момент, когда настоящее воспринимается как прошедшее. Заключительная реплика эксплицирует такую трансформацию. *«Третьяков: “Плевать, конечно, но все-таки интересно, о чем они только что говорили!”»* (Вампилов, 2002, с. 22). «Только что» уже перешло в прошлое и интересно героям постольку, поскольку оно было частью

их общего настоящего, только что возникшего. Фраза относится не только к тем, кто собрался на полянке и поет песни, но и к разговору самих главных героев, выделяя условность сценического. Она многогранна, во-первых, потому, что подчеркивает параллельность протекания в пьесе двух действий – в доме Астафьевой и на улице, во-вторых, потому, что акцентирует условность действия, поскольку песни и действия собравшихся на улице не только сопровождают действие, а дублируют, пропевают происходящее. Возникают жанровые сплетения с древнейшими формами хора в греческой трагедии, дополненные пародийными интонациями невидимого в пьесе хора. В целом, автор создает реально-ирреальное действие – одновременно с открытым, видимым протекает невидимое, по голосам которого можно только предполагать, что происходит вне дома.

В отношении героев к прошлому можно отметить формы как реконструкции, так и конструирования, но отношения с будущим еще сложнее. Первая попытка заглянуть в будущее возникает в начале пьесы, после общих воспоминаний о мае. *«Третьяков (обескуражен): “Объясните! Сейчас мне уйти нельзя, утром – тоже... Когда в таком случае? Ночью? Днем? Завтра? Послезавтра?”»* (Вампилов, 2002, с. 16). Возникает калейдоскоп вариантов будущего, каждый из которых определяет особый вид эмоциональных отношений главных героев – случайных или долгих. Одно перечисление времени ухода мужчины открывает полный спектр возможных его социальных ролей. Одно дело мужчина уйдет ночью, другое – утром, третий – днем, и совсем иное – завтра, тем более, послезавтра. Этот набор статусов связей мужчины и женщины, представленный в одной фразе – в однословных вопросах, выдает незаурядный драматургический талант автора уже в ранней пьесе. Перебор вариантов вызывает смех зрителей, но для героя этот перебор – экспликация собственных мыслей и проверка реакции женщины на них. Игра с моделями будущего воспринимается пока только как проба вынужденных возможностей; игра с ресурсами времени определяет возможный будущий социальный статус влюбленного.

Следующие вопросы Третьякова можно рассматривать как попытки осуществить один, вероятно, самый желанный, вариант. *«Что же все-таки делать? Может, мне жениться на вас?»* (Вампилов, 2002, с. 18). *«Третьяков (закрыв дверь): “Что же дальше?” Астафьева: “Что дальше?.. Вам лучше знать, что дальше...”»* (Вампилов, 2002, с. 20). Вопросы звучат ритмично, как

стук в дверь. Связь со стуком тем более очевидна, что стук в дверь следует сразу после реплики с вопросом. Стук и голоса за дверью углубляют ирреальность пьесы: неизвестный стук и голос без человека создают ощущение присутствия иного, не видимого мира.

В отношениях главных героев к будущему можно отметить не только конструирование, но и деконструкцию, определяющую специфику художественного времени А. Вампилова. «Третьяков: *“Мальчишка придет, пижон с новеньким глобусом... Откроете мою квартиру, покажете мою школу и – полюбите...”*» (Вампилов, 2002, с. 21). В словах главного героя будущее переведено в положение прошлого. Следующая фраза лексически и эмоционально фиксирует такую трансформацию: «*Грустная история*». Возврат из будущего в настоящее дает возможность оценить сконструированное, существующее как будто в статусе реальности. «Третьяков: *“А мне не нравится. И мальчик этот с глобусом – не нравится”*» (Вампилов, 2002, с. 21). Такое отношение к воображаемому не логично, поскольку выдает ощущение к будущему как к уже свершившемуся. Будущее в мыслях главного героя стало прошлым и его можно оценивать с позиции настоящего.

Деконструкция будущего продолжается в ходе диалога. «Третьяков: *“Забавно, но сейчас решается его судьба. Он в моих руках”*». Прозвучавший следом голос шофера (за дверью): «*Как же понимать? Едет учитель или не едет?*» (Вампилов, 2002, с. 21), – возвращает главного героя в настоящее, меняет временные координаты. Но замечательно, что вопрос «*едет учитель или не едет?*» в равной степени относится и к еще не уехавшему учителю, и к еще не приехавшему, существующему только в воображении Третьякова, то есть к его деконструкции будущего. Действие на сцене фиксирует simultанность временных пластов, их сдвиги, и этот временной сгусток обостряет момент выбора. Отказ Третьякова ехать («*Сегодня я никуда не еду...*») с лексическим и синтаксическим выделением настоящего равносителен решению судьбы выдуманного мальчишки-учителя, отказ ему в приезде. Так происходит окончательная перестройка воображаемого будущего. Творение будущего и его деконструкция помогают главному герою преодолеть мучительное состояние собственной нерешительности, сомнений, переживаний.

Время присутствует в пьесе и как мотив. Начальные ремарки направляют внимание режиссера на то, о чем думает главная героиня. «*Думает в это время, вероятно, о том, что время, в сущности, летит так быстро*» (Вампилов, 2002, с. 13). Образ

времени, которое летит быстро, задает вектор действию и развитию сюжета, выделяет его как доминанту. В предложении автор дважды употребляет слово «время», акцентируя значимость его для начала пьесы, обращает на него внимание режиссера-постановщика. Лаконичный итог заблуждениям Третьякова подводит главная героиня: «*Время у вас было...*» (Вампилов, 2002, с. 17). Но если в мыслях Астафьевой время летит быстро, то в драматургической ткани время также стремительно трансформируется: то двигается вперед, то возвращается, а возвращаясь, вырывается вперед, чтобы вернуться в настоящее, и опять стремится к будущему. Сложная нелинейная траектория течения времени в диалоге предопределяет развитие понимания героев, формирует сюжетную линию объяснения мужчины и женщины. Совместное недавнее прошлое (воспоминание о маме) объединяет героев, рождает резонанс общего чувства, но не дает внутреннего согласия. Особое чувство близости, стирающее разногласие и снимающее раздражение, сарказм и иронию, возникает у главных героев при обращении к прошлому, за пять лет до их встречи – воспоминание о замужестве Астафьевой. По мере выяснения причин своей размолвки с мужем молодая женщина дает выход искреннему сожалению, принятию прошлого таким, как есть, и в итоге отношения в настоящем углубляются. Возникает понимание и доверие разговаривающих друг к другу.

Основным рычагом в выборе, в принятии решения – остаться ли Третьякову в деревне – стал воображаемый выход главных героев в будущее, процесс его моделирования и последующей деконструкции, то есть творческое отношение ко времени, свобода перемещения внутри временных координат и в итоге создание нового реального будущего, уже совместного. В пьесе очевиден стык нереального и реального времени, воображаемого и осуществленного. Варьирование временных пластов, смена временных координат, перемещение персонажей во времени, соотношение реального и воображаемого, способного изменить реальность, формируют сюжет развития отношений главных героев, определяет диалектику их чувств и мыслей. При этом важно, что творение времени – воображаемое изменение его структуры, сдвиги временных пластов, трансформации не нарушают реальности происходящего, не становятся условностью, а виртуозно балансируют в жизненно мотивированном течении событий. В пьесе «Утиная охота» (1967) можно наблюдать подобный прием усложнения структуры и динамики художественного времени: время действия моделирует как сам драматург, так и главный герой

Зилов, переплетая прошлое, настоящее и будущее в сверхсложный узор. Но свобода перемещения во времени героев ранней пьесы А. Вампилова «Дом окнами в поле» уже обещает и формирует это неповторимое художественное время вампиловской драматургии.

Наряду с ирреальными трансформациями времени в пьесе присутствуют указания на конкретное настоящее: автор подсказывает время года (начало лета), месяц («*На лавке букет июньских цветов*»), время суток («*сумерки*», «*вечер*», что неоднократно упоминается в разговоре). Точность временных координат происходящего контрастна играм героев со временем, их свободе действия внутри временных координат. Конфликты точного и неопределенного, реального и ирреального создают внутреннее напряжение действия, пружину разговора, и у зрителя возникает ощущение пребывания на границе прошлого, настоящего и будущего, множественности и многоплановости изображенного мира.

Таким образом, в ранней пьесе А. Вампилова «Дом окнами в поле» обнаруживаются три основных вида действия героев со временем: реконструкция, конструирование и деконструкция, что углубляет психологическую логику диалога, обеспечивает многоплановость и динамику. Все три вида взаимодействия человека со временем равно значимы в пьесе и имеют определяющее значение для развития отношений влюбленных. При этом реалистическая традиция изображенного сохраняется благодаря форме воспоминаний о прошлом, предположений, представлений и предвосхищений будущего, отказа от воображения, и последующего возвращения из мыслимого в настоящее в новом эмоциональном состоянии. Конкретность реалистических временных координат, обозначенных автором в ремарках, привязывает происходящее к реальности.

Трансформации художественного времени в пьесе А. Вампилова «Дом окнами в поле», метафорически связанного со сценическим пространством и направленного им, представляют формы прошлого с элементами несостоявшегося будущего, ставшего уже прошлым, и формы будущего, воспринимаемого главными героями как настоящее, и будущего, воспринимаемого как прошлое. Лаконизм и ясная логика сценического пространства пьесы с линейностью потенциальных перемещений героев внутри него контрастна усложненной траектории мысленных перемещений героев во времени. Очевидно, что в ранней пьесе «Дом окнами в поле» присутствует сложно структурированное драматургическое

настоящее, которое обещает особое драматургическое пространственно-временное целое зрелых пьес А. Вампилова. Симультанность времени, насыщение настоящего дифференцированным прошлым и уходящим в прошлое будущим характеризует особую динамику и структуру пространства-времени драматурга. В «Утиной охоте», «Старшем сыне» сложные формы пространственно-временной организации создадут особый мир с миражностью, грезоподобностью, ирреальностью, отмеченными некоторыми исследователями [Владимирцев, 2008, с. 23–36]. Изучение структуры времени и пространства в пьесах А. Вампилова, их единства, помогает понять процессы формирования поэтики драматурга, природу его художественного мира.

Литература

Владимирцев В.П. Явление исторической поэтики: художественные идеи Достоевского в «загадочной» пьесе Александра Вампилова «Утиная охота» // *Alma mater* Александра Вампилова. Иркутск, 2008.

Дашевская О.А. Время в произведениях Вампилова // Мир Александра Вампилова: Жизнь. Творчество. Судьба. Иркутск, 2000.

Дашевская О.А. «Дом окнами в поле» // Мир Александра Вампилова: Жизнь. Творчество. Судьба. Иркутск, 2000.

Зырянова О.Н. А. Вампилов и С. Беккет (к проблеме поэтики абсурда) // *Alma mater* Александра Вампилова. Иркутск, 2008.

Иванова В.Я. Метафоры и метаформы времени в пьесе А. Вампилова «Утиная охота» // В мире Александра Вампилова. Иркутск, 2013.

Плеханова И.И. Александр Вампилов и Валентин Распутин: диалог художественных систем. Иркутск, 2016.

Смирнов С.Р. Сюжет третий. Четыре «дуэли» Лидии Астафьевой и Владимира Третьякова («Дом окнами в поле») // Недопетая песня...: Десять сюжетов из творческой лаборатории Александра Вампилова. Иркутск, 2005.

Список источников

Вампилов А. Драматургическое наследие. Иркутск, 2002.

References

Vladimircev V.P. *Yavlenie istoricheskoy poehtiki : hudozhestvennye idei Dostoevskogo v «zagadochnoj» p'ese Aleksandra Vampilova «Utinaya ohota»* [The phenomenon of historical poetics: Dostoevsky's artistic ideas in the «mysterious» play by Alexander Vampilov *Duck Hunt*]. *Alma mater Aleksandra Vampilova* [Alma mater of Alexander Vampilov]. Irkutsk, 2008.

Dashevskaya O.A. *Vremya v proizvedeniyah Vampilova* [Time in the Works of Vampilov]. *Mir Aleksandra Vampilova: Zhizn'. Tvorchestvo. Sud'ba* [The world of Alexander Vampilov: Life. Creation. Destiny]. Irkutsk, 2000.

Dashevskaya O.A. «*Dom oknami v pole*» [*The house with windows in the field*]. *Mir Aleksandra Vampilova: Zhizn'. Tvorchestvo. Sud'ba* [The world of Alexander Vampilov: Life. Creation. Destiny]. Irkutsk, 2000.

Zyryanova O.N. *A. Vampilov i S. Bekket (k probleme poetiki absurda)* [A. Vampilov and S. Beckett (on the problem of the poetics of the absurd)]. Alma mater Aleksandra Vampilova [Alma mater Alexandra Vampilova]. Irkutsk, 2008.

Ivanova V.Ya. *Metafori i metaformy vremeni v p'ese A. Vampilova «Utinaya ohota»* [Metaphors and Metaforms of Time in A. Vampilov's Play *Duck Hunt*]. V mire Aleksandra Vampilova [In the world of Alexander Vampilov]. Irkutsk, 2013.

Plekhanova I.I. *Aleksandr Vampilov i Valentin Rasputin: dialog hudozhestvennyh sistem* [Alexander Vampilov and Valentin Rasputin: a dialogue of art systems]. Irkutsk, 2016.

Smirnov S.R. *Syuzhet tretij. Chetyre «duehli» Lidii Astaf'evoy i Vladimira Tret'yakova («Dom oknami v pole»)* [The plot of the third. Four «duels» of Lydia Astaf'yeva and Vladimir Tret'yakov («The House with Windows in the Field»)]. *Nedopetaya pesnya...: Devyat' syuzhetov iz tvorcheskoj laboratorii Aleksandra Vampilova* [Unfinished song...: Nine plots from the creative laboratory of Alexander Vampilov]. Irkutsk, 2005.

List of sources

Vampilov A. *Dramaturgicheskoe nasledie* [Dramatic heritage]. Irkutsk, 2002.

О ВЕЧНОМ И ВРЕМЕННОМ: СЕМАНТИКА ЗАГЛАВИЯ РОМАНА РУТ ОЗЕКИ «МОЯ РЫБА БУДЕТ ЖИТЬ»

С.А. Ан, Я.П. Изотова

Ключевые слова: образ рыбы, вечное, временное, семантика, жизнь, смерть.

Keywords: image of fish, eternal, temporary, semantics, life, death.

DOI 10.14258/filichel(2019)1-11

В XXI веке у российского читателя пробуждается особый интерес к современной японской литературе: она «переводится сейчас с такой интенсивностью, о которой никакой японист еще не мог и мечтать лет десять назад, к тому же темпы эти растут (в издательских планах

крупнейших издательств постоянно встречаются японские имена)» [Чанцев, URL].

На рубеже XX-XXI веков активно осваиваются романы Харуки Мураками, который, по мнению критиков, «ворвался на российский книжный рынок со скоростью и решительностью цунами» [Мильчин, URL]. «Мураками-бум» [Мильчин, URL] сменился появлением новых имен современной японской литературы, среди которых – Рут Озеки, американка японского происхождения, человек увлеченный и образованный, который проявляет себя как знаток театра и кино, является исследователем классической японской литературы; в 2010 году удостоена сана буддийского священника.

Представляющий для нас исследовательский интерес роман Рут Озеки «Моя рыба будет жить» вошел в литературный мир как произведение, созданное «на перекрестке» реализма и фантастики. Обладающий большим познавательным потенциалом и блестяще стилистически оформленный, роман значится в шорт-листе премии «Букер-2013», является финалистом премии Национального круга книжных критиков-2014, лауреатом «Красного шупальца» («Лучший роман-2013»), премии «The Kitschies» и премии «Los Angeles Times Book Prize». Кроме того, это первое произведение иностранного автора на иностранном языке, получившее литературную премию в России [Ясная Поляна, URL].

Название романа «Моя рыба будет жить» – загадка, раскрывающаяся в его содержании: речь идет об остром, непримиримом конфликте между жизнью и смертью. По словам Ю.В. Бабичевой, «смысл заглавия раскрывается постепенно. <...> Заглавие, стало быть, может восприниматься еще и как план исследования текста, как компактный путеводитель по нему» [Бабичева, 2000, с. 62-63]. «Выбор заглавия требует большого мастерства. Чем оно сложнее в своем соотношении с текстом и контекстами произведения, чем более вобрало в себя функций, тем выше мастерство художника» [Бабичева, 2000, с. 64]. «Для интерпретации смыслового значения заглавия как структурного элемента произведения важен семантический и функциональный аспект одновременно», – отмечает Е.В. Комовская в работе «Поэтика заглавия как структурный элемент художественного мира А.А. Зиновьева» [Комовская, 2009, с. 110].

В заглавии изучаемого нами романа нашли свое отражение такие значимые для общества проблемы, как «инфантилизм взрослых, жестокость детей, отсутствие глубоких связей между людьми, страх смерти и страх жизни, безразличие человека к живому миру, насилие государственной системы» [Озеки, URL]. По словам Рут Озеки, роман

писался в надежде на то, что «к нам всем придет чувство глубинной связи со всеми этими насущными проблемами» [Озеки, URL]. Как писатель она замечает, что любой из ее персонажей «может быть просто крошкой или кусочком какой-то недопереваренной проблемы или неразрешенного невроза, который вдруг всплыл на странице книги в качестве персонажа» [Озеки, URL].

Название книги представляет собой формулу – образ рыбы, который неоднократно использует автор, отражает ее основную проблематику. Автор играет словом, которое несколько раз встречается в тексте. Этот образ – амбивалентен, символизирует жизнь и смерть одновременно: рыба живуча в воде, но быстро погибает «на воздухе», поэтому грань между жизнью и смертью рыбы очень тонка. Известно, что у японцев акула, относящаяся к классу хрящевых рыб, – «образ зла, смерти, опасности, но в то же время – посланец божества и помогает тем, кто ее почитает (божественная акула Семе)» [Топоров, 1980, с. 393]. В ряде мировых мифологических сюжетов, где гигантская рыба (или кит) проглатывает, а затем выпускает героя (как, например, в мифе об Ионе), рыба выступает как эквивалент нижнего мира, царства мертвых. Эти сюжеты символизируют процесс инициации, возрождение после символической смерти [Рыба, URL]. Так, рыба сом в средневековом японском сознании является «*причиной землетрясений*» (Озеки, 2016, с. 227)¹, скрываясь под островами.

Заглавие романа обладает семантической неоднозначностью и его смысл, полагаем, надо рассматривать в разных аспектах. В первую очередь заглавие связано с героиней романа Нао: рыбы чувствительны к боли, испытывают страдания, подобно животным и человеку, однако не все люди об этом знают из-за «молчания» рыб. Кроме того, рыбы имеют очень острое осязание, воспринимают вкус всей кожей. «Рыба хладнокровна и потому молчит как рыба <...> Она не умеет кричать – поэтому об умирающей рыбе и говорят “засыпает”» [Авченко, URL]. В мировой литературе нередко примеры отождествления рыбы с человеком. «Рыба тоже люди, – закончил Дерсу... Его тоже могу говори, только тихо. Наша его понимай нету» [Арсеньев, URL]. Героиня романа Нао, подобно рыбе, не выдает своей боли и мужественно терпит издевательства сверстников: «*Моей стратегией было просто их игнорировать, или не двигаться, как мертвая, или притворяться, что они не существуют. Я думала, может, это станет правдой настолько,*

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на текст: Озеки Р. Моя рыба будет жить. М., 2016.

что мои одноклассники поверят в это и прекратят меня пытаться, но они не прекращали» (Озеки, 2016, с. 60).

Подобно рыбе, девочка Нао не говорит окружающим ее взрослым, даже родителям, об издевательствах учеников. С опозданием проведенный материнский «тщательный досмотр» помог установить истину: *«Она нашла все синяки, все маленькие шрамы и царапины от ножниц, и даже лысое пятно на затылке, откуда мальчик, сидевший сзади меня, выдирал у меня волосы по одному»* (Озеки, 2016, с. 86).

Представление о животе как оместилище чувств характерно для жителей Востока, что отражается в его фольклоре. Так, известна пословица: *«Во рту мед, а в животе игла»* [Японские пословицы, URL].

Ощущение страха в животе, солнечном сплетении, испытанное девочкой, передается развернутой метафорой: *«Колени у меня обмякли, и я сползла на пол, скорчившись, баюкая рыбу. Она дернулась в последний раз, достав до самого горла, а потом упала обратно вниз и лежала там, судорожно глотая воздух. Я обняла ее. Она умирала у меня на руках»* (Озеки, 2016, с. 86). У русскоязычного читателя возникает ассоциация с выражением «животный страх» (как известно, слово «живот» происходит от «жизнь»). Таким образом, «рыба» в животе появляется в связи с угрозой жизни, жизненным основам человека.

Заглавие дает провокационный эффект: хотя в нем утверждается жизнь, тема смерти играет в тексте очень значимую роль. Так, в романе неоднократно появляется образ ритуального цветка: в описании вымышленных школьных похорон героини (образ белого бумажного цветка) и на похоронах монахини Дзико. Этот цветок – хризантема (раннее написание хризантем). Хризантемы – венец года, цветы без запаха, неяркая (часто белая) окраска которых соответствует осеннему времени, в которое они расцветают; цветы кладбищ, цветы могил. Поскольку тема смерти пронизывает весь роман Рут Озеки, хризантемы не могли не «вырасти» на его страницах.

Образ хризантемы и символичен, и выразителен: его цветы то завиты, как кудри, то плоски, как у астры, то мохнаты, то щетинисты, то крошечны, как пуговицы, то громадны, как подсолнух, словом, разнообразны без конца. В Японии хризантемы культивируют с незапамятных времен. Им увлекается все народонаселение, начиная с микадо и заканчивая рикшей. Изображение его священно, и правом носить одежду с его изображением, на основании государственных законов, пользовались только члены императорского дома.

Символика рыбы в восточных типах культур обладает множественностью значений. В романе Рут Озеки «Моя рыба будет

жить» рыба символизирует внутреннюю силу, стойкость и мужество. «Согласно легендам, карп может ловко плавать против течения и преодолевать пороги, а добравшись до истоков горной реки, он превращается во всемогущего дракона. Карп – это еще и символ “праздника мальчиков” (некое подобие инициации), отмечаемого 5 мая. В этот день над домами поднимают на шестах матерчатых или бумажных змеев с изображением карпов. Чем выше реет змей, тем более высокого положения суждено достичь мальчику. Кроме того, японское название карпа – кои – омонимично слову “любовь”» [Визитная карточка японской кухни, URL].

Недаром ведущие деятели японского искусства обращались к образу рыбы в разных видах и жанрах. Так, широко известный на Западе, в Канаде и Америке японский художник Дзэсин Сибата (1807 – 1891), с творчеством которого была знакома Озеки, написал картину под названием «Карп», на которой голова рыбы с разинутым ртом и выразительным глазом олицетворяет экспрессию, мощную внутреннюю силу.

Терпением и внутренней стабильностью обладает муж писательницы Рут, Оливер, который, по мнению островитян, *«жарит рыбу в особой сковородке»* (Озеки, 2016, с. 67), о чем повествуется в романе. «Оливер не особенно беспокоился. Он смотрел на вещи со своей перспективы» (Озеки, 2016, с. 72). *«Терпение было частью его природы, и он спокойно принимал выпавший ему жребий короткоживущего млекопитающего, шмыгающего туда-сюда между корнями гигантов»* (Озеки, 2016, с. 73).

В романе Рут Озеки «Моя рыба будет жить» сообщается о том, что *«в Японии у некоторых слов есть котодама – это дух, который обитает в слове и придает ему особую силу»* (Озеки, 2016, с. 115). Котодама английского слова *now* ассоциировался у Нао со скользкой рыбой – гладким толстым тунцом с большим животом, головой и хвостиком поменьше. Столь же непривлекательно выглядит с собственной точки зрения и сама девочка: *«я выглядела (и сама ощущала себя) как огромная перезрелая вонючая дубина»* (Озеки, 2016, с. 57).

По ее ощущению, *«NOW был вроде большой рыбы, которая глотала маленькую»* (Озеки, 2016, с. 116), и девочке хотелось поймать его и *«заставить прекратить это занятие»* (Озеки, 2016, с. 116). Маленькая героиня была уверена или тешила себя надеждой, что, став взрослой, она сможет по-настоящему понять смысл большой рыбы NOW, тогда она сможет спасти маленькую рыбку Наоко, но слово «вечно» ускользало от нее. Корни таких

представлений – в японской мифологии, фольклоре, в частности, пословицах и поговорках, где делается акцент на различиях между большой (крупной) и мелкой рыбой: «Мелкая рыба вместе с большой плавает», «В прозрачной воде крупная рыба не водится», «Большая рыба в маленьком пруду не водится» [Японские пословицы, URL]

В связи с этим девочка рассуждала о соотношении вечного и временного. Согласно ее размышлениям, *«пока ты произносишь “сейчас”, оно уже кончилось. Оно уже превратилось в “тогда”. “Тогда” – это противоположность “сейчас”. Так что “сейчас” уничтожает собственное значение, когда его произносишь. Вроде как слово совершает самоубийство»* (Озеки, 2016, с. 116). Пытаясь найти выход из этого тупика, девочка по имени Нао начинает его сокращать...now, ow, oh, o... *«Пока это не стало просто россыпью невнятных маленьких звуков, вообще совсем даже не словом»* (Озеки, 2016, с. 116). Но *«это было безнадежно»* (Озеки, 2016, с. 116). Подросток, исходя из собственного небольшого жизненного опыта, сравнивает этот словотворческий процесс с тщетной попыткой удержать снежинку или поймать мыльный пузырь. Пойманные, они прекращали свое существование, и девочка чувствовала, что она исчезает тоже.

В романе остро поставлена проблема эмиграции. *«В Японии существуют специальные наверстывающие школы для детей-кикокусидзе вроде меня, которые сильно отстали от японских сверстников после нескольких лет пребывания в тупых американских школах, пока их папы работали на свои компании за границей»* (Озеки, 2016, с. 54). Издевательствам, травле в школе («идзимэ») девочка стала подвергаться по причине того, что семья Нао переехала из Америки, и ее родители *«не могли себе позволить дорожную школу для кикокусидзе»* (Озеки, 2016, с. 54), а отдали Нао в государственную среднюю школу. Нетерпимое отношение японцев к эмигрантам объясняется тем, что Япония – одна из самых моноэтнических стран мира, в которой *«японцы составляют 98 % населения страны»* [Мигранты в Стране восходящего солнца..., URL]. Почти весь XX век в стране проводилась жесткая иммиграционная политика.

Конфликт двух поколений виден на примере взаимоотношений Нао с родителями, трагическая глубина которого выверяется нарушением в «семейственности», в связях между родителями и девочкой. Испытывая социальную неустроенность, повлекшую за собой психологические проблемы, родители девочки не уделяют должного внимания своему ребенку, не интересуются ее школьными

делами, из-за чего она балансирует между жизнью и смертью (выходом из конфликта с одноклассниками мог бы стать суицид). Не случайно в романе Озеки писательница, нашедшая дневники отверженной окружением Нао, сопереживающая ей, носит древнееврейское имя Рут, упоминаемое в Ветхом Завете, которое означает «друг», «подруга».

То, что происходит в семье эмигрантов, не типично для семей коренного населения. Обычно «японских детей балуют, холят и лелеют. К ним относятся как к "драгоценному подарку Неба", так что дети всегда желанны. <...> Родители нежат своих отпрысков – как в финансовом, так и в психологическом плане – практически бесконечно» [Эти странные японцы. Семья., URL]. Конфликт романа «Моя рыба будет жить» в социальной сфере не замыкается. Противоречия зашли очень глубоко, коснувшись природных основ бытия.

Нао переживает трудный подростковый возраст. В произведении поставлен вопрос: когда сформируется сознание человека? Героиня романа, монахиня буддийского монастыря, полагает, что в 105 лет, считая себя еще недостаточно мудрой в свои 104 года. Монахиня не может пробиться к юному, еще не развитому сознанию девочки, но подросток чувствует это доброжелательное усилие, и зерно падает в почву, которая с возрастом уже стараниями самой девочки даст необходимый всход. То благотворное влияние, которое оказывает на девочку монахиня Дзико, можно передать словами известной японской пословицы «*Налови мне рыбы – и я буду сыт сегодня; а научи меня ловить рыбу – так я буду сыт до конца жизни*». Рут Озеки, сама буддистка, понимает, что беседы девочки с монахиней принесут в свое время зрелые плоды. Беседы, описанные в романе, преодолели границы сложного философского учения, в рамках которого были созданы, и стали служить достижениям мировой культуры, обогащая любого человека, прикоснувшегося к его мудрости. Старая монахиня Дзико оказывает самое сильное и благотворное влияние на мироощущение правнучки, героини романа. Нао, девочка, недолюбленная в семье и совершенно не принятая в коллектив класса, в котором ей довелось учиться, чувствовала заинтересованность в ней старушки-монахини. Она вслушивалась в рассказы и вопросы девочки. «*И, пока девочка говорила, она просто слушала и все перебирала бусины дзюдзу по кругу, раз за разом, и я знала, – пишет в дневнике Нао, – что каждая бусина, которую она двигала, – это молитва за нее. Мелочь, казалось бы, но все-таки кое-что*» (Озеки, 2016, с. 197).

Весь роман Рут Озеки «Моя рыба будет жить» пропитан экзистенциальными размышлениями и самой писательницы, как героини книги, и большинства ее героев: мужа писательницы Рут, Нао, ее отца. И

эти размышления порой делают героев эстетически ущербными. Духовную, нравственную слабость эстетического существования писательница видит в осознанном нежелании героев принять себя такими, какими они являются в действительности: их больше устраивают другие «Я», обладающие, с их точки зрения, каким-либо преимуществом: красотой, силой, умом, талантом, удачливостью, наконец. Такой человек в воображении подменяет свое действительное «Я» другим, и некоторое время ему удается так существовать. В ожидании счастливого случая и в надежде на перемены они совершают лишь краткие визиты к своему «Я», желая удостовериться, не начались ли уже долгожданные изменения.

Разрозненные вспышки эстетически значимого существования лишены у героев последовательности и единства, они ничем не скреплены друг с другом, случайны и порой оторваны от реалий окружающей их действительности. И поэтому вместо определенности «Я» здесь наличествуют так и не состоявшиеся возможности и миражи воображения, гипертрофированная безличность и в конечном счете – аморализм некоторых описанных в романе сцен.

Таким образом, экзистенциальные размышления, которые выражает сама писательница и ее герои, представленные в потоке сознания, дневнике Нао, письмах монахини Дзико, в рукописях матроса и романистки, утверждают жизнь, с одной стороны, и подвергаются тлену смерти – с другой. В этом «пререкании» живого и мертвого высвечивается мощный фон вечного, пронизанный ценностями временного. Такой вывод можно сделать на основе анализа семантики заглавия романа «Моя рыба будет жить». Апофеозом жизни является иероглиф росток (жизнь), выведенный рукой умирающей Дзико-монахини, уходящей из временного мира в вечный. В романе рефреном является мысль: если бы время просто уносило прочь, между людьми и временем существовало бы разделение. Чтобы добиться истинного понимания времени, герои романа, по замыслу писательницы, приходят к осознанию того, что каждое существо во всем мире связано со всеми остальными существами, подобно моментам времени. Потому что каждый момент – это существо времени. Это и есть временное существование каждого существа, будь это хризантема, рыба или человек.

Литература

Авченко В.О. Кристалл в прозрачной оправе: рассказы о воде и камнях [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.ru/books?id=h-pcCwAAQBAJ>.

- Арсеньев В.К. Дерсу Узала [Электронный ресурс]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=2900>.
- Бабичева Ю.В. Поэтика заглавия // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2000. № 6.
- Визитная карточка японской кухни [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/6274>.
- Комовская Е.В. Поэтика заглавия как структурный элемент художественного мира А.А. Зиновьева // Вестник Брянского государственного университета. Брянск. 2009. № 2.
- Мигранты в Стране восходящего солнца. Почему в Японии плохо с демографией и как страна может решить эту проблему? [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/97946-migranty-v-strane-voshodyaschego-solnca-pochemu-v-yaponii-ploho-s-demografey-i-kak-strana-mozhet-reshit-etu-problemu.html>.
- Миљичин К.А. Шаги командора: как Харуки Мураками завоевал Россию [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/opinions/4048885>.
- Озеки Р. Выкопать чувства, которые лежат в глубине [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psychologies.ru/people/razgovor-s-ekspertom/rut-ozeki-vuykopat-chuvstva-kotoryie-lejat-v-glubine/>.
- Рыба. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newacropol.ru/Alexandri/fish/>.
- Топоров В.Н. Рыба // Мифы народов мира. М., 1980.
- Чаңцев А.В. После моды на Мураками: японская литература в России нового века // Новое литературное обозрение. М., 2004. № 69. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/69/cha20.html>.
- Эти странные японцы. Семья. [Электронный ресурс]. URL: <http://miuki.info/2014/12/eti-strannye-yaponcy-semya/>.
- Японские пословицы [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikiquote.org/wiki/японские_пословицы.
- Ясная поляна 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yppremia.ru/2015/>.

Список источников

Озеки Р. Моя рыба будет жить. М., 2016.

References

- Avchenko V.O. *Kristall v prozrachnoy oprave: rasskazy o vode i kamnyakh* [Crystal in a Transparent Frame: Stories about Water and Stones]. URL: <https://books.google.ru/books?id=h-pcCwAAQBAJ> (accessed 24.11.2018).
- Arsen'yev V.K. *Dersu Uzala* [Dersu Uzala]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=2900> (accessed 05.11.2018).
- Babicheva Yu.V. *Poetika zaglaviya* [Poetics of the Title]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University]. 2000. No.6.
- Vizitnaya kartochka yaponskoy kukhni* [Business card of Japanese food]. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/6274/> (accessed 12.10.2018).
- Komovskaya E.V. *Poetika zaglaviya kak strukturnyy element khudozhestvennogo mira A.A. Zinov'yeva* [Poetics of the title as a structural element of the artistic world A.A. Zinoviev]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Bryansk State University]. Bryansk, 2009. No.2.
- Migranty v Strane voskhodyashchego solntsa. Pochemu v Yaponii plokho s demografiyey i kak strana mozhet reshit' etu problemu?* [Migrants in the Land of the Rising

Sun. Why is Japan bad with demographics and how can a country solve this problem?]. URL: <https://topwar.ru/97946-migranty-v-strane-voshodyaschego-solnca-pochemu-v-yaponii-ploho-s-demografiej-i-kak-strana-mozhet-reshit-etu-problemu.html> (accessed 08.09.2018).

Mil'chin K.A. *Shagi komandora: kak Haruki Murakami zavoyeval Rossiyu* [Commander's steps: how Haruki Murakami conquered Russia]. URL: <http://tass.ru/opinions/4048885> (accessed 14.10.2018).

Ozeki R. *Vykopat' chuvstva, kotoryye lezhat v glubine* [Digging up feelings that lie in the back]. URL: <http://www.psychologies.ru/people/razgovor-s-ekspertom/rut-ozeki-vyikopat-chuvstva-kotoryye-lezhat-v-glubine/> (accessed 06.11.2018).

Ryba. [A Fish]. URL: <https://www.newacropol.ru/Alexandria/symbols/fish/> (accessed 29.10.2018).

Toporov V.N. *Ryba* [A Fish]. *Mify narodov mira* [Myths of the Peoples of the World]. Moscow, 1980.

Chantsev A.V. *Posle mody na Murakami: yaponskaya literatura v Rossii novogo veka* [After the fashion for Murakami: Japanese literature in Russia of a new century]. *Novoye literaturnoye obozreniye* [New Literary Review]. Moscow, 2004. No. 69. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/69/cha20.html> (accessed 04.12.2018).

Eti strannyye yaponsy. Sem'ya. [These strange Japanese. Family]. URL: <http://miuki.info/2014/12/eti-strannyye-yaponcy-semya/> (accessed 10.11.2018).

Yaponskiye poslovitsy [Japanese proverbs]. URL: <https://ru.wikiquote.org/wiki> (accessed 14.10.2018).

Yasnaya Polyana [Yasnaya Polyana]. URL: <http://www.yppremia.ru/2015/>.

List of sources

Ozeki R. *Moya ryba budet zhit* [My Fish Will Live]. Moscow, 2016.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ИДЕОГРАММЫ ‘ПРОСЕКА’ В ДИАЛЕКТАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ

О.А. Тейш

Ключевые слова: лексема, семантика, значение, русский язык.

Keywords: lexeme, semantics, meaning, the Russian language.

DOI 10.14258/filichel(2019)1-12

Географическая лексика Европейского севера России представляет собой обширный корпус слов как русского, так и иноязычного происхождения. Специфика территории, сложной в ландшафтном отношении, обуславливает обилие лексем с детализированной дифференциальной семантикой. До настоящего момента этот обширный материал не подвергался отдельному рассмотрению. Некоторые лексемы исконного происхождения так или иначе интерпретировались как в этимологических словарях [Фасмер; ЭССЯ], так и в работах сводного характера (см., например: [Куркина, 2011, с. 367]). Исследованием, посвященным географической лексике отдельного региона России (Тюменской области), является книга Н.В. Лабунец «Русская географическая терминология в ситуации языкового контакта» [Лабунец, 2007]. Самостоятельным исследованием по лексике Белозерья (западная часть Вологодской области и юго-западная Архангельской) является работа Л.А. Субботиной «Заимствования в географической терминологии Белозерья» [Субботина, 1984]. Около десятка финно-угорских по происхождению географических лексем, зафиксированных на юго-востоке Вологодской области и в западной части Костромской области, описано в работе О.В. Вострикова «Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья»

[Востриков, 1981, с. 3-45]. Отдельные термины ландшафта, распространенные на побережье Белого моря, рассматривались Н.В. Кабининой в связи с интерпретацией субстратной топонимии региона в работах «Топонимия дельты Северной Двины» [Кабинина, 1997], «Субстратная топонимия Архангельского Поморья» [Кабинина, 2011]. Названия лесных локусов в аспекте соотношения своего и чужого являлись предметом диссертации О.В. Мищенко «Лексика лесных локусов в говорах Русского Севера» [Мищенко, 2000]. Несмотря на интенсивное изучение географической лексики, целый ряд идеограмм оказался нерассмотренным. Таковой является избранная предметом внимания в данной статье идеограмма 'просека', этимологической интерпретации лексических обозначений которой посвящена данная работа.

В лесных пространствах с целью определения границ лесных участков вырубается узкая полоса леса. Эта полоса служит также задачам защиты леса от пожара. Общерусским наименованием 'полосы в лесу, лесопарке, очищенной от деревьев' является *про́сека* [ТСРЯ, с. 763]. В диалектах слово подвергается варьированию по роду (*про́сек* 'просека' (Яр.: Люб., Пош.) [КСГРС], (Морд.) [СРГРМ, т. 2, с. 995], *просе́к* 'то же' (Арх.: Кон.; Влг.: Сок.) [КСГРС], (Морд.) [СРГРМ, т. 2, с. 995]) и имеет суффиксальное производное *просе́чка* 'то же' (Мурм.: Канд.) [СРГК, т. 5, с. 294], (Морд.) [СРГРМ, т. 2, с. 996]. Корень *сек-* (< праслав. **sek-*, представленный в русск. *сечь* 'срубить, обрубать' [ТСРЯ, с. 877]), отражен также в дериватах *се́ча* 'просека' (Яр.: Некр.) [КСГРС], *за́сека* 'то же' (Киров.: Халт.) [КСГРС], *засе́ка* 'то же' (Яр.: Пош.) [КСГРС], *засе́ка* 'то же' (Костр.: Буйск.) [СГКЗ, с. 127], *осек* 'то же' (Арх.: Он.; Карел.: Медв.; Ленингр.: Кириш.) [СРГК, т. 4, с. 239], *пересе́ка* 'прямая полоса вырубленного леса; просека' (Яр.: Брейт., Преч.) [ЯОС, т. 7, с. 98], *ро́ссек* 'просека' (Костр.: Макар.) [КСГРС].

Поскольку просеки разделяют леса на кварталы, при прорубании просеки важна точность направления вырубаемой полосы. Для установления надежного направления используют специальный прибор – *визир* (< немец. *visier* 'визир оптического прибора', производный от глагола *visieren* 'наводит прибор на что-либо'). От наименования прибора производны русск. диал. *ви́зир* 'узкая просека' (Влг.: Тот.) [КСГРС], *ви́зир* 'узкая лесная просека, ограничивающая лесную делянку' (Арх.: Вель., Вил., Вин., К.-Б., Кон., Лен., Леш., Нянд., Он., Пин., Прим., Уст., Шенк.) [АОС, т. 4, с. 95], 'узкая просека' (Арх.: Вин., В.-Т., Котл., Леш., Холм.; Влг.: Тот.) [КСГРС], 'узкая просека в лесу' (Яр.: Ареф.) [ЯОС, т. 3, с. 19], *визира́* 'узкая просека' (Арх.: Вил., Вин., В.-Т., Леш., Мез., Пин.; Влг.: Ваш., М.-Реч.; Костр.:

Кологр.; Яр.: Пош.) [КСГРС], 'узкая лесная просека, ограничивающая лесную делянку' (Арх.: Вил., К.-Б., Кон., Мез., Нянд., Он., Пин., Холм.) [АОС, т. 4, с. 95-96], 'узкая просека в лесу' (Новг.: Новг., Оп., Хв.) [НОС, т. 1, с. 126], (Яр.: Ареф.) [ЯОС, т. 3, с. 19], 'просека в лесу' (Костр.: Чухл.) [СГКЗ, с. 53], *визірь* 'узкая лесная просека, ограничивающая лесную делянку' (Арх.: Уст.) [АОС, т. 4, с. 96], *визірка* 'узкая просека' (Влг.: Тот.) [КСГРС], *визірка* 'то же' (Арх.: В.-Т.; Влг.: Бабуш., Кир.; Яр.: Пош.) [КСГРС], 'узкая просека в лесу' (Яр.: Тут.) [ЯОС, т. 3, с. 19], 'узкая лесная просека, ограничивающая лесную делянку' (Арх.: Вель., Вин., Кон., Леш., Он., Пин., Уст., Холм.) [АОС, т. 4, с. 96], *визірочка* 'узкая лесная просека, ограничивающая лесную делянку' (Арх.: Вил.) [АОС, т. 4, с. 96], *визірчик* 'узкая просека' (Арх.: Уст.; Влг.: Тот.) [КСГРС], *визірька* 'узкая просека' (Влг.: Тот.) [КСГРС], *визіт* 'узкая просека' (Влг.: Ньюкс.) [КСГРС].

Колебания безударного вокализма отражены в *везіръ* 'узкая лесная просека, ограничивающая лесную делянку' (Арх.: Он., Уст.) [АОС, т. 3, с. 79], 'узкая просека' (Арх.: В.-Т.) [КСГРС], *везіра* 'узкая лесная просека, ограничивающая лесную делянку' (Арх.: Кон.) [АОС, т. 3, с. 79], 'узкая просека' (Арх.: Плес.; Влг.: Шексн.) [КСГРС], *везірка* 'узкая лесная просека, ограничивающая лесную делянку' (Арх.: Кон.) [АОС, т. 3, с. 79], *везіръ* 'то же' (Арх.: Кон.) [АОС, т. 3, с. 79]. Внутрисловные фонетические трансформации в слове с неясной внутренней формой представлены в вариантах *векзіръ* 'узкая просека' (Арх.: В.-Т.) [КСГРС], *вигзірка* 'узкая лесная просека, ограничивающая лесную делянку' (Арх.: Шенк.) [АОС, т. 4, с. 86].

Имеются конкретизирующие наименования: *визіра граничная* 'широкая просека, являющаяся внешней границей лесной делянки' (Арх.: Пин.) [АОС, т. 4, с. 96], *визіра тóмная* 'узкая просека внутри лесной делянки' (Арх.: Пин.) [АОС, т. 4, с. 96]. В последнем случае определение *тóмная* нужно рассматривать как диалектный вариант общерусск. *темная* с отвердением *т*.

Поскольку прокладывание просеки осуществляется в ходе длительной работы по расчистке от растительности полосы лесного массива, наибольшее количество лексических наименований просек отглагольно. Центральным является корень *руб-* (ср. *рубить* 'ударяя чем-нибудь острым, разделять на части, отсекаать, размельчать' (< праслав. **ropiti*) [ТСРЯ, с. 841]): *вѣруб* 'просека' (Влг.: Выт.) [КСГРС], *порубы* 'просеки в лесу' (Вят.) [Зеленин, с. 124], *прóруб* 'просек' (Морд.) [СРГРМ, т. 2, с. 994], *разруб* 'просека' (Влг.: Бел.) [КСГРС], (Арх.: Он.; Влг.: Баб.) [СРГК, т. 5, с. 434].

Деструктивная семантика отражена в *разры́в* 'просека' (Карел.: Медв.) [СРГК, т. 5, с. 434] (ср. *разрыва́ть* – несов. к *разорва́ть* 'резким движением, рывком разделить на части, нарушить цельность чего-нибудь' [ТСРЯ, с. 801]), *зава́л* 'просека' (Арх.: Карг.) [КСГРС] (ср. *завали́ть* 'обрушить, накренить' [ТСРЯ, с. 241]).

Просека нередко является пространством, по которому укладывается дорожное полотно либо сооружается временная дорога для вывоза заготовленного леса: *пути́ще* 'просека, широкая тропа' (Арх.: Он.) [СРГК, т. 5, с. 360] (ср. *пу́ть* 'полоса земли, предназначенная для передвижения, путь сообщения' [ТСРЯ, с. 780]), *во́лок* 'расчищенное место в лесу, широкая просека, по которой трактора вытаскивают волоком лес' (Яр.: Пош.) [ЯОС, т. 3, с. 31] (ср. *воло́чь* 'тащить, тянуть по земле' [ТСРЯ, с. 107]), *кати́ще* 'просека, по которой возят лес' (Арх.: Холм.) [КСГРС] (ср. *кати́ть* 'двигать, вращая или заставляя скользить по какой-нибудь поверхности, а также двигать предмет, имеющий колеса' [ТСРЯ, с. 329]).

Просеки нередко вырубает с целью защиты леса от распространения пожара: в этом случае просека является естественной преградой для вспыхнувшего огня. «Защитная» функция просеки отражена во внутренней форме лексемы *перéйма* 'участок леса без деревьев, просека, перешеек' (Карел.: Кондоп.) [СРГК, т. 4, с. 446] (ср. русск. литер. *переня́ть* 'перехватить, преградить путь кому-чему-нибудь' [ТСРЯ, с. 631]). Полоса вырубленного леса является границей между лесными массивами, и этот естественный признак маркируется корнем и приставкой *меж-*: *межи́на* 'просека' (Арх.: Плес.) [КСГРС], *межо́вка* 'то же' (Арх.: Шенк.) [КСГРС] (ср. русск. литер. *межа́* 'граница земельных участков, владений' [ТСРЯ, с. 437]), *межу́галок* 'просека' (Влг.: Устюж.) [КСГРС] (ср. русск. литер. *меж-* 'образует существительные и прилагательные со значением 'между'' [ТСРЯ, с. 437]).

Семантика свободного от леса, открытого пространства обозначается с помощью лексем *прога́л* 'просека' (Костр.: Пыщуг.) [КСГРС] (связано чередованием гласных с *го́лый* 'о местности: лишенный растительности' [ТСРЯ, с. 160]), *распо́лка* 'просека' (Морд.) [СРГРМ, т. 2, с. 1068] (ср. др.-русс. *по́лый* 'открытый' [ТСРЯ, с. 692]), *поло́ска* 'просека' (Ленингр.: Сланц.) [СРГК, т. 5, с. 59] (ср. др.-русс. *полоса* 'узкий участок земли' [ТСРЯ, с. 689]).

Внутренняя форма лексемы *отда́ль* 'просека' (Арх.: Шенк.) [Опыт, с. 146], 'просека в лесу' (Арх.: Шенк.) [Подвысоцкий, с. 112] прояснена в формулировке значения, представленной в словаре В.И. Даля: *отда́ль* 'прозор, далекий, стесненный по бокам,

перспективный вид; просек, просека в лесу' (Арх.) [Даль, т. 2, с. 721], ср. русск. литер. *отдалить* 'сделать более далеким' [ТСРЯ, с. 585].

Семантика направления отражена во внутренней форме лексемы *восточка* 'просека, ведущая на восток' (Арх.: Мез.) [КСГРС].

Единственной лексемой, отражающей во внутренней форме и семантике связь с промысловой деятельностью человека, является *плóха* 'просека, где натягивают сеть для ловли птиц' (Сев.) [СЛПП, т. 2, с. 33]: следует предполагать в корне лексемы реализацию гиперкорректного оканья, ср. *плáха* 'ловушка на мелких зверей' (Влг.: Кадн.) [СРНГ, т. 27, с. 102].

Заемствования в лексических наименованиях просек немногочисленны.

Диалектное *ворга́* 'просека, проход, не занятое лесом место' (Арх.: Пин.) [КСГРС] представляет собой частную реализацию сев.-русск. *во́рга*, *ворга́* с широким спектром значений: 'ручей, протока между островами, отмелями, на болоте' (Арх.: Пин., Прим.), 'узкий длинный залив' (Арх.: Прим.) и т.д. [КСГРС]. Источником заимствования являются прибалтийско-финские языки, ср.: фин. *varho* 'колея, борозда, паз', 'след на земле, проделанный колесом повозки, санным полозом или дождевой водой' [SKES, vol. 6, p. 1653].

Лексемы *lána* 'просека в сосновом лесу' (Яр.: Рыб.) [ЯОС, т. 5, с. 120], *láпина* 'то же' (Яр.: Бор.) [ЯОС, т. 5, с. 120] лингвогеографически и семантически наиболее надежно интерпретируются в сравнении с мар. *лап* 'низкий', *лапка* 'низкий, невысокий', 'плоский' [МРС, с. 281].

Русск. яросл. *лы́вина* 'просека в лесу' (Яр.: Арэф.) [ЯОС, т. 6, с. 21] при учете очерченной выше деструктивной модели в номинации просек сопоставимо с карел. *lytšistyö* 'рухнуть, обвалиться, обрушиться', 'повалиться, осесть', ~ фин. *lytty: olla lytysä* 'быть сплюсненным', *mennä lyttyyn* 'получаться сплюсненным, смятым, сжатым', эст. диал. *lūdus* 'кучей', 'полностью осев', *lūdistä-* 'присесть, присесть' [SKES, vol. 2, p. 318; SSA, vol. 2, p. 120]. Соответствие прибалт.-фин. *ü* ~ субстр. *y* (> русск. *ы*) описано и обосновано А.К. Матвеевым [Матвеев, 2001, с. 138-140].

Прибалтийско-финское происхождение имеет лексема *ра́ека* 'просека' (Влг.: Выт.) [СРГК, т. 5, с. 391]: < карел. *rajakko* 'раскорчеванный участок' [Kalima 1919, s. 194; Фасмер, т. 3, с. 432].

Сужение значения литер. *магистраль* 'основное направление, главная линия в системе какой-нибудь коммуникации, сети' представлено в *магистра́л* 'широкая просека в лесу' (Арх.: В.-Г.)

[КСГРС]. Лексема заимствована из немец. *Magistrale* ‘магистраль, магистральная линия’, восходящего к латин. *magistralis* ‘большой, главный’ [ТСРЯ, с. 423].

Семантическим дериватом русск. литер. *плани́эт* ‘укрепляемая на треноге доска для полевой топографической съемки’ (< франц. *planchette* ‘дощечка или папка, на которой укрепляются компас и бумага при глазомерной съемке’) [ТСРЯ, с. 648] является *плани́эт* ‘центральная просека в лесу’ (Карел.: Прион.) [СРГК, т. 4, с. 532]. Через посредство литературного языка (ср. *про́филь* ‘сечение, разрез чего-нибудь’, ‘разрез земной поверхности – место, где осуществляется геологическая разведка’, заимствованное из немец. *Profil* ‘профиль, разрез, контур’, восходящего к итал. *profilo* ‘контур, силуэт, очертание’ [ТСРЯ, с. 771]) в диалекты проникло слово *про́филь* с более узкой семантикой ‘просека’ (Арх.: Мез.) [КСГРС].

Тюркизмом является прилагательное *сабанний*, отмеченное в сочетании *сабанная доро́га* ‘прямая просека, расчищенная для вывоза леса’ (Арх.) [Даль, т. 4, с. 126], ср. татар. *сабан* ‘плуг’, ‘плуговой’, ‘пахота’, ‘пахотный’ [ТатРС, с. 251]. Плуг используется для обработки земной поверхности с целью взрыхления и последующего выравнивания почвы. При прокладке дороги по просеке пространство подвергали вспашке.

Метафора в наименованиях просек редка, является анатомической или бытовой: *жи́ла* ‘просека’ (Влг.: В.-Важ.) [КСГРС], *проно́га*, *проно́жина* ‘просека’ (Влг.: Сок.) [КСГРС], *проу́шина* ‘расчищенное пространство в лесу, просека’ (Ленингр.: Кириш.) [СРГК, т. 5, с. 314], *труба́* ‘просека в лесу’ (Арх.: Уст.) [КСГРС], ‘просека’ (Морд.) [СРГРМ, т. 2, с. 1342], *у́зел* ‘поворот просеки’ (Костр.: Меж.) [КСГРС].

В целом, лексическая группа названий просек демонстрирует разнообразие деривационных путей формирования лексического комплекса: исконные лексемы отражают во внутренней форме многообразие признаков. Заимствования имеют разнообразные источники от индоевропейских до тюркских и финно-угорских.

Литература

Востриков О.В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья. Этимологические исследования. Свердловск, 1981.

Кабинина Н.В. Топонимия дельты Северной Двины: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997.

- Кабинина Н.В. Субстратная топонимия Архангельского Поморья. Екатеринбург, 2011.
- Куркина Л.В. Культура подсеčno-огневого земледелия в зеркале языка. М., 2011.
- Лабунец Н.В. Русская географическая терминология в ситуации языкового контакта. Тюмень, 2007.
- Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 1. Екатеринбург, 2001.
- Мищенко О.В. Лексика лесных локусов в говорах Русского Севера: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000.
- Субботина Л.А. Заимствования в географической терминологии Белозерья: дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1984.
- Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen // MSFOu, XLIV. Helsinki, 1919.

Словари и источники

- АОС – Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г. Гецовой. М., 1980–. Вып. 1–.
- Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1–4.
- Зеленин – Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991.
- КСГРС – Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).
- МРС – Марийско-русский словарь. М., 1956.
- НОС – Новгородский областной словарь / Отв. ред. В.П. Строгова. Новгород, 1992–1995. Вып. 1–12.
- Опыт – Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852.
- Подвысоцкий – Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- СГКЗ – Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья. Ярославль, 2012.
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6. / Гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1994–2005.
- СРГРМ – Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР. Саранск, 1978–2001. Т. 1–6.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.; Л., 1965–.
- ТатРС – Татарско-русский словарь. Под ред. проф. Ф.А. Ганиева. Казань, 1988.
- ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008.
- Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. 1–4.
- ЯОС – Ярославский областной словарь. Ярославль, 1981–1991. Вып. 1–10.
- SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. LSFU, XII. O. 1–7. Helsinki, 1958–1981.
- SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3. Helsinki, 1992–2000.

References

- Vostrikov O.V. *Finno-ugorskie leksicheskie ehlementy v russkikh govorakh Volgo-Dvinskogo mezhdurech'ya. Ehtimologicheskije issledovaniya* [Finno-Ugric lexical items in the Russian dialects of the Volga-Dvina interfluve]. Sverdlovsk, 1981.

Kabinina N.V. *Toponimiya del'ty Severnoj Dviny* [Toponymy of the Northern Dvina Delta]. Cand of Philol. Diss. Ekaterinburg, 1997.

Kabinina N.V. *Substratnaya toponimiya Arkhangel'skogo Pomor'ya* [Substrate toponymy of the Arkhangel'sk Pomerania]. Ekaterinburg, 2011.

Kurkina L.V. *Kul'tura podsečno-ogneвого zemledeliya v zerkale yazyka* [Culture of slash-and-burn agriculture in the mirror of language]. Moscow, 2011.

Labunets N.V. *Russkaya geograficheskaya terminologiya v situatsii yazykovogo kontakta* [Russian geographical terminology in the situation of language contact]. Tyumen', 2007.

Matveev A.K. *Substratnaya toponimiya Russkogo Severa* [Substrate toponymy of the Russian North]. Pt. 1. Ekaterinburg, 2001.

Mishhenko O.V. *Leksika lesnykh lokusov v govorakh Russkogo Severa* [Vocabulary of forest loci in the dialects of The Russian North]. Cand of Philol. Diss. Ekaterinburg, 2000.

Subbotina L. A. *Zaimstvovaniya v geograficheskoy terminologii Beloz'er'ya* [Borrowing in the geographical terminology of the Belozersk district]. Cand of Philol. Diss. Sverdlovsk, 1984.

Kalima J. *Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen* [The Baltic sea Finnish loanwords in Russian] // MSFOu, XLIV. Helsinki, 1919.

Dictionaries and sources

AOS – *Arhangel'skij oblastnoj slovar'* [Arkhangel'sk Oblast Dictionary] / Pod red. O.G. Gecovoj. Moscow, 1980–. Iss. 1–.

Dal' – Dal' V.I. *Tolkovij slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka* [Explanatory Dictionary of Russian Language]. Vol. 1–4. Moscow, 1955.

Zelenin – Zelenin D.K. *Vostochnoslavjanskaja jetnografija* [East Slavic Ethnography]. Moscow, 1991.

KSGRS – *Kartoteka «Slovarja govorov Russkogo Severa»* [Card index «Dictionary says Russian North»] (hranitsja na kafedre russkogo jazyka i obshego jazykoznanija UrFU).

MRS – *Marijsko-russkij slovar'* [Mari-Russian dictionary]. Moscow, 1956.

NOS – *Novgorodskij oblastnoj slovar'* [Novgorod Oblast Dictionary] / Otv. red. V.P. Strogova. Novgorod, 1992–1995. Iss. 1–12.

Opyt – *Opyt oblastnogo velikoruskogo slovarja, izdannij Vtorym otdeleniem Akademii nauk* [Experience in the regional Great Dictionary, published by the Second Branch of the Academy of Sciences]. SPb., 1852.

Podvysockij – Podvysockij A. *Slovar' oblastnogo arhangel'skogo narechija v ego bytovom i jetnograficheskom primenenii* [Dictionary of Arkhangel'sk regional dialects in his household and ethnographic application]. SPb., 1885.

SGKZ – Gancovskaja N.S. *Slovar' govorov Kostromskogo Zavolz'hja* [Dictionary says the Trans-Volga Kostroma]. Jaroslavl', 2012.

SRGK – *Slovar' russkij govorov Karelii i sopredel'nyh oblastej* [Dictionary of Russian dialects in Karelia and adjacent areas]. Iss. 1–6. / Gl. red. A.S. Gerd. SPb., 1994–2005.

SRGRM – *Slovar' russkij govorov na territorii Mordovskoj ASSR* [Dictionary of Russian dialects on the territory of the Autonomous Republic of Mordovia]. Vol. 1–6. Saransk, 1978–2001.

SRNG – *Slovar' russkij narodnyj govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Iss. 1–. M.; L., 1965–.

TatRS – *Tatarsko-russkij slovar'* [Tatar-Russian dictionary]. Pod red. prof. F.A. Ganieva. Kazan', 1988. 462 s.

TSRJa – *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka s vključenijem svedenij o proishozhdenii slov* [Dictionary of Russian language with the inclusion of information about the origin of words]. M., 2008.

Fasmer – Fasmer M. *Jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. 1–4. M., 1964–1973.

JaOS – *Jaroslavskij oblastnoj slovar'* [Yaroslavl Oblast dictionary]. Iss. 1–10. Jaroslavl', 1981–1991.

SKES – *Suomen kielen etymologinen sanakirja* [Etymological dictionary Finnish language]. LSFU, XII. O. 1–7. Helsinki, 1958–1981.

SSA – *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja* [Origin of Finnish words. Etymological dictionary]. O. 1–3. Helsinki, 1992–2000.

Сокращения

1. В географических названиях

Ареф. – Арефинский район Ярославской области
 Арх. – Архангельская область (губерния)
 Баб. – Бабаевский район Вологодской области
 Бабуш. – Бабушкинский район Вологодской области
 Бел. – Белозерский район Вологодской области
 Бор. – Борисоглебский район Ярославской области
 Брейт. – Брейтовский район Ярославской области
 Буйск. – Буйский район Костромской области
 Ваш. – Вашкинский район Вологодской области
 В.-Важ. – Верховажский район Вологодской области
 Вель. – Вельский район Архангельской области
 Вил. – Вилегодский район Архангельской области
 Вин. – Виноградовский район Архангельской области
 Влг. – Вологодская область (губерния)
 В.-Т. – Верхнетомский район Архангельской области
 Выг. – Вытегорский район Вологодской области
 Вят. – Вятская губерния
 Кадн. – Кадниковский район Вологодской области
 Канд. – Кандалакшский район Мурманской области
 Карг. – Каргопольский район Архангельской области
 Карг. – Каргопольский уезд Олонецкой губернии
 Карел. – Республика Карелия
 К.-Б. – Красноборский район Архангельской области
 Кир. – Кирилловский район Вологодской области
 Кириш. – Киришский район Ленинградской области
 Киров. – Кировская область
 Кологр. – Кологривский район Костромской области
 Кон. – Коношский район Архангельской области
 Кондоп. – Кондопожский район Карелии
 Костр. – Костромская область
 Лен. – Ленский район Архангельской области
 Ленингр. – Ленинградская область

Леш. – Лешуконский район Архангельской области
Люб. – Людимский район Ярославской области
Макар. – Макарьевский район Костромской области
Медв. – Медвежьегорский район Карелии
Меж. – Межевской район Костромской области
Мез. – Мезенский район Архангельской области
Морд. – республика Мордовия
М.-Реч. – Междуреченский район Вологодской области
Мурм. – Мурманская область
Некр. – Некрасовский район Ярославской области
Новг. – Новгородская область (губерния), Новгородский район Новгородской области
Нюкс. – Нюксенский район Вологодской области
Нянд. – Няндомский район Архангельской области
Он. – Онежский район Архангельской области
Оп. – Опеченский район Новгородской области
Пин. – Пинежский район Архангельской области
Плес. – Плесецкий район Архангельской области
Пош. – Пошехонский район Ярославской области
Преч. – Пречистенский район Ярославской области
Прим. – Приморский район Архангельской области
Прион. – Прионежский район Карелии
Пышуг. – Пышугский район Костромской области
Рыб. – Рыбинский район Ярославской области
Сланц. – Сланцевский район Ленинградской области
Сок. – Сокольский район Вологодской области
Тот. – Тотемский район Вологодской области
Тут. – Тутаевский район Ярославской области
Уст. – Устьянский район Архангельской области
Устюж. – Устюженский район Вологодской области
Халт. – Халтуринский район Кировской области
Хв. – Хвойнинский район Новгородской области
Холм. – Холмогорский район Архангельской области
Чухл. – Чухломской район Костромской области
Шексн. – Шекснинский район Вологодской области
Шенк. – Шенкурский район Архангельской области
Яр. – Ярославская область

2. В названиях языков и диалектов

др.-русс. – древнерусский язык
итал. – итальянский язык
карел. – карельский язык
латин. – латинский язык
мар. – марийский язык
немец. – немецкий язык
общерусск. – общерусское
праслав. – праславянский язык
приб.-фин. – прибалтийско-финские языки
русс. – русский язык

сев.-русск. – северно-русские диалекты
татар. – татарский язык
фин. – финский (суоми) язык
франц. – французский язык
эст. – эстонский язык
яросл. – русские диалекты Ярославской области

3. Прочие

диал.– диалектное
литер.– литературное
несов.– несовершенный вид
ср.– сравни
субстр.– субстратное
т. д.– так далее

«ВОСХИЩЕНИЕ» В РАЗНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЯХ

М.А. Головцова, А.А. Шунейко

Ключевые слова: коммуникация, коммуникативные формы, культура, культурные традиции, восхищение, комплимент.

Keywords: communication, communicative forms, culture, cultural traditions, admiration, compliment.

DOI 10.14258/filichel(2019)1-13

Исследование языковых картин мира занимает существенное место в современных лингвистических работах. К этим исследованиям обращаются Л. Вайсгербер, А.Д. Шмелев, Ю.Д. Апресян, Е.С. Яковлева, В.И. Постовалова и другие. Методологический аппарат подобных исследований включает в себя рассмотрение концептов, которое проводится с использованием концептуального, семантического и сопоставительного анализов (Н.Д. Арутюнова, В.А. Успенский, Н.С. Новиков, Н.В. Черемисина и другие). В рамках этой научной парадигмы представляется целесообразным рассмотреть нормативные способы выражения восхищения в русском и китайском языках как существенные сегменты, отражающие специфику национального менталитета и языковых картин в целом. Репрезентации способов выражения восхищения воспринимаются в

работе как целостные семантические комплексы, отражающие содержательные и эмоциональные константы восприятия мира двумя народами [Иванова, 2017].

Вопросы выражения восхищения занимают особое место в исследованиях проблем коммуникации. В области эмотивной лингвистики создано большое количество научных работ. Из отечественных лингвистов, чьи труды посвящены категоризации эмоций, проблемам их вербализации, можно назвать таких ученых как Л.Г. Бабенко, В.И. Шаховский, С.Н. Погожая, Е.Ю. Мягкова, И.В. Труфанова, Е.В. Фирсова и другие.

Семантика «восхищения» наиболее полно и последовательно проявляется в комплименте. Комплимент (лестное замечание в адрес кого-либо), бесспорно, является наиболее эффективным методом налаживания контакта и опорой для дальнейшего успешного взаимодействия. Комплимент напрямую влияет на адресата, его относят к контактной межличностной коммуникации. Комплимент включает в себя коммуникативную цель, отношение говорящего, обстановку, языковое выражение, эмоциональную окраску. Выражение восхищения непосредственно связано с комплиментом, поскольку является составляющей его содержания. Исследователи данного речевого акта сходятся во мнении, что основная цель комплимента – это выражение положительных эмоций, оценки достоинств собеседника, восхищения отличительными особенностями адресата [Чертыкова, 2017]. Тем не менее, проблемы выражения восхищения являются недостаточно изученными на сегодняшний момент. Так, нами была выявлена только одна работа, связанная с сопоставительным изучением функционирования комплиментов в русском и китайском языках [Салахова, Дань Ма, 2015]. В ней авторы проводят анализ коммуникативных неудач, связанных с формулировкой комплимента и целями их использования в речи русскими и китайскими коммуникантами.

Данная работа анализирует специфику значений слова «восхищение» в русской и китайской лингвокультурах, основываясь на его словарной трактовке.

Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля [Даль, 2001] определяет слово «восхищение» как состояние восторга, неистовой радости. В толковом словаре А.П. Евгеньевой [Евгеньева, 1957–1960] «восхищение» объясняется как высшая степень удовлетворения, удовольствия от чего-либо, восторг. Словарь современного русского литературного языка

К.С. Горбачевича [Горбачевич, 1991, с. 503] предлагает следующее значение – высшая степень проявления радости, состояние очарованности кем-либо, чем-либо, восторг. В толковом словаре С.И. Ожегова [Ожегов, 2011] «восхищение» – это высшее удовлетворение, восторг. Толковый словарь Т.Ф. Ефремовой [Ефремова, 2000] трактует понятие «восхищение» как высшую степень проявления радости, состояние очарованности кем-либо, чем-либо, восторг. В большом толковом словаре русского языка С.А. Кузнецова «восхищение» – высшая степень удовлетворения, удовольствия от чего-либо; восторг [Кузнецов, 2008, с. 153]. В толковом словаре русского языка Д.В. Дмитриева [Дмитриев, 2003] «восхищением» называется чувство радости и обожания, которое испытывает человек, когда что-либо или кто-либо производит на него очень сильное впечатление своей красотой, совершенством, умом, талантом и т.п. В большом толковом словаре русских существительных Л.Г. Бабенко «восхищение» – чувство высокой степени удовлетворения, удовольствия от чего-либо, высокой оценки кого-либо, чего-либо, сильный подъем радостных чувств [Бабенко, 2009, с. 354]. Русский толковый словарь В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной [Лопатин, 2013] дает следующее объяснение: высшее удовлетворение, восторг. Толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова [Ушаков, 1935–1940] объясняет значение слова как чувство радостного удовлетворения, состояние очарованности, восторг.

Изучив толкование понятия «восхищение» в русских словарях, представим характеристики определений по частоте их употребления. Понятие «восхищение» определяется в первую очередь как степень проявления какого-либо состояния, чувства. Основные и наиболее употребляемые характеристики для определения понятия «восхищения» это: восторг, удовлетворение и радость. Также «восхищение» объясняется как удовольствие и очарованность. Наименее встречаемая характеристика – обожание – присутствует лишь в одном словаре. Анализ близкородственных лексем (*восхищать, восхищаться, восхищенно*) дает те же самые результаты.

Семантические компоненты слова проявляются через характер его сочетаемости с согласованными и несогласованными определениями. Анализ национального корпуса русского языка [Национальный корпус русского языка, URL] показывает, что наиболее распространенными в использовании являются следующие слова: *искреннее, всеобщее, невольное, полное*. Было отмечено, что

большинство используемых при формулировке дефиниций слов также используются в качестве определений к анализируемому слову: *восторженное, чувственное, приятное, чудесное, почтительное*. К словам, раскрывающим семантическую природу анализируемого понятия, относятся *восторг, чувство, удовольствие, очарованность, обожание*. Реальное речевое употребление характеризуется высокой степенью дублирования исходных признаков «восхищения». В то же время обнаружено достаточно много определений, которые находятся за пределами списка дублируемых слов. Все эти определения раскрывают дополнительные ситуативные авторские признаки понятия. Они же характеризуют то ассоциативное поле, в котором данное понятия находится.

Для того чтобы определить, как понятие «восхищение» передается в китайском языке, были проанализированы три русско-китайских словаря, которые в первом значении предлагают перевод слова «восхищение» как «赞赏» (zànshǎng). Чтобы убедиться в правильности выбора варианта перевода, были использованы китайско-русские словари. «Шанхайский» китайско-русский словарь [Ся Чжунъи, 2010, с. 1598] предлагает перевод «赞赏» (zànshǎng) – восхищаться кем / чем (восхищение). Онлайн-версия Большого китайско-русского словаря [БКРС, 2016] переводит «赞赏» (zànshǎng) как: 1) восхищаться, восторгаться, восхвалять; хвалить и вознаграждать; 2) высоко ценить, придавать большое значение, отдавать должное. Также в разделе «Эмоции и чувства» данная совокупность иероглифов имеет значение «восхищение».

Таким образом, в китайском языке слово «восхищение» обозначается системой двух иероглифов «赞赏» (zànshǎng), и в дальнейшем исследовании мы будем пользоваться именно этим значением.

Согласно онлайн-версии Большого китайско-русского словаря БКРС [БКРС, 2016], каждый иероглиф по отдельности имеет следующие значения: «赞» – 1) помогать, содействовать; 2) превозносить, прославлять, хвалить, восхвалять; одобрять (что-л.); восхищаться (чем-л.); 3) *лит.* похвала, восхваление. «赏» – 1) жаловать, награждать; 2) хвалить, превозносить; 3) находить удовольствие в (чем-л.), восхищаться (чем-л.), любоваться (чем-л.); 4) награда, подарок.

В современном китайском словаре [Шеншу Дин, 2005, с. 1697] дается следующее определение слову «восхищение»: «赞美赏识» – похвала; достойная оценка чему-либо.

В толковом словаре китайского языка Синьхуа [Вэй Цзягун, 2016] «восхищение/восхищаться» это: «称美赏识» – значит одобрять, превозносить; оценивать по достоинству что-либо.

Онлайн-словарь китайского языка «Zdic» [Zdic, 2016] определяет понятия «восхищение/восхищаться» как: «得到人们的赞赏和高度评价» – получить одобрение и высокую оценку окружающих.

Большой китайско-русский словарь БКРС [БКРС, 2016] дает трактовку понятия «восхищение», аналогичную данной в словаре «Zdic», в дополнение к тому предлагая пример употребления в предложении: «老师对你的作品赞赏不已» – *Учитель бесконечно восхищался вашей работой.*

В соответствии с поисковой системой «Baidu» [Baidu, 2016] «восхищение» это: «赞赏是汉语词汇，拼音，解释为赞同,欣赏,钦佩» – одобрение чего-л., чувство эстетического наслаждения, уважение, преклонение.

Большой словарь китайского языка [漢語大詞典, 2016] дает следующую трактовку слову «восхищение»: «赞美賞識» – похвала, достойная оценка чему-либо.

В словаре китайского национального языка Гоюй (Zho-Zho) [Гоюй Дзидиань, 2013] «восхищение» это: «欣赏而赞美» – эстетическое наслаждение, похвала.

Так, в китайском языке «восхищение» определяется как достойная или высокая оценка чему-либо, одобрение, похвала. Данные характеристики определяют наибольшей частотностью употребления среди предложенных дефиниций. Такие признаки как наслаждение менее употребляемы в словарях. Также для описания «восхищения» используются такие характеристики как превознесение, уважение и преклонение и в определениях встречаются однократно.

Для выявления наибольшей типичной сочетаемости, рассмотрим все согласованные и несогласованные определения, которые используются с анализируемым словом в китайском языке [Национальный корпус китайского языка, 2016]. Наиболее употребляемыми определениями в речи оказались следующие: 非常 (чрезвычайное), 广泛 (широкое, большое), 高度 (высокое), 热烈 (теплое).

Из всего списка слов, используемых при формулировке дефиниций, в качестве определения к анализируемому понятию

применяется лишь одно: 高度 (gāodù, высокое). Таким образом, в китайском языке употребление в живой речи слова «восхищение» с определениями, входящими в состав словарных статей, встречается редко. Понятие «赞赏» несет в себе большую смысловую нагрузку, которая не требует дублирования исходных признаков анализируемого понятия. Анализ близкородственных лексем представляется невозможным, поскольку строй китайского языка не предполагает наличие словообразовательных моделей.

Из выявленных характеристик понятия «восхищение» по словарным статьям в русском и китайском языках ни один из показателей не совпадает, что позволяет говорить о том, что в данных лингвокультурах восприятие смысла анализируемого понятия отличается. В русском языке в большинстве толковых словарей «восхищение» отождествляется с «восторгом». В китайском языке «восхищение» приравнивается к достойной (высокой) оценке кому / чему-либо.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы: чтобы коммуникация была успешной, в первую очередь необходимо наладить контакт с собеседником, и комплимент является наиболее эффективным методом. Комплимент несет в себе эмотивный смысл, в котором выражается восхищение отличительными особенностями адресата.

Для русского языка «восхищение» – это, прежде всего, выражение положительных эмоций по отношению к человеку, объекту либо явлению, которые отличаются некими выдающимися свойствами или чертами. В китайском языке «восхищение» также является эмоцией, которая несет в себе положительный характер выражения. Однако оно ассоциируется с отличными от русского языка понятиями. Разница в реальном речевом употреблении «восхищения» говорит о том, что данное понятие имеет разную смысловую нагрузку в обоих языках. Для русского языка свойственно использование определений, дополняющих смысл выражения восхищения как эмоции, в то же время в китайском языке «восхищение» «赞赏» редко требует использования определяющих его слов.

Литература

Иванова М.Г. Традиционные особенности русских и китайских именных формул в контексте межкультурной коммуникации // Филология и человек. 2017. № 3.

Салахова А.Р., Дань Ма Функционирование выражений-комплиментов в русском и китайском языках // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика. Казань, 2015.

Чертыкова М.Д. Восторг и восхищение по-хакасски (семантико-когнитивный анализ глагола морсын – «восторгаться», «восхищаться») // Филология и человек. 2017. № 3.

Словари и источники

Бабенко Л.Г. Большой толковый словарь русских существительных. М., 2009.
Горбачевич К.С. Словарь современного русского литературного языка. М., 1991.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2001.

Дмитриев Д.В. Толковый словарь. М., 2003.

Евгеньева А.П. Малый академический словарь. М., 1957–1960.

Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. М., 2000.

Кузнецов С.А. Новейший большой толковый словарь русского языка. СПб., 2008.

Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Толковый словарь современного русского языка. М., 2013.

Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 2011.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М., 1935–1940.

Большой китайско-русский словарь (БКРС). [Электронный ресурс]. URL: <http://bkrs.info/slovo.php?ch=赞赏>.

Большой словарь китайского языка (漢語大詞典). [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/chi_big_enc/418981/赞赏.

Вэй Цзягун. «Синьхуа»: словарь иероглифов. [Электронный ресурс]. URL: <http://xh.5156edu.com>.

Национальный корпус китайского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.enccorpus.org>.

Словарь государственного Тайваньского языка Гоюй (Zho-Zho). [Электронный ресурс]. URL: http://taiwan_simple.enacademic.com/131410/赞赏

Ся Чжунъи. «Шанхайский» китайско-русский словарь. Пекин, 2010.

Шеншу Дин. Словарь современного китайского языка. Пекин, 2005.

«Baidu» (Байдупедия): китайская поисковая система. [Электронный ресурс]. URL: <http://hanyu.baidu.com>.

«Zdic»: словарь китайского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zdic.net>.

References

Ivanova M.G. *Tradicionnye osobennosti russkikh i kitajskih imennyh formul v kontekste mezhkul'turnoj kommunikacii* [Traditional Features of Russian and Chinese Nominal Formulas in the Context of Intercultural Communication]. *Filologiya i chelovek* [Philology and Man]. 2017. No. 3.

Salahova A.R., Dan' Ma *Funkcionirovanie vyrazhenij-komplimentov v russkom i kitajskom yazykah* [Functioning of Compliment Expressions in Russian and Chinese].

I.A. Boduehn de Kurteneh i mirovaya lingvistika [I.A. Baudouin de Courtenay and World Linguistics]. Kazan', 2015.

Chertykova M.D. *Vostorg i voskhishchenie po-hakasski (semantiko-kognitivnyj analiz glagola morsyn – «vostorgat'sya», «voskhishchat'sya»)* [Delight and Admiration in Khakass (semantic-cognitive analysis of the verb *morsyn* - "admire")]. *Filologiya i chelovek* [Philology and Man]. 2017. No. 3.

Dictionaries and sources

Babenco L.G. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkih sushchestvitel'nyh* [Great Explanatory Dictionary of Russian Nouns]. Moscow, 2009.

Gorbachevich K.S. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of Modern Russian Literary Language]. Moscow, 1991.

Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow, 2001.

Dmitriev D.V. *Tolkovyj slovar'* [Explanatory Dictionary]. Moscow, 2003.

Evgen'eva A.P. *Malyj akademicheskij slovar'* [Small Academic Dictionary]. Moscow, 1957–1960.

Efremova T.F. *Sovremennij tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 2000.

Kuznecov S.A. *Novejsij bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [The Newest Large Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg, 2008.

Lopatin V.V., Lopatina L.E. *Tolkovyj slovar' sovremennoogo russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Modern Russian Language]. Moscow, 2013.

Nacional'nyj korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian Language]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

Ozhegov S.I. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 2011.

Ushakov D.N. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 1935–1940.

Bol'shoj kitajsko-russkij slovar' (BKRS) [Large Chinese-Russian Dictionary]. URL: <http://bkrs.info/slovo.php?ch=赞赏>.

Bol'shoj slovar' kitajskogo yazyka (漢語大詞典) [Big Chinese Dictionary]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/chi_big_enc/418981/赞赏.

Vehj Czygun. «*Sin'hua*»: *slovar' ieroglifov* [«Xinhua» Dictionary of Hieroglyphs]. URL: <http://xh.5156edu.com>.

Nacional'nyj korpus kitajskogo yazyka [National Corpus of Chinese]. URL: <http://www.enccorpus.org>.

Slovar' gosudarstvennogo Tajvan'skogo yazyka Goyuj (Zho-Zho) [Goyu State Taiwanese Dictionary]. URL: http://taiwan_simple.enacademic.com/131410/赞赏.

Sya Chzhun"i. «*Shanhajskij*» *kitajsko-russkij slovar'* [«Shanghai» Chinese-Russian Dictionary]. Pekin, 2010.

Shenshu Din. *Slovar' sovremennogo kitajskogo yazyka*. [Dictionary of Modern Chinese]. Pekin, 2005.

«*Baidu*» (*Bajdupediya*): *kitajskaya poiskovaya Sistema* [Baidu (Baidupedia): Chinese Search Engine]. URL: <http://hanyu.baidu.com>.

«*Zdic*»: *slovar' kitajskogo yazyka* [«Zdic»: Chinese Dictionary]. URL: <http://www.zdic.net>.

Л. УЛИЦКАЯ В КИТАЙСКОЙ РУСИСТИКЕ: ПРИЧИНЫ ПОПУЛЯРНОСТИ, АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

Чжао Сюе

Ключевые слова: рецепция, интерпретация, китайская русистика, Улицкая.

Keywords: reception, interpretation, Chinese Russian studies, Ulitskaya.

DOI 10.14258/filichel(2019)1-14

Людмила Улицкая на сегодняшний день – самая популярная современная русская писательница в Китае. Большинство ее повестей и романов (за исключением сборников рассказов) были переведены на китайский язык. Первый перевод был осуществлен в 1997 году Ли Инанем, профессором Пекинского университета иностранных языков (повесть «Сонечка»). В 2000-е годы переводились романы «Медя и ее дети» (пер. Ли Инань и Инь Чэн, 1999), «Казус Кукоцкого» (пер. Чэнь Фан, 2003), «Искренне ваш Шурик» (пер. Жэнь Хэ, 2005), рассказы «Приставная лестница» и «Старший сын» (пер. Чжан Цзюньсян, 2006). В настоящее время профессор Пекинского университета Жэнь Гуансюань готовит к изданию перевод романа Л. Улицкой «Лестница Якова». Публикации переводов, как видим, появляются практически сразу после появления произведений писательницы в России. Это подтверждает интерес китайской читательской аудитории к творчеству Л. Улицкой. Но каковы причины такого интереса? Ответу на этот вопрос посвящена данная статья. Наша цель – исследовать рецепцию творчества Л. Улицкой в профессиональной читательской среде Китая (в китайском литературоведении).

Произведения Л. Улицкой активно исследуются китайскими русистами-литературоведами, более активно, чем творчество других представительниц «женской» прозы. Одна из значимых монографий на сегодняшний день – исследование Сунь Чао «Тематика и поэтика творчества Л. Улицкой в контексте современной русской литературы» (2012). Это первая монография китайского автора, посвященная творчеству писательницы. Главная идея в ней – преемственность прозы автора и русской классики. Сунь Чао вводит в китайское литературоведение ряд исследований русских ученых о женской прозе и прозе Улицкой в частности. В 2007 году была издана монография Чэнь Фан «Современная русская женская проза». Исследовательница

изучает тематику, типологию женских образов, стилистические особенности «женской» прозы. Отдельные главы книги посвящены Л. Улицкой. Новейшее китайское исследование – монография Го Цзин «Изучение произведений Л. Улицкой в контексте стилистики художественной литературы» (2017), в ней изучается стиль, повествовательная стратегия писательницы.

Какие актуальные смыслы вычитывают китайские литературоведы в произведениях писательницы? Как они оценивают героев, проблематику текстов, авторские идеи? Ответить на эти вопросы возможно при обращении к методологической парадигме изучения рецепции инокультурной литературы: сравнительному литературоведению, теории коммуникации, герменевтике и рецептивной эстетике. Мы разделяем мысль рецептивистов о том, что художественное произведение «возникает» в момент «встречи» с читателем, что этот процесс зависит от «горизонта ожидания» реципиента. Этот подход позволяет увидеть текст как систему потенциальных смыслов. Восприятие текста, созданного в рамках другой культуры, во многом определяется рецептивной ситуацией. Рецептивная ситуация – культурный контекст рецепции, который герменевты включают в пред-структуру понимания. Она направляет процесс означивания (интерпретации и оценки) текста. Важным для нас является утверждение, что рецепция инокультурного текста – это всегда процесс, связанный с самопониманием.

Интерес китайского читателя к прозе Л. Улицкой объясняется, в первую очередь, ценностной близостью ее книг. В творчестве писательницы ученые обнаруживают «положительную энергию»¹, которая проявляется в устремленности героев к гармонии и любви, в воспевании любви и гармонии как ведущей авторской эмоции. «Положительная энергия» произведений «Сонечка», «Медя и ее дети» и «Веселые похороны», по мнению Дуань Лицзюнь, проявляется в надежде на то, что именно семья может сохранить душевную красоту в хаотичном современном обществе [段丽君, 2001, с. 94].

Вторую причину интереса китайского читателя к Улицкой следует искать в социокультурной ситуации «мягкого» феминизма (см. об этом: [Чжао, 2018]). Русисты замечают в произведениях писательницы «мягкую» повествовательную стратегию (Чжан Цзяньхуа: «Улицкая всегда изображает жизнь обычных женщин мягко и нежно» [张建华, 2006, с. 54]); интерес к персонажам-мужчинам (Ян

¹ «Положительная энергия» – выражение из китайской Интернет-лексики. Оно означает устремленность вперед, здоровый оптимизм, активную жизненную позицию.

Хуай считает, что «в большинстве современных русских женских текстов мужчины отсутствуют, а Улицкая не занимает такую крайнюю позицию» [杨慧, 2014, с. 85]); стремление уйти от жесткой оппозиции мужское-женское.

Проза Л. Улицкой близка китайскому читателю также потому, что она сохраняет преемственность русской литературной классике. Так, русисты отмечают «двойственность» женских образов Улицкой, соединяющих традиционные черты и современные: традиционную добродетель и самостоятельность [殷桂香, 2003, с. 104]. Чжан Цзяньхуа высказывает мнение, что, «освобождаясь от традиционного мужского ракурса мировидения, Улицкая в романе “Медея и ее дети” утверждает значимость исторического предназначения женщин в аспекте продолжения жизни, спасения рода и преемственности национальной культуры» [张建华, 2006, с. 57].

Анализ исследований китайских русистов позволил выделить несколько аспектов изучения прозы Улицкой в Китае.

Тематика произведений Л. Улицкой

Исследование прозы Л. Улицкой в Китае началось с проблемно-тематического освоения произведений (выделяются сквозные темы и проблемы, осуществляются попытки объединить произведения в тематические группы).

Вслед за русскими литературоведами и критиками китайские ученые называют тему семьи и дома главной в творчестве автора (см. об этом: [Говорухина, 2010]). Чэнь Фан в статье «Семейный центризм в романах Л. Улицкой» полагает, что семья является не только центральной темой почти всех произведений писательницы, но и поводом обращения к проблеме взаимоотношений человека в семье, проблеме чувства и долга, традиции и современности [陈方, 2018, с. 144].

Интерес китайского литературоведения к теме семьи не случаен. Русисты вычитали посыл Улицкой современному обществу: семья – это главное условие развития общества. Они заметили в «Сонечке» и «Медее и ее детях» видимый «терапевтический» эффект. Так, Гао Айин в диссертации «Воспеть любовь и жизнь: анализ специфики творчества Л. Улицкой» пишет о том, что в ситуации «конца времен», бурления русского общества созданный Улицкой образ идеального семейного очага дал русскому обществу духовное утешение, ориентир в виде семейной ответственности и морали [高爱英, 2009, с. 4]. Тексты Улицкой становятся для китайских исследователей поводом высказаться о ценности семьи. Так, Сунь Чао, говоря о связи таких

понятий, как семья, национальная культура и историческая традиция, замечает, что в современной социальной ситуации политизированности семья является единственным местом сохранения бывшей культуры [孙超, 2012, с. 99].

Китайские ученые осуществили типологизацию образа семьи в творчестве Улицкой. Чэнь Фан выделяет следующие типы: 1) семья, основанная на чувстве ответственности (Елена и Кукоцкий в романе «Казус Кукоцкого», Медя и Самуил в «Медее и ее детях»), 2) семья, основанная на интересах каждого (брак Сандры в «Медее и ее детях», Тома и ее муж в романе «Казус Кукоцкого»), 3) семья как дружеский союз (Маша и Олег в «Медее и ее детях», Нора и Витя в романе «Лестница Якова»), 4) идеальная семья (главный герой и его жена в романе «Лестница Якова») [陈方, 2018, с. 147].

Другая тема, которую вычлениают китайские ученые в творчестве Улицкой, – экзистенциальная. По мнению Линь Тин, герои писательницы переживают исключительные пограничные жизненные ситуации («Народ избранный», «Счастливые»). Так, в «Дочери Бухары» писательница художественно доказывает, что смерть демонстрирует ограниченность жизни, но внутренняя красота, внутреннее богатство жизни могут быть бесконечными [林婷, 2014].

Еще одна тема в прозе Л. Улицкой – морально-нравственная. По мнению Тянь Юйдун, авторская позиция такова: нравственная зрелость – самое важное качество человека. На примере романа «Зеленый Шатер» исследователь показывает, что, описывая человека без нравственности, писательница намекает на современных русских. Разрушение традиционной культуры и вакуум веры привел к исчезновению духовного пристанища для человека [田雨冬, 2016, с. 28].

Персонажная сфера

Типология героев Л. Улицкой, которую описывают китайские русисты, совпадает с русской классификацией: образы женщин, мужчин с ослабленным гендерным статусом, интеллигентов. Внимание китайских ученых в большей степени приковано к женским персонажам.

Русист Ван Вэй в диссертации «Анализ и систематизация персонажей в романе “Казус Кукоцкого”» предлагает следующую типологию женских образов в произведениях Улицкой.

1) Святые: Медя («Медя и ее дети»), Сонечка («Сонечка»), Бухара («Дочь Бухары»).

2) Промежуточный тип, который объединяет черты традиционной женщины и «новой», стремящейся к освобождению, но несвободной от стереотипов. Это Елена («Казус Кукоцкого»), Маша («Медея и ее дети»).

3) «Новая» женщина, стремящаяся вопреки всему к мечте и свободе: Таня («Казус Кукоцкого»), Яся («Сонечка»).

4) Героини-носительницы ценностей русской традиционной культуры: Василиса («Казус Кукоцкого»), Паша («Дочь Бухары») [王巍, 2013].

Главное внимание китайских ученых сосредоточено на первом типе. Сравнение работ исследователей позволило воссоздать характерологический портрет этого типа в представлении китайского читателя. «Святая» обладает традиционной высокой добродетелью и самостоятельностью мышления (последнее проявляется не в слепом принятии религиозных принципов или государственной пропаганды, а в стремлении к самостоятельной оценке) [徐珊珊, 2008, с. 26]. Духовная и телесная свобода представительниц этого типа восходит к архетипу мифической Медеи, которая «спокойствием, гармонией и любовью победила шум и хаос мира, а дионисийским духом сохранила и приумножила телесную и духовную свободу» [张建华, 2006, с. 57]. Ян Хуай задается вопросом о пределах терпения и снисходительности: не может ли привести крайняя степень терпения «святой» к равнодушию и принятию аморальных поступков? «Медея Улицкой – как Богородица, она освободилась от ревности, гнева и ненависти. Однако все эти эмоции присущи человеческой природе, являются самыми настоящими проявлениями существования; Медея же избегает человеческих естественных эмоций». Вот почему образ Медеи, по мнению Ян Хуай, является эфемерным [杨慧, 2014, с. 87]. Вопрос, которым задается Ян Хуай, не случаен, он иллюстрирует специфику китайской интерпретации и оценки и рецептивную установку на избегание крайностей (святость осмысливается как вариант позитивной крайности).

Исследуя женские типажи, китайские ученые обращаются к понятию «маленький человек», уточняют содержание образа и акцентируют при этом связь текстов Улицкой с русской литературной традицией. Дуань Лицзюнь в статье «Чистый и святой “маленький человек”: особенности творчества Л. Улицкой» замечает, что герои Улицкой живут в советское время, однако не являются активными в социальном плане (не похожи на героев советской официальной литературы). Они – «маленькие» люди: либо инвалиды (Дина в

рассказе «Народ избранный», Мила в «Дочь Бухары»), либо неудачники (Ася в рассказе «Бедные родственники», Сонечка в повести «Сонечка»), либо люди, которые не вписываются в свое время (Медея, Алик) [段丽君, 2001, с. 92]. Дуань Лицзюнь называет «маленького» человека в произведениях Улицкой современным вариантом классического образа. «Маленькие» люди Улицкой наивные и чистые, это часто обычные женщины, не получившие высшего образования (Сонечка, Медея, Бронька), некрасивые, с невысоким социальным статусом, со сложными жизненными обстоятельствами (Сонечка и Медея пережили измены мужей, у Броньки четыре ребенка). Однако эти обстоятельства в текстах Улицкой обнажают чистоту «маленьких людей», проявляют их душевную свободу [段丽君, 2001, с. 92].

Русские и китайские оценки образа «маленького человека» в прозе Улицкой разнятся. Так, Т. Скокова считает, что «если у классика с мотивом прозрения и “ухода”, попыткой противостоять окружающему миру были связаны светлые надежды на счастливые будущее, то у Улицкой, наоборот, этот мотив пронизан постмодернистской чувствительностью и пессимистическим взглядом на человека и жизнь» [Скокова, 2010, с. 78–79]. Китайские ученые называют оптимизм доминирующей авторской эмоцией в творчестве Улицкой. Сунь Чао считает, что «если постмодернисты – хладнокровные летописцы, то Л. Улицкая в глубине души – жизнерадостный наблюдатель. В творчестве писательницы мы можем ощутить пафос восхищения своими героями, жизнью, вещами, всем, что нас окружает» [Сунь, 2006]. Ван Вэй связывает надежду с ее «маленьким человеком»: «Улицкая показывает нам женщин, которые даже в трудных ситуациях сильны духом свободы, мечтой и верой» [王巍, 2013, с. 19]. Сюй Шаньшань уверен: «В современной русской женской литературе в результате чрезмерного внимания к статусу женщин возникает много оппозиционных нетрадиционных образов (демонов, а не ангелов). Но образы женщин у Улицкой не такие, они результат не деконструкции, а реконструкции» [徐珊珊, 2008, с. 27].

Особенности поэтики произведений Л. Улицкой

Исследуя вопросы поэтики творчества Л. Улицкой, русисты отдельно выделяют концепцию времени, осмысливают художественный факт ослабления функции времени, его непрямого выражения. Время в произведениях Улицкой, по мнению ученых, призвано подчеркнуть трагичность, нестабильность и абсурдность социальных процессов [孙超, 2012, с. 208]. Другая характеристика –

хроникальность – позволяет писательнице показать жизнь нескольких поколений. Так, в романе «Лестница Якова» русская история с конца XIX века до начала XXI века, изображенная через поколения семьи, – это история страданий и мучений целой нации [任光宣, 2006, с. 55].

Художественное пространство – еще один объект осмысления китайских ученых. Сунь Чао замечает следующие особенности прозы Улицкой: многие события начинаются в закрытом, изолированном пространстве (московский убогий дворик, коммуналка) [孙超, 2012, с. 212]. Ограниченное и неустроенное пространство обостряет противоречия между людьми [林婷, 2014, с. 43] и одновременно «делает более объемными характеры героев, которые с достоинством преодолевают жизненные трудности» [孙超, 2012, с. 213].

Русист Го Цзин исследует сюжетные стратегии в прозе Л. Улицкой и феномен случайности. Ученый считает, что в большинстве рассказов Улицкая описывает жизнь обыкновенную, стабильную, которая взрывается моментом неожиданности, случайности. Это, своего рода, модель жизни, стабильность которой весьма относительна. Улицкая также умело использует прием монтажа, монтируя и организуя сюжет так, чтобы разбить устойчивые пространственно-временные законы и рамки. Таким образом, эстетическая техника разрушает горизонт ожидания читателей и позволяет выстроить относительную картину мира [国晶, 2017, с. 49].

В последнее десятилетие увеличилось количество исследований, в которых китайские ученые изучают творчество Л. Улицкой в лингвистическом аспекте. Так, Го Цзин приходит к выводу, что доминанта языка писательницы – краткость, простота, сдержанность и деликатность [国晶, 2017, с. 128].

Итак, исследование рецепции творчества Улицкой в Китае позволяет реконструировать следующие ориентиры китайских читателей, которые определяют сегодня процесс интерпретации и оценки: поиск преемственности текстов Улицкой с традицией, ценность «положительной энергии» текста, стремление к семейной гармонии, озабоченность проблемой социального дна, смягченные феминистские установки.

Литература

Говорухина Ю.А. Русская литературная критика на рубеже XX-XXI веков: автореферат дис. ... д-ра филологич. наук. Томск, 2010.

Скокова Т.А. Проза Людмилы Улицкой в контексте русского постмодернизма: дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.

Сунь Чао Средства создания характера в рассказах Л. Улицкой: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

Чжао Сюе Рецепция современной русской литературы в китайском литературоведении: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2018.

王巍. «库科茨基医生的病案»人物形象体系研究: 硕士论文. 哈尔滨, 2013.

高爱英. 对生命与爱的歌唱 — 浅析柳·乌利茨卡娅的创作特色: 硕士论文. 长春, 2009.

国晶. 文学修辞学视角下的柳·乌利茨卡娅作品研究. 北京, 2017.

段丽君. 纯洁而崇高的“小人物” — 试论俄罗斯当代女作家柳·乌利茨卡娅的创作特色 // 当代外国文学. 2001. № 4.

任光宣. 战胜对遗忘的恐惧 — 俄罗斯作家乌利茨卡娅新作《雅科夫的梯子》评析 // 外国文学动态研究. 2006. № 1.

殷桂香. 转型时期俄罗斯文学发展面面观 // 复旦大学学报. 2003. № 2.

林婷. 乌利茨卡娅小说创作中的存在主义主题: 硕士论文. 哈尔滨, 2014.

孙超. 当代俄罗斯文学视野下的乌利茨卡娅小说创作: 主题与诗学. 北京, 2012.

徐珊珊. «美狄亚和她的孩子们»中美狄亚形象的解读: 硕士论文. 长春, 2008.

田雨冬. 乌利茨卡娅长篇小说《绿帐》创作研究: 硕士论文. 哈尔滨, 2016.

张建华. 俄罗斯民族历史的文化寻母 — 乌利茨卡娅长篇小说《美狄亚与她的孩子们》中的女性话语 // 外国文学. 2006. № 5.

陈方. 乌利茨卡娅长篇小说中的“家庭中心论” // 外国文学研究. 2018. № 3.

陈方. 当代俄罗斯女性小说研究. 北京, 2007.

杨慧. “后现代的圣母”: 柳德米拉·乌利茨卡娅的“美狄亚” // 青海师范大学学报. 2014. № 3.

References

Govorukhina Yu.A. *Russkaya literaturnaya kritika na rubezhe XX-XXI vekov* [Russian literary criticism at the turn of the XX-XXI centuries]. Abstract of Philol. Doctoral Diss. Tomsk, 2010.

Skokova T.A. *Proza Lyudmily Ulitskoj v kontekste russkogo postmodernizma* [Prose of Lyudmila Ulitskaya in the context of Russian postmodernism]. Cand. of Philol. Diss. Moscow, 2010.

Sun Chao. *Sredstva sozdaniya kharaktera v rasskazakh L. Ulitskoj* [Means of character creation in the stories of L. Ulitskaya]. Cand. Of Philol. Diss. Moscow, 2006.

Zhao Xue. *Retseptsiya sovremennoj russkoj literatury v kitayskom literaturovedenii* [The reception of modern Russian literature in Chinese literary study]. Cand. of Philol. Diss. Tomsk, 2018.

Wang Wei *Analiz i sistematizacija personazhej v romane «Kazus Kukockogo»* [Study on the System of Character Image in «Dr. Kukotsky's Case»]. Magist. diss. Harbin, 2013.

Gao Aiyong *Vospet' ljubov' i zhizn': analiz specifiky tvorcestva L. Ulitskoj* [Singing of Life and Love: Analysis of L. Ulitskaya's Creative Characteristics]. Magist. diss. Changchun, 2009.

Guo Jing *Izuchenie proizvedenij L. Ulitskoj v kontekste stilistiki hudozhestvennoj literatury* [A Study of L. Ulitskaya's Works from the Perspective of Literary Rhetoric]. Beijing, 2017.

Duan Lijun *Chistyj i svjatoj «malen'kij chelovek», osobennosti tvorcestva L. Ulitskoj* [Pure and Lofty «Nobody»: Creative Characteristics of L. Ulitskaya]. *Sovremennaja zarubezhnaja literatura* [Contemporary Foreign Literature]. 2001. № 4.

Ren Guangxuan *Recenzija na roman «Lestnica Jakova» L. Ulickoj* [Comments on Russian Writer Ulitskaya's New Works «The Ladder of Yakov»]. *Dinamika zarubezhnoj literatury* [A Dynamic Study of Foreign Literature]. 2006. № 1.

Yin Guixiang *Vse aspekty razvitiya russkoj literatury v period perestrojki* [Development View of Russian Literature in the Transitional Period]. *Vestnik Fudan'skogo universiteta* [Journal of Fudan University]. 2003. № 2.

Lin Ting *Jekzistencijal'naja tematika v proze Ulickoj* [Existentialism Theme in Ulitskaya's Novels]. Magist. diss. Harbin, 2014.

Sun Chao *Tematika i pojetika tvorcestva L. Ulickoj v kontekste sovremennoj russkoj literatury* [Ulitskaya's Novels from the Perspective of Contemporary Russian Literature: Theme and Poetics]. Beijing, 2012.

Xu Shanshan *Analiz obraza Medei v romane «Medeja i ee deti»* [Interpretation of Medea in «Medea and Her Children»]. Magist. diss. Changchun, 2008.

Tian Yudong *Izuchenie romana «Zelenyj shater» L. Ulickoj* [Study on the Creation of Ulitskaya's Novel «The Big Green Tent»]. Magist. diss. Harbin, 2016.

Zhang Jianhua *Zhenskij diskurs v romane «Medeja i ee deti» L. Ulickoj* [Cultural Mother Seeking in Russian National History: Female Discourse in Ulitskaya's Novel «Medea and Her Children»]. *Zarubezhnaja literatura* [Foreign Literature]. 2006. № 5.

Chen Fang *Semejnij centrizm v romanah L. Ulickoj* [«Family-centered Theory» in Ulitskaya's Novels]. *Issledovanie zarubezhnoj literatury* [A Study of Foreign Literature]. 2018. № 3.

Chen Fang *Sovremennaja russkaja zhenskaja proza* [A Study of Contemporary Russian Female Novels]. Beijing, 2007.

Yang Hui *«Postmodernistskaja Bogorodica»: Medeja L. Ulickoj* [«The Virgin Mary of Postmodernism»: Lyudmila Ulitskaya's Medea]. *Vestnik Chinhajskogo pedagogicheskogo universiteta* [Journal of Qinghai Normal University]. 2014. № 3.

В ПОИСКАХ «ЗЕМЛИ ОБЕТОВАННОЙ»: ГЕРОИ ГИШ ДЖЕН КАК ПРЕДСТАВИТЕЛИ ГИБРИДНОГО ПОКОЛЕНИЯ

Е.М. Каравеева

Ключевые слова: Гиш Джен, гибридное поколение, текучая идентичность.

Keywords: Gish Jen, hybrid generation, fluid identity.

DOI 10.14258/filichel(2019)1-15

Китайско-американская литература последней трети XX века подарила современному читателю немало талантливых имен, среди которых Гиш Джен занимает особое место. Она постоянно экспериментирует с неудобными и даже «опасными» темами, считая их обсуждение «неотъемлемой частью писательского труда» (Jen, 1993,

с. 133)¹. Секс, расизм, власть, смена идентичности – вот лишь некоторые неудобные темы, которых касается автор в своих произведениях. Творчество Джен занимает важное место в современной азиатско-американской литературе, поскольку автор раздвигает устоявшиеся границы и находит новые трактовки известных мотивов и традиций. Широкую известность Джен принесла диалогия о китайско-американской семье Чанг. В первом романе «Типичный американец» (1991) автор затрагивает темы ассимиляции и формирования этнической идентичности поколения иммигрантов 1950-х годов на примере главного героя романа – главы семьи Ральфа Чанга. Во второй части диалогии, «Мона в Земле Обетованной» (1996), автор делает акцент на взрослении и становлении второго поколения семьи Чанг в 60-х и 70-х годах XX века. Одна из центральных сюжетных линий романа затрагивает вопрос расовой и этнической ассимиляции: главная героиня, выросшая в еврейском районе Нью-Йорка, принимает решение перейти в иудаизм. В романе также получает развитие традиционная для китайско-американской литературы тема «мать – дочь». Произведения Джен иллюстрируют стремление китайских иммигрантов преодолеть свою раздвоенность и синтезировать обе составляющих своей этничности. В данной статье творчество Гиш Джен рассматривается в контексте китайско-американской литературной традиции, исследуются тема смены этнической идентичности и конфликт поколений в романе «Мона в Земле Обетованной» на проблемно-тематическом и стилевом уровне текста.

Обращение к теме взаимоотношений матери и дочери характерно для творчества большинства китайско-американских писательниц. Традиционно эта сюжетная линия развивается в ярком историческом и социальном контексте [Караваева, 2009, с. 51]. Джен вносит новую динамику в трактовку классического мотива, выстраивает различные модели отношений между героинями, трансформирует фигуру матери и включает в сюжет отношения между сестрами. Ральф Чанг, чье путешествие через океан становится началом повествования об иммиграции в «Типичном американце», размышляет о стремлении иммигрантов стать «настоящими американцами» (Jen, 1991, с. 11). Именно он становится главным рассказчиком в романе. Женские персонажи, в особенности жена Ральфа Хелен и его сестра Тереза, намеренно отказываются от собственной индивидуальности, чтобы

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи. Перевод мой. – Е.К.

позволить самоутвердиться мужчине, в сложных ситуациях буквально впадающему в спячку. Джен подчеркивает тот факт, что женщины семьи Чанг жертвуют собой и физически, и психологически, чтобы придать Ральфу уверенности. Во второй части дилогии Джен делает основной рассказчицей Мону, младшую дочь Ральфа. Автор также существенно изменяет классическую фигуру матери и намеренно позволяет Хелен стать частью американского общества, тем самым нарушая традиционную бинарную оппозицию между матерью-иммигранткой и дочерью, рожденной в Америке. Отношения между матерью и дочерью в романе полны напряжения. Узнав, что любимая дочь Мона тайно приняла иудаизм, Хелен стремится переубедить ее. В свою очередь Мона хорошо знает реакции матери и пытается ею манипулировать. Первым признаком нарушения тесной связи между матерью и дочерью становится эпизод, в котором Хелен вместо того, чтобы по традиции ответить гримасой на гримасу Моны, читает ей лекцию о «грешных дочерях-обманщицах» (Jen, 1996, с. 45). Резкий ответ девушки обижает Хелен: она не смогла воспитать достойную и послушную дочь. С этого момента отношения матери и дочери ухудшаются и восстанавливаются лишь в конце романа на свадьбе Моны. Хотя Хелен старается воспитывать дочь в соответствии с классическими китайскими традициями, она не вписывается в традиционный образ матери, который мы находим в произведениях других китайско-американских писательниц, например, Максин Хонг Кингстон и Эми Тан. Хелен во второй части дилогии кардинально отличается от нежной и послушной Хайлин из «Типичного американца». Смена имени символизирует не только стремление героини стать частью американского общества, но и внутренние изменения личности: она больше не «послушная жена, целью жизни которой было сидеть дома и заботиться о семье» (Jen, 1996, с. 62). Трансформация героини начинается в первой части дилогии, где Хелен переживает короткий роман с предпринимателем Гровером Дингом. Муж жестоко избивает ее и выбрасывает из окна спальни на втором этаже. Во второй части Хелен – уже не жертва домашнего насилия, а глава семьи. Она ужасно злится на Ральфа, когда понимает, что тот не может о ней позаботиться. Хелен уже привыкла брать на себя ответственность и много работать, в том числе и вне дома, но чувствует себя не вполне готовой занять место главы семьи, когда оказывается одна. Героиня гордится тем, чего достигла, однако новая реальность слишком отличается от того, к чему ее готовили в детстве в Китае. Хотя время от времени «Хелен-американка» скучает по тому, как «китаянка Хайлин легко плыла по жизни в прошлом» (Jen, 1996,

с. 64), сейчас она поддерживает буржуазный стиль жизни «типичной американки» и старается стать частью американского общества.

Постепенно сюжетные рамки произведения все более раздвигаются. В традиционную схему противостояния матери и дочери Джен вводит дополнительную линию взаимоотношений с сестрой. Выпускница Гарварда Келли отличается от своей сестры Моны и по темпераменту, и по характеру. Имея престижное образование и многообещающую медицинскую карьеру, она вполне могла бы стать образцовой моделью для иммигрантов из Азии. Вместо этого Джен заставляет Келли искать китайские корни и стать настоящим синофилом. Героиня намерена утвердить собственную этническую идентичность, и считает изучение китайского языка «средством вернуться к своим корням» (Jen, 1996, с. 129). По иронии судьбы она обнаруживает, что «английский – не единственный язык, на котором ее родители говорят с акцентом» (Jen, 1996, с. 127), когда пытается поговорить с ними на своем гарвардском китайском. Келли изучает тай-ци, ест «настоящую китайскую еду», и в итоге становится большей китаянкой, чем ее родители. Она начинает носить тряпичную обувь и хлопковые брюки, и называет себя китайским именем Кайлан, чтобы всем сообщить о своей азиато-американской идентичности. Девушка до такой степени увлечена Китаем, что родители думают, что «с ней что-то не так» (Jen, 1996, с. 301). Стремление Келли приобщиться к азиато-американской культуре им чуждо, поскольку Ральф и Хелен всеми силами стремятся влиться в традиционное американское общество. Однако вместо того чтобы идеализировать образ дочери в лице Келли, Джен сатирически преломляет саму концепцию этнической идентичности. Келли, которую раньше «тошнило от того, что она – китаянка» (Jen, 1996, с. 129), обращается к своим корням благодаря влиянию подруги из Гарварда – афро-американки Наоми, которая говорит по-китайски лучше, чем сама Келли. История старшей сестры развенчивает иллюзию этнической аутентичности. Энтузиазм Келли в поисках Китая противопоставлен решению младшей героини обратиться в иудаизм. Характеры американизированной матери и этнически заикленной сестры существенно усложняют традиционный сюжет «мать – дочь». И хотя оба поколения женщин объединяет общая социальная среда, они по-разному трактуют идею «Земли Обетованной». Мать, усвоившая буржуазную идеологию американского общества, уже не является традиционной авторитетной фигурой для дочерей, которых отличает «открытость и готовность принять другие этничности как свои» [Бутенина, 2006, с. 176]. Важно отметить, что в попытках переосмыслить традицию Джен все же

придерживается классической схемы взаимоотношений между поколениями. Несмотря на то, что дочь постепенно отстраняется от матери, в финале героини находят примирение. Традиционное решение конфликта поколений отдает дань уважения фигуре матери, которая имеет особое культурное значение для азиато-американской традиции. «Земля Обетованная», в которую Мона в конце концов возвращается, – это лоно семьи. Тщательно оберегая преемственность, и в то же время, применяя новые интерпретации темы «мать – дочь», Джен придает новое звучание конфликту поколений.

По мнению Е.М. Бутениной, китайско-американские писательницы, принадлежащие второму поколению иммигрантов – Кингстон, Тан, Джен – наделяют такими же обстоятельствами рождения большинство своих героев. «Ощущение гибридности своего «я» переживается ими наиболее остро и болезненно, потому что мир семьи представляет собой локальный Китай, а за порогом родного дома начинается Америка. Вся их жизнь представляет собой бесчисленные переходы из одного культурного пространства в другое, попытки создать некое третье и обрести себя в нем» [Бутенина, 2006, с. 35].

По мере развертывания сюжета романа главная героиня все глубже втягивается в эксперименты с «примериванием» различных этнических масок. Автор окружает Мону большим количеством персонажей и позволяет героям играть масками и примерять на себя разные ипостаси. Практически каждый персонаж в определенный момент повествования меняется и пытается стать кем-то иным. Например, афро-американка Наоми решает стать китайкой, а Мона обращается в иудаизм. Напитываясь идеями иудаизма, Мона неожиданно для себя осознает, что «став еврейкой, чувствует себя китайкой более чем когда-либо» (Jep, 1996, с. 190). Американский исследователь Уэрнер Соллорс выдвигает новый подход к изучению понятия этнической принадлежности как «условному состоянию, своего рода «согласию», которое открывают для себя различные этнические группы после того, как эмигрировали в США» [Sollors, 1986, с. 265] (цит. по [Тлостанова, 2000]). Аналогичную точку зрения высказывает и другой американский критик Уильям Боелхауэр, полагая, что «этничность – это динамичная категория, постоянно приспособляющаяся к изменениям, испытываемым человеком в себе и вокруг себя» [Boelhower, 1987, с. 178] (цит. по [Тлостанова, 2000]). Мона Чанг в полной мере воплощает идею этнических переходов. В одном из интервью Джен признается, что «Мона – тот человек, которым она хотела бы быть, но никогда не была» (Jep, 1997, с. 117).

Несмотря на то, что Джен признает важность трансформаций в жизни Моны, повествование изобилует комическими обертонами. Когда героиня впервые задумывается о возможности принятия иудаизма, она полагается на наивное убеждение в американскую свободу выбора: «Быть американцем значит быть тем, кем хочешь, и я решила стать еврейкой» (Jen, 1996, с. 49). В какой-то момент, однако, Мона подумывает бросить эту идею, потому что процесс перехода оказывается слишком долгим и трудным. В разговоре с матерью свой выбор героиня оправдывает тем, что иудаизм – это религия, которую можно принять, а поменять расу и стать, например, чернокожей она не может. Очевидно, что на этом этапе упорство и настойчивость Моны объясняются лишь поверхностным желанием стать такой же, как ее друзья из еврейского квартала.

Мотив «примеривания» иной идентичности комически обыгрывается и на примере второстепенных персонажей – друзей Моны. Студента из Японии Шермана Мацумото и еврея Сета многие принимают за китайцев. Путаница, вызванная визуальным образом, подчеркивает зыбкую и текучую натуру этнической идентичности. По мере развития сюжета идентичность Шермана также меняется. В одном из телефонных разговоров Мона обнаруживает, что Шерман говорит на совершенно ином языке, чем раньше, и поражает девушку глубокими знаниями географии и навыками опытного путешественника. В конце концов, Мона узнает, что ее разыгрывают соседские мальчишки – Энди и Сет. «Шерман» – лишь голос воображаемого персонажа. Благодаря современным технологиям, любой человек может изобразить кого-то другого. Многочисленные перевоплощения персонажа Шермана иллюстрируют переменчивость этнической идентичности. Однако Джен напоминает, что в процессе формирования идентичности необходимо учитывать исторический и культурный опыт. Когда Хелен узнает, что в их доме будет жить японец, и видит японский флаг, нарисованный на коробке для льда, она впадает в истерику. Героиня не в силах забыть ужасы и жестокость китайско-японской войны, такие как, резня в Нанкине, который Мона по ошибке называет «Напкин» (Jen, 1996, с. 15). В приведенном эпизоде очевидно намерение автора обнаружить, насколько по-разному два поколения воспринимают как собственную идентичность, так и историю в целом. Воспоминания Хелен о войне помогают Джен обозначить такие важные факторы идентификации, как исторический опыт и культурное наследие.

«Мона в земле обетованной» – не первое произведение в китайско-американской литературе, рассматривающее вопрос текучей

идентичности. В романе Максин Хонг Кингстон «Обезьяна – мастер путешествий» метафорой текучей идентичности становится магическая сила короля обезьян, способного трансформироваться семьдесят два раза (Kingston, 1990). Оба произведения обнаруживают схожесть тем и мотивов. Действия романов происходят в 1960-х – 1970-х годах; главные героини – Витман и Мона – пытаются выстроить собственную идентичность. Можно утверждать, что Джен преобразует традицию текучей идентичности в образе девочки-подростка из семьи иммигрантов. Возможность выбора и смены этнокультурных масок бросают вызов концепции этнической аутентичности. Как справедливо отмечает Е.М. Бутенина, Джен «доводит процесс «примеривания» этнических ипостасей до комического постмодернистского карнавала» [Бутенина, 2011, с. 14]. Келли признается Моне, что «не понимала, что значит быть китайкой до тех пор, пока не встретила Наоми» (Jep, 1996, с. 168). Мона, в свою очередь, не воспринимала себя «цветной», хотя знала, что она не белая. «Желтая, – говорит Наоми. – Ты – желтая. Желтый человек, желтая девочка» (Jep, 1996, с. 170). Позднее Мона обнаруживает, что даже китайская еда Наоми более аутентична, чем стряпня Хелен. На курорте Наоми учит Мону готовить «настоящую копченую утку, секрет которой состоит в вымачивании утки в маринаде из трав в течение 16 часов» (Jep, 1996, с. 186). В ответ Мона «делится рецептом любимого блюда Хелен – утка по-пекински в стиле Вечестер. Весь секрет – мариновать утку всю ночь в Пепси-коле» (Jep, 1996, с. 186). Обмен рецептами дискредитирует идею аутентичной кухни и иллюстрирует процесс гибридизации в действии: афро-американка может научить китайских американцев, как быть китайцами и готовить настоящую китайскую еду. В финале романа главная героиня окончательно избирает для себя китайско-еврейскую идентичность, о которой решает заявить в фамилии: вместе со своей новорожденной дочерью Ио, Мона и Сет становятся семьей Чанговиц (Jep, 1996, с. 303). Если решение Ральфа поменять фамилию на *Чанги* (сочетание фамилии Чанг и слова «янки») было попыткой влиться в американское общество, то *Чанговиц* символизирует сознательный выбор соединения с иной этнической группой. Два поколения семьи пытаются создать собственную этническую идентичность и по-разному интерпретируют идею американской «Земли Обетованной». Рождение девочки Ио символизирует зарождение новой американской нации и раздвигает условные границы этничности. В некоторой степени финал романа автобиографичен, поскольку Джен замужем за американцем еврейского происхождения, и в их семье двое детей. Однако гораздо

более значимым представляется намерение автора создать новую реальность, которая выходит за рамки бинарной оппозиции и учитывает сложные расовые, классовые и гендерные переплетения. «Соположение таких несовместимых, на первый взгляд, этничностей, как китайская и еврейская, оказывается возможным благодаря игровому началу китайско-американской литературы эпохи постмодерна» [Бутенина, 2006, с. 177].

В поисках ответов на вопросы Мона идет трудным путем к истине, освобождаясь от груза предубеждений, ложных привычек, совершая для себя много открытий. Кульминацией разрешения конфликта поколений становится свадьба Моны и Сета. Джен изящно переносит акцент с традиционного узла «мать – дочь» на новый тип семейных отношений, включающий три поколения женщин. Когда Хелен появляется на свадьбе дочери, Мона готова разрыдаться: «Можно было подумать, что Хелен – именно тот человек, с кем Мона обещает быть и в горе, и в радости до самой смерти» (Джен, 1996, с. 304). Мона бросается навстречу матери, а ее дочь Ио падает. Но вместо того, чтобы заплакать, малышка поднимается и хлопает в ладоши. Маленькая внучка выступает свидетелем восстановленной связи между бабушкой и мамой.

«Земля Обетованная», которую ищет Мона, и которую предлагает Джен, – это многогранное пространство, в котором возможен компромисс между поколениями, несмотря на противоречия и разногласия. Отношения между матерью, дочерью, сестрами, взаимодействие героев с другими людьми позволяют Джен обозначить свой взгляд на проблемы конфликта поколений и поиска идентичности и, создавая особую комическую тональность повествования, заложить новую традицию в китайско-американской литературе.

Литература

Бутенина Е.М. Гибридная идентичность как литературная проблема: на материале китайско-американской женской прозы XX века. М., 2006.

Бутенина Е.М. Межкультурные топосы в китайско-американской литературе // Вестник Томского университета. 2011. № 343.

Караваева Е.М. Конфликт поколений в романах Максина Хонг Кингстон и Эми Тэн: к проблеме поиска идентичности в азиатско-американской литературе США последней трети XX века. М., 2009.

Тлостанова М.В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. М., 2000.

Boelhower W.Q. Through a glass darkly: Ethnic semiosis in American literature. New York, Oxford, 1987.

Sollors W. *Beyond Ethnicity: Consent and Descent in American Culture*. New York, Oxford, 1986.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Jen G. *Typical American*. Boston, 1991.
Jen G. *Mona in the Promised Land*. New York, 1996.
Jen G., Matsukawa Y. Interview: Gish Jen // MELUS 18. 1993. №. 4.
Jen G., Satz, M. Writing About the Things That Are Dangerous: A Conversation with Gish Jen. // *Southwest Review* 78. 1997. №. 1.
Kingston M.H. *Tripmaster Monkey*. New York, 1990.

References

- Butenina E.M. *Gibridnaya identichnost' kak literaturnaya problema: na material kitaisko-amerikanskoi zhenskoi prozy XX veka* [Hybrid Identity as a Literary Problem in Chinese-American Literature of the 20th century]. Moscow, 2006.
Butenina E.M. *Mezhkul'turnye toposy v kitaisko-amerikanskoi literature* [Intercultural Toposes in Chinese-American Literature]. *Vestnik Tomskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk University]. Tomsk, 2011. Iss.343.
Karavaeva E.M. *Konflikt pokolenii v romanakh Maxin Hong Kingston i Amy Tan: k problem poiska identichnosti v aziato-amerikanskoi literature poslednei treti XX veka*. [Generational conflict in the writing of Maxin Hong Kingston and Amy Tan: searching for identity]. Cand. of Philol. Diss., Moscow, 2009.
Tlostanova M.V. *Problema multikulturalizma i literatura USA konca XX veka*. [The problem of multiculturalism and literature of the USA at the end of the 20th century]. Moscow, 2000.
Boelhower, W.Q. *Through a glass darkly: Ethnic semiosis in American literature*. New York, Oxford, 1987.
Sollors W. *Beyond Ethnicity: Consent and Descent in American Culture*. New York, Oxford, 1986.

List of sources

- Jen G. *Typical American*. Boston, 1991.
Jen G. *Mona in the Promised Land*. New York, 1996.
Jen G., Matsukawa Y. Interview: Gish Jen. *MELUS* 18. 1993. No. 4.
Jen G., Satz M. Writing About the Things That Are Dangerous: A Conversation with Gish Jen. *Southwest Review* 78. 1997. No. 1.
Kingston M.H. *Tripmaster Monkey*. New York, 1990.

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

Е.Ю. Иванова. Подчинительный союз *da / da* в южнославянских языках. Южнославянские языки демонстрируют два противоположных вектора развития подчинительного союза *da*. В южнославянских языках западной подгруппы (например, сербский, словенский) развитие союза *da / da* шло по пути становления его как функционального (асемантического) союза, в то время как в восточной подгруппе южнославянских языков (болгарский и македонский) произошла грамматикализация *da* как приглагольного элемента, в результате чего современное *da* приобрело функции и свойства конъюнктивоподобной частицы. Это различие определяет как линейно-синтаксические, так и семантические особенности *da / da* в рассматриваемых языках. В то время как в западных языках южнославянской группы *da / da* является подчинительным союзом с недифференцированным значением, в болгарском и македонском языках структура сложного предложения с союзом *da* или с составными союзами, включающими *da*, диктуется приглагольным поведением *da*, что выражается в возможности выноса синтаксических групп придаточного предложения в позицию перед *da*, в разрыве компонентов составного союза и др. Семантическое отличие балканославянского *da* заключается в его неспособности вводить реальные положения дел, что ведет и к модально-темпоральным ограничениям форм зависимого предиката. Имеются, однако, зоны, где это семантическое ограничение нейтрализуется. Обсуждаются причины (в основном, диахронического плана), которые привели к наличию таких зон.

E.Yu. Ivanova. Subordinate Conjunction *da* in South Slavic Languages. South Slavic languages show two opposite trends in the development of the subordinate conjunction *da*. In South Slavic languages of the Western subgroup (such as Serbian, Slovene) *da* conjunction became a functional conjunction, while in the Eastern subgroup (Bulgarian and Macedonian) it underwent the process of grammaticalization as a verbal modifier with functions and properties of a subjunctive particle. This

difference shapes both linear syntactic and semantic peculiarities of *da* in those languages. In contrast to the Western South Slavic languages, where *da* is a subordinate conjunction of an undifferential meaning, in Bulgarian and Macedonian, due to the role of *da* as a verbal modifier, the conjunction *da* and composite conjunctions including *da* influence the structure of a compound sentence: the transfer of syntactic phrases from the subordinate clause to the position preceding *da*, the separation of composite conjunction components, etc. The semantic peculiarity of the Balkan Slavic *da* lies in its inability to introduce real states of affairs, which induces modal and temporal features of the subordinate predicate forms. There are, however, cases where these semantic constraints are neutralised. The reasons (mostly of diachronic nature) which caused such cases are studied by the author.

Д.С. Мухортов. Об особенностях исследования языковой личности политика на современном этапе. В данной статье обсуждаются подходы российских и иностранных ученых к анализу языковой личности политика. Отмечается, что российские исследователи имеют тенденцию рассматривать политическую коммуникацию с точки зрения описания нюансов языкового плана в речах политиков первого звена, тогда как научные амбиции их зарубежных коллег заключаются в рассмотрении неразрывной связи между риторикой политика и его действиями как локального, так и глобального характера, в связи с чем активно проводятся междисциплинарные исследования. В статье указываются механизмы проведения исследований языковой личности политика, позволяющие отслеживать изменения лингвистических параметров речи за определенный промежуток времени. Убедительным доказательством эффективности использования количественных методов исследования является программа контент-анализа с аббревиатурным названием LIWC, в расшифровке – Linguistic Inquiry and Word Count. Важным преимуществом данного инструментария по сравнению с аналогами является равномерный учет в речи человека номинативных и функциональных частей речи. Совокупный учет этих двух кластеров лексики при проведении качественного анализа позволяет исследователю верифицировать гипотезы относительно особенностей вербального поведения человека в анализируемых коммуникативных ситуациях. Анализ характеристик этой программы на примере многочисленных данных позволяет делать вывод о том, что на современном этапе исследования прагмалингвистических характеристик языковой личности возникает арсенал средств, которые способствуют достижению точных и нужных результатов.

D.S. Mukhortov. On the Research of the Politician's Linguistic Profile Today. The article discusses Russian and international approaches to studying the politician's linguistic profile. It is assumed that Russian scholars tend to regard political communication in terms of numerous linguistic nuances that have little bearing on its actors and their actions, while foreign researchers strongly associate the politician's rhetoric with all implications of the politician's involvement in a situation, be it local or global, and conduct their studies multidisciplinary. The article also provides insights into research tools which help to provide a more precise analysis of the politician's linguistic style, follow its changes and transformations and study its potential. An example in question is the content-analysis program Linguistic Inquiry and Word Count. Its designers have been able to prove the equal importance of notional and functional words. Their sum total provides researchers with an opportunity to verify the ideas about this or that way of speaking of a particular politician. Thus, pragmalinguistic researchers today may employ new techniques to study the politician's style and to achieve sound results of their work.

О.М. Литвишко. Дискурсивные маркеры в государственных политико-правовых документах (на материале Ежегодного послания Президента Федеральному собранию РФ и ежегодного послания президента США Конгрессу). В статье описываются особенности функционирования дискурсивных маркеров в государственных документах на русском и английском языках. Дискурсивные маркеры служат для организации высказывания, способствуют установлению и поддержанию контакта с собеседником, помогают выражать эмоции и оценочные суждения. В текстах ежегодных обращений лидеров государств содержится достаточно большое количество дискурсивных маркеров, которые можно отнести к различным группам. Дискурсивные маркеры в текстах на русском языке более однородны. Англоязычным текстам присуще более разнородное использование дискурсивных маркеров. Особую значимость имеет языковая личность политика и его риторический стиль. Количественный анализ текстов позволяет выявить языковые и социокультурные различия между государствами.

O.M. Litvishko. Discourse Markers in State Political and Legal Documents (Based on the Annual Address of the President to the Federal Assembly of the RF and State of the Union Address of the USA President). The article describes the peculiarities of discourse markers functioning in state documents in Russian and English. Discourse markers serve to organize the utterance, establish and maintain the contact with the

interlocutor, help to express emotions and evaluative judgments. Texts of the Annual Presidential Address contain many discourse markers belonging to different groups. Discourse markers in Russian texts are more homogeneous. It is typical of English texts to use a wider range of discourse markers. Language profile of the politician and his rhetoric style are of specific importance. Quantitative analysis of the texts helps to define linguistic, social and cultural differences between the states.

А.В. Кремнева. Интертекстуальные включения как один из барьеров на пути интерпретации смысла текста. Проблема понимания и интерпретации смысла текста относится к числу основных при изучении текста. Подход к пониманию текста с позиций диалогизма человеческого мышления позволяет считать, что в процессе создания и восприятия текста происходит диалог двух сознаний, двух концептуальных систем, автора и потенциального читателя. При этом успешность такого диалога, то есть понимание смысла художественного текста читателем, к которому обращено сознание автора, зависит от объема т.н. разделенного, или общего знания, содержащегося в концептуальных системах автора и читателя. Одна из основных особенностей современных художественных текстов состоит в значительном разнообразии и сложности способов передачи авторского смысла, который зачастую не представлен эксплицитно, выражен неконвенциональными способами, и его экспликация требует значительного читательского тезауруса, интерпретаторского таланта, инференциального усилия. Одним из барьеров на пути понимания, как показано в статье, является кодирование смысла с помощью отсылки к другому, т.н. прецедентному тексту. Характерной особенностью современных художественных текстов является высокая степень их интертекстуальной плотности. При этом интертекстуальные включения часто являются наиболее смыслоемкими элементами текста, и незнание прецедентных тестов или их неверное истолкование приводит к непониманию доминантного смысла текста. В результате своего исследования автор приходит к выводу о том, что адекватная интерпретация текста с интертекстуальными включениями обусловлена: 1) уровнем межтекстовой компетенции читателя; 2) наличием в его когнитивной базе богатого интертекстуального тезауруса; 3) умением использовать тезаурусные знания в вербализации результатов своей рефлексии над смыслом текста.

A.V. Kremneva. Intertextual Fragments as a Barrier on the Way to the Interpretation of the Text Meaning. The problem of understanding and interpreting the meaning of the text appears to be the central one in text

studies. The study of text meaning based on the principle of dialogical nature of human thinking enables us to presume, that the process of text formation and text interpretation results in the dialogue of two minds, two conceptual systems, that of the writer and that of the potential reader. The success of this dialogue, i.e. the understanding of the text by the reader, to whom the author's mind appeals in the process of dialogue, largely depends on the amount of the so called shared knowledge, contained in the conceptual systems of the author and the reader. One of the main features of modern texts is the extreme variety and complexity of meaning presentation. Very often meaning is not presented explicitly or expressed with the help of unconventional means and its explication calls for a considerable talent of interpretation, an inferential effort and as well as a wide thesaurus of the reader. As the article shows, one of such barriers on the way to understanding is the meaning coding with the help of allusion to another, so called precedent text. The characteristic feature of modern texts is the high degree of their intertextual density. Such intertextual fragments very often carry out the most important meanings, and the lack of knowledge of precedent texts or the failure in their interpretation results in the failure to understand the dominant meaning of the text. As the result of the study the author concludes that an adequate interpretation of the text with intertextual elements is conditioned by the following factors: 1) the level of the reader's intertextual competence; 2) the presence in his/her cognitive base of a rich intertextual thesaurus; 3) the ability to correctly use the data of the intertextual thesaurus in the process of verbalizing the results of his / her reflection over the text meaning.

О.А. Киба. Парадигматика и синтагматика инженерного дискурса: лингводидактический подход. Данная статья посвящена инженерному дискурсу и его организации. Эта внутренняя организация наиболее четко проявляет себя в процессе обучения профессиональному русскому языку. Физический объект и его 10 основных признаков (количество, причина, местоположение, материал, форма, цвет / вкус / запах / консистенция, возникновение / существование, функция, действие и сопоставление) в аутентичных текстах могут быть определены через дискурс-анализ. Особое внимание уделяется этапам («шкагам») дискурс-анализа, которые в целом составляют алгоритм. Каждый этап в статье рассмотрен на национальном текстовом материале. Дискурсивный материал основан на современных технологиях, которые представляют инженерию XXI века (энергоэффективные технологии и альтернативная энергетика, нанотехнологии, биотехнологии,

экотехнологии, компьютерно-информационные технологии, когнитивные технологии). Статья адресована лингвистам, преподавателям русского языка как иностранного, а также всем специалистам, которых интересуют вопросы практического применения результатов дискурс-анализа в обучении профессиональному русскому языку.

O.A. Kiba. Paradigmatic and Syntagmatic Aspects of Engineering Discourse: Linguodidactic Approach. The article is devoted to engineering discourse structure. The internal organization manifests itself in the teaching of Professional Russian. An object of reality and its 10 main features (quantity, cause, location, material, form, color / flavor / smell / consistency, appearance / existence, function, action and comparison) in the authentic texts can be defined through discourse analysis. Much attention is given to discourse analysis steps. All these steps put together make up some algorithm. In the article each step is illustrated through authentic national text material. Discourse material is based on the contemporary technologies, which represent engineering of the XXI century (energy-efficient technologies and alternative power generation sources, nanotechnology, biotechnology, ecotechnology, IT, cognitive technology). The article is of special interest for linguists, teachers of Russian as a foreign language and those who are interested in practical application of discourse analysis.

С.А. Осокина. Языковые особенности оформления договоров купли-продажи автомобиля на русском и английском языках: перевод и локализация. Цель статьи состоит в выявлении языковых отличий в оформлении договора купли-продажи автомобиля на русском и английском языках, значимых с точки зрения перевода документа с одного языка на другой. Материалом исследования являются тексты договоров купли-продажи автомобиля на русском и английском языках. Основной метод исследования – сопоставительный анализ текстов документов на русском и английском языках. Рассматриваются языковые особенности текста документа, выявляются проблемы перевода договоров купли-продажи автомобиля с одного языка на другой, предлагаются решения в аспекте локализации переводных текстов. Основным результатом исследования является вывод о необходимости сопоставления реквизитов документов на обоих языках и использования шаблонных формулировок, фигурирующих в документах соответствующего типа, что указывает на необходимость использования инструментов локализации текста в дополнение (или вместо) традиционных приемов перевода.

S.A. Osokina. Language Features of Vehicle Sales Agreement in the Russian and English Languages: Translation vs. Localization. The aim of the article is to find out language features of Vehicle Sales Agreement in the Russian and English languages, significant from translation standpoint and localization one. The material under analysis is Vehicle Sales Agreements in the Russian and English languages, given on the Internet in open access mode. The main method of research is comparative analysis of the document texts in both languages. The article examines language features of the documents and reveals linguistic problems, connected with the translation of the documents from one language to another. The author offers solutions from localization standpoint. It is suggested that the main method in localization of Vehicle Sales Agreement should be the usage of some definite translation patterns for certain documents in both languages. The conclusion is that translation of documents cannot be done without using necessary localization tools.

Т.В. Федосова, М.И. Абдыжапарова. Метафоры, которыми жили теории Эрика Берна (на материале книг Э. Берна «Games People Play» и «What Do You Say after You Say “Hello?”»). В статье проводится лингвостилистический анализ текстов научных произведений американского психолога Эрика Берна «Games People Play» («Игры, в которые играют люди») и «What Do You Say after You Say “Hello?”» («Люди, которые играют в игры») в свете теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, которые систематизировали метафоры, рассмотрели их как когнитивный инструмент и вывели их в прикладное русло – взаимодействие человека с окружающим миром. Ученые выделяют взаимодействие когнитивных структур двух концептуальных доменов в процессе метафоризации – сфер источника (source) и мишени (target). В концепции Берна чаще всего встречаются ориентационные метафоры, актуализирующие следующие отношения: родитель – взрослый – ребенок, мужчина – женщина, человек – социум, основывающиеся на модели стимул – реакция. Авторы также проводят обзор современных когнитивных исследований, проливающих свет на типы метафор и их прикладной характер; описывают типы метафор, которые встречаются в научных работах Э. Берна, определяют их основную функцию – «опредмечивание» абстрактных понятий.

T.V. Fedosova, M.I. Abdyzhaparova. Metaphors by which Eric Bern's Theories Lived (Based on the books by E. Bern *Games People Play* and *What Do You Say after You Say “Hello?”*). The article is devoted to linguostylistic analysis of scientific works by the American psychologist

Eric Berne *Games People Play* and *What Do You Say after You Say "Hello?"* in the framework of the conceptual metaphor theory, developed by J. Lakoff and M. Johnson. Those scientists classified metaphors, treated them as a cognitive tool and introduced them into the applied science, i.e. interaction of a person with the surrounding world. The scholars point out the interaction of cognitive structures, linking two conceptual domains in the course of metaphorization – the source sphere and the target sphere. The orientation metaphors that most often occur in E. Berne's works are: a parent – an adult – a child, a man – a woman, and a man – society, based on a stimulus-response model. The authors also make a review of the modern cognitive studies which differentiate the types of metaphors and their applied character, describe types of metaphors which are used in the scientific works by E. Berne, and define their main function – «objectification» of abstract concepts.

И.Б. Ушакова. О настоящем и «настоящности». Одним из объектов внимания в статье выступают особенности невременной семантики прилагательного *настоящий*. Несмотря на устойчивую лексикографическую традицию выдвигать на первый план временное значение данного прилагательного, в работе подчеркивается первостепенность качественно-оценочных значений прилагательного *настоящий*. Данные значения рассматриваются с позиций современной прототипической теории естественной категоризации, то есть акцентируется внимание на том, что, сочетаясь с тем или иным именем, прилагательное *настоящий* указывает на то, что называемый «объект» относится (с точки зрения говорящего) к ядру категории, является ее образцовым представителем. В статье также затрагивается вопрос о семантике и статусе слова «*настоящность*» в современном русском языке. Данное слово существует в современном русском языке преимущественно в своем невременном значении, а именно «*подлинность, неподдельность, истинность, искренность*», и при всей насущности значения существительного *настоящность* оно было и остается некодифицированным словом в современном русском языке.

I.B. Ushakova. On the Semantics of the Russian Words *настоящий (nastoyashchij)* and «*настоящность*» (*nastoyashchnost'*). The article focuses on the non-temporal semantics of the Russian adjective *настоящий*. Despite the fact that there is a strong tradition in the Russian lexicography to put the temporal meaning of this adjective in the foreground, the article emphasizes that the Russian adjective *настоящий* is used in every-day speech mostly in its non-temporal meanings. The latter are regarded in the framework of modern prototype theory of natural

categorization, i.e. it is suggested that the adjective *настоящий* in the preposition to a noun (i.e. as a part of a noun phrase) is among the linguistic means that point at the very central position of the object in the “field” of the natural mental category expressed by that noun. The article also attempts to answer the questions about the semantics of the word «*настоящность*» and its status in the modern Russian language. The noun «*настоящность*» has existed in the Russian language in its temporal meaning at least since the beginning of the 19th century. Now it is used mainly in its non-temporal meaning «*подлинность, неподдельность, истинность, искренность*», and despite the importance of this meaning for the Russian culture it is still not codified in the dictionaries.

Е.Г. Романова. Аккультурация как объект художественного исследования в ранней прозе Г. Гребенщикова. В статье на материале ранних рассказов и повестей Г. Гребенщикова («На лыжах», «Ханство Батырбека», «На Иртыше», «Кызыл-тас», «Любава») рассматривается отражение процессов и результатов взаимодействия культур разных этнических групп. Эти тексты показывают трагическое столкновение, непростое сожительство, противостояние и специфику коммуникации народов Сибири, характеризуются этнографической и исторической достоверностью в описании быта и культуры сибирских крестьян, казахских кочевников и алтайцев. Гребенщиков фиксирует разные формы взаимодействия культур, определяет возможные реакции на процесс аккультурации: **сепарацию, интеграцию, маргинализацию.** Интеграция оценивается Гребенщиковым как предпочтительный путь, который поможет, частично сохранив культурную самобытность, выстроить приемлемую систему взаимодействий.

E.G. Romanova. Acculturation as an Object of Artistic Research in G. Grebenshchikov's Early Prose. The article discusses the processes and results of the interaction of cultures of different ethnic groups as reflected in G. Grebenshchikov's early stories (*On skis, Khanate of Batyrbek, On the Irtysh, Kyzyl-Tas, Lyubava*). These texts show tragic confrontation, uneasy co-living, opposition and specific communication of the peoples of Siberia, and they are full of ethnographic and historical authenticity in the description of the life and culture of Siberian peasants (Russians), Kazakh nomads and the Altaians. Grebenshchikov records various forms of interaction of cultures, defines possible reactions to the acculturation process: separation, integration, marginalization. Integration is estimated by Grebenshchikov as the most preferable path that will help

to build an acceptable system of interactions partially preserving cultural identity.

В.Я. Иванова. **Структура художественного времени и пространства в пьесе А. Вампилова «Дом окнами в поле».** В статье рассматриваются структура и динамика художественного времени в ранней пьесе А. Вампилова «Дом окнами в поле», связь времени с пространством, их метафорическое единство. Прослеживается преемственность с поздней пьесой драматурга «Утиная охота», где сложное дифференцированное время смыкается с вневременной вечностью. Трансформации прошлого, настоящего и будущего в пьесе «Дом окнами в поле» определяют динамику отношений главных героев, формируют сюжет. В прошлом времени остаются возможности несостоявшегося будущего, способного еще влиять на настоящее. И оно воспринимается героями как ресурс. Размываются границы реального и нереального, будущее включается в настоящее и становится прошлым, деконструируется. Действие на сцене, локализованное в диалоге влюбленных, характеризуется simultaneity художественного времени – прошлого, настоящего и будущего, что становится катализатором момента принятия Третьяковым решения. В пьесе «Дом окнами в поле» творческое отношение со временем главных действующих лиц имеет судьбоносное значение. Вариативность временных пластов, их сдвиги, свобода воображаемого перемещения героев внутри времени создают в пьесе особый вампиловский хронотоп.

V.Ya. Ivanova. **Structure of Artistic Time and Space Continua in the Play of A. Vampilov *House Overlooking the Field*.** The article deals with the structure and dynamics of artistic time in the early play of A. Vampilov *House Overlooking the field*, the connection of time with space, their metaphorical unity. There exists continuity with a later play *Duck Hunting*, where complex differentiated time is linked to timeless eternity. Transformations of the past, present and future in the play *House Overlooking the Field* determine the dynamics of the relations of the main characters and form the plot. In the past, there are opportunities for abandoned future that can still influence the present. And it is perceived by the heroes as a resource. The boundaries between the real and the unreal are blurred, the future is included in the present and becomes the past, gets deconstructed. The action on the stage, localized in the dialogue of two lovers, is characterized by the simultaneity of the artistic time – the past, the present and the future, which becomes the catalyst for the moment when the decision is made by Tretyakov. In the play *House Overlooking the Field*

creative relationships of the main characters with the time acquire the significance of fateful. The variability of time frames, their layers, freedom of imaginary time travel of the heroes create a special Vampilov chronotope in the play.

С.А. Ан, Я.П. Изотова. О вечном и временном: семантика заглавия романа Рут Озеки «Моя рыба будет жить». В статье представлен анализ нового для отечественного читателя романа американки японского происхождения Рут Озеки под названием «Моя рыба будет жить», отмеченного несколькими престижными литературными премиями. Написанный на границе реализма и фантастики, роман обращен и к подросткам, и к взрослым. Рассмотрена семантика заглавия романа: в центре его – образ рыбы. Этот образ амбивалентен, символизирует жизнь и смерть одновременно: рыба живуча в воде, но, извлеченная из нее, быстро погибает. Несмотря на то, что в содержании произведения утверждается жизнь, тема смерти играет значимую роль: в мыслях о суициде, в образе ритуального цветка, в описании школьных вымышленных похорон, в описании реальных похорон монахини. Через конфликт поколений, специфику языка, используемого разными слоями общества, через экзистенциальные переживания героев выявляются аспекты вечного и временного бытия.

S.A. An, Ya.P. Izotova. On the Eternal and Temporary: Semantics of the Title of the Novel by Ruth Ozeki *My Fish Will Live*. The article presents an analysis of a novel quite new for the Russian reader. It is *My Fish Will Live* by Ruth Ozeki – an American with Japanese background, awarded with several prestigious literary awards. Written on the border of realism and fiction, the novel is addressed to both teenagers and adults. The semantics of the title of the novel is considered: it centers on the image of the fish. This image is ambivalent, it symbolizes life and death at the same time: the fish lives in water, but the fish extracted from it quickly perishes. In spite of the fact that life is glorified throughout the work, the theme of death plays a significant role: in thoughts of suicide, in the image of a ritual flower, in the description of a factious school funeral, in the description of the real funeral of the nun. The aspects of eternal and temporary existence are revealed through the conflict of generations, the specifics of the language used by different layers of society, through the existential experiences of the heroes.

О.А. Теуш. Лексическое воплощение идеограммы 'просека' в диалектах Европейского севера России. Статья посвящена лексемам, имеющим значение 'просека' в диалектах Европейского севера России.

Этимологизируется базовая лексема гнезда и вписывается в круг родственных наименований. Весь комплекс лексем-синонимов анализируется с точки зрения происхождения слов и их семантических связей. Интерпретируются ономаσιологические модели. Определяются доминантные способы образования номинативных единиц со значением 'просека', основным из которых является отглагольное словопроизводство. Деструктивная семантика производящих глагольных лексем отмечается как преобладающая. Выявляются и этимологизируются заимствованные лексемы. Для заимствований, проникших в диалектную речь из русского общенационального языка, приводятся данные индоевропейских языков-источников: немецкого и французского. Диалектные заимствования интерпретируются как прибалтийско-финские, волжские и тюркские. Определяется характер используемой при номинации просек метафоры.

O.A. Teush. The Lexical Expression of Ideogram 'Forest Clearing' in the Dialects of the European North of Russia. The article is devoted to lexical units with the meaning 'forest clearing' in the dialects of the European North of Russia. The basic lexeme of the nest is etymologized and fit into the group of cognate names. The whole complex of synonymic lexemes is analyzed from the point of view of word origins and their semantic relations. Onomasiological models are interpreted. The article defines dominant ways of building names with the meaning 'forest clearing', the main of them being verb derivatives. The semantics of destruction in producing verbal lexemes is marked as prevailing. Borrowed lexemes are identified and etymologized. The data from Indo-European source languages: German and French are given for borrowings that have penetrated into the dialect speech from the Russian national language. Dialect borrowings are interpreted as the Baltic-Finnish and Volga Turkic. The nature of the metaphor employed in the nomination of forest clearing is determined.

М.А. Головцова, А.А. Шунейко. «Восхищение» в разных культурных традициях. Целью работы является выявление связанных с восхищением особенностей речевого этикета, характерных для русского и китайского языков, нашедших отражение в разном объеме лексического значения эквивалентных слов. Восхищение – сильное чувство, возникающее в результате наблюдения объекта, свойства которого, на наш взгляд, являются особенными и выдающимися, превосходящими наши ожидания. Существует огромное количество коммуникативных форм, посредством которых выражается восхищение. Исследование

взаимосвязи языка и эмоций является немаловажным в наши дни. Восхищение как составляющая часть комплимента является одним из способов налаживания контакта между собеседниками и обладает своими универсальными и национально-специфическими особенностями. Выявление и сопоставление способов выражения восхищения в русской и китайской лингвокультурах поможет обнаружить эти особенности. Актуальность данного исследования определяется важностью использования форм позитивной оценки для реализации успешной коммуникации.

M.A. Golovtsova, A.A. Shuneyko. *Admiration in Different Cultural Traditions.* The article is devoted to identifying the features of speaking etiquette related to the expression of admiration that are typical of the Russian and Chinese languages, and are reflected in the different volume of the lexical meaning of equivalent words. Admiration is a strong feeling that comes from watching the object the qualities of which are special, outstanding and exceeding our expectations. There are many communicative forms that one uses to express the admiration. Today the investigation of relation of language with emotions is important. Admiration as a component of compliment is one of the ways to establish relations between the interlocutors and has its common and culture-specific features. The identification and comparison of communicative forms of admiration in Russian and Chinese linguocultures will help to find these features. Intercultural communication is becoming more diverse; therefore, the importance of using positive forms for its successful implementation makes this research relevant.

Чжао Сюе. Л. Улицкая в китайской русистике: причины популярности, аспекты изучения. Автор вводит в русское литературоведческое поле работы китайских авторов, посвященные творчеству Л. Улицкой, анализирует причину популярности писательницы в Китае, выделяет рецептивные установки, определяющие интерпретацию и оценку ее творчества. Автор приходит к выводу о том, что китайский «мягкий» феминизм, а также значимость преемственности для китайского читателя обусловили высокую оценку произведений Улицкой в Китае, а также определили актуальные смыслы, которые вычитывают русисты.

Zhao Xue L. Ulitskaya in Chinese Russian Studies: Reasons for Popularity, Aspects of the Study. The author introduces the works of Chinese authors on the books by L. Ulitskaya into the Russian literary field, analyzes the reason for the writer's popularity in China, identifies receptive presuppositions that determine the interpretation and evaluation of her

works. The author comes to the conclusion that China's "soft" feminism and the importance of continuity for the Chinese readers have led to a high assessment of the works by Ulitskaya in China. The author also identifies the reality meanings that are recognized by the Russianists.

Е.М. Караваева. В поисках «Земли Обетованной»: герои Гиш Джен как представители гибридного поколения. Автор статьи обращается к творчеству современной американской писательницы китайского происхождения Гиш Джен. Исследование художественного воплощения темы текучей этнической идентичности и традиционного мотива конфликта поколений в романе «Мона в Земле Обетованной» позволяет сделать вывод о том, что «Земля Обетованная» – это многогранное пространство, в котором возможен компромисс между поколениями, несмотря на противоречия и разногласия. Отношения между матерью, дочерью, сестрами, взаимодействие героев с другими людьми позволяют Джен обозначить свой взгляд на проблемы конфликта поколений и поиска идентичности и, создавая особую комическую тональность повествования, заложить новую традицию в китайско-американской литературе.

E.M. Karavaeva. In Search of the Promised Land: Gish Jen's Characters Representing the New Hybrid Generation. The article examines the ways in which Gish Jen experiments with fluid identity and ethnic switches, and reinvents a traditional mother-daughter plot in her novel *Mona in the Promised Land*. The analysis shows that Jen promotes the construction of a kind of objectivity that goes beyond binary oppositions and takes account of intricate interrelations of race, class, and gender. By writing about the dynamics of mother-daughter, sibling, and interracial interactions, Jen shares her view on the theme of generation gap and ethnic and class differences. Creating a special kind of comic vision, she reinvents a new tradition for Chinese American women's writing.

НАШИ АВТОРЫ

**АБДЫЖАПАРОВА,
Марина
Илларионовна**

– кандидат филологических наук, доцент
Югорского государственного университета
(Ханты-Мансийск).
E-mail: mabdyzharova@mail.ru

**АН,
Светлана
Андреевна**

– доктор философских наук, профессор
Алтайского государственного педагогического
университета (Барнаул).
E-mail: fil-fik@altspu.ru

**ГОЛОВЦОВА,
Мария
Александровна**

– магистрант Комсомольского-на-Амуре
государственного университета.
E-mail: maria94gl@mail.ru

**ИВАНОВА,
Валентина
Яковлевна**

– кандидат филологических наук, кандидат
культурологии Иркутского государственного
университета, научный сотрудник Иркутского
областного краеведческого музея.
E-mail: i_valya@mail.ru

**ИВАНОВА,
Елена
Юрьевна**

– доктор философских наук, профессор Санкт-
Петербургского государственного университета.
E-mail: e.y.ivanova@spbu.ru

**ИЗОТОВА,
Яна
Петровна**

– кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного педагогического
университета (Барнаул).
E-mail: yana-izotova@mail.ru

**КАРАВАЕВА,
Екатерина
Михайловна**

– кандидат филологических наук, доцент
Московского государственного института
международных отношений.
E-mail: gazoprovod-24@yandex.ru

**КИБА,
Олег
Александрович**

– кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного технического
университета им. И.И. Ползунова (Барнаул).
E-mail: kibaoleg@yahoo.com

**КРЕМНЕВА,
Анна
Валерьевна**

– кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного технического
университета им. И.И. Ползунова (Барнаул).
E-mail: annakremneva@mail.ru

**ЛИТВИШКО,
Ольга
Михайловна**

– кандидат политических наук, доцент
Пятигорского государственного университета.
E-mail: olitvishko@yandex.ru

**МУХОРТОВ,
Денис
Сергеевич**

– кандидат филологических наук, доцент
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова.
E-mail: dennismoukhortov@mail.ru

**ОСОКИНА,
Светлана
Анатольевна**

– доктор филологических наук, доцент
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: s.a.osokina2@yandex.ru

**РОМАНОВА,
Екатерина
Геннадьевна**

– кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: katrom7@mail.ru

**ТЕУШ,
Ольга
Анатольевна**

– кандидат филологических наук, доцент
Уральского федерального университета
им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина
(Екатеринбург).
E-mail: olga.teush@yandex.ru

**УШАКОВА,
Ирина
Богдановна**

– кандидат филологических наук, доцент
Хабаровского государственного университета
экономики и права.
E-mail: irina.ushakova.16@mail.ru

**ФЕДОСОВА,
Татьяна
Викторовна**

– кандидат филологических наук, доцент Горно-
Алтайского государственного университета.
E-mail: tatyana.fedosova@gmail.com

**ЧЖАО,
Сюе**

– кандидат филологических наук, преподаватель,
Сычуаньского университета (Китай, Чэнду).
E-mail: zhaoxue2018@163.com

**ШУНЕЙКО,
Александр
Альфредович**

– доктор филологических наук, профессор
Комсомольского-на-Амуре государственного
университета.
E-mail: a-shuneyko@yandex.ru

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс П5843
в каталоге Почты России

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77-30179 от 02.11.2007 г.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (редакция февраль 2010)». Согласно решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 10 октября 2008 года № 38/54, с 10 октября 2008 года к изданиям, рекомендованным для публикации основных научных результатов докторских и кандидатских диссертаций, относятся все издания, включенные в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Сдано в набор 01.03.2019. Подписано в печать 05.03.2019. Дата выхода издания в свет 06.03.2019. Формат 60×84/16. Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз. Заказ № 91.

Издательство и типография Алтайского государственного университета.
Адрес издателя: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 204.

© Издательство Алтайского государственного университета, 2019

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 35 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения – до 20 тыс. знаков с пробелами, другие материалы – до 10 тыс. знаков с пробелами). Для аспирантов – объем не более 20 тыс. знаков с пробелами.
2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf – True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.
3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.
4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.
5. Библиографическое описание научных изданий оформляется в сокращенном варианте (без указания издательства, страниц и вида издания – учебное пособие, монография, сборник и т.п.) и приводится в конце работы по алфавиту. Издания на иностранных языках располагаются после изданий на русском языке. Ненаучные издания (нормативные документы, архивные и др. материалы) указываются в отдельной рубрике «Список источников» в конце списка литературы
6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987*a*]. В списке литературы делается такая же пометка. При цитировании изданий на иностранных языках цитата дается на языке оригинала (при необходимости – с переводом автора статьи). Если цитата дана на русском языке в неавторском переводе, то в библиографическом списке указывается не иноязычный оригинал, а источник, в котором был опубликован перевод. Интернет-источники с изменчивым контентом без указания конкретного материала (кроме электронных изданий, подающихся библиографическому описанию), блоги, форумы и т.п., а также авторские комментарии помещаются в подстрочных примечаниях (сносках). Ссылка на источник приводимого в качестве иллюстративного материала фрагмента чужого текста дается после примера в круглых скобках: *Надзор за деятельностью банков должен быть в надежных руках* (Независимая газета. 01.02.2016).
7. Статьи следует отправлять в редакцию через электронный портал «Научные журналы АлтГУ» по адресу: <http://journal.asu.ru/pm/information/authors>. К статье прилагается справка об авторе или авторах: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**
8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.
9. Требования к оформлению основного текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 0,8 см. **Неосновной текст**, предвещающий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и.о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (не менее 1000 знаков с пробелами каждая). Далее следует **основной текст** статьи: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и.о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, список литературы и References.

Примечания:

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола

заседания кафедры), и отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте. 2. **Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).** 3. Все материалы публикуются в журнале бесплатно.